ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ВЕСЦІ
НАЦЫЯНАЛЬНАЙ АКАДЭМІІ НАВУК БЕЛАРУСІ

СЕРЫЯ ГУМАНІТАРНЫХ НАВУК. 2024. Т. 69, № 3

ИЗВЕСТИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК. 2024. Т. 69, № 3

Журнал основан в январе 1956 г.
Выходит четыре раза в год
Учредитель – Национальная академия наук Беларуси
Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь,
свидетельство о регистрации № 394 от 18.05.2009

Журнал рецензируется. Входит в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований, включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Главный редактор:

Александр Александрович Коваленя – Отделение гуманитарных наук и искусств Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

Редакционная коллегия:

В. И. Бельский – Заместитель Председателя Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, Минск, Беларусь *(заместитель главного редактора)*
А. И. Локотко – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь *(заместитель главного редактора)*
М. С. Макрицкая – Издательский дом «Беларуская навука», Минск, Беларусь *(ведущий редактор журнала)*

Е. М. Бабосов – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
П. А. Водопьянов – Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь
В. В. Гниломедов – Филиал «Институт литературоведения имени Янки Купалы» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь
В. Л. Гурский – Президиум Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
А. Е. Гучок – Высшая аттестационная комиссия Республики Беларусь, Минск, Беларусь
В. В. Данилович – Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь
Т. И. Довнар – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
А. И. Жук – Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Минск, Беларусь
И. Л. Копылов – Филиал «Институт языкознания имени Якуба Коласа» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь

А. Д. Король – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
В. Л. Лакиза – Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
Н. Л. Мысливец – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
М. В. Мясникович – Коллегия Евразийской экономической комиссии, Москва, Россия
П. Г. Никитенко – Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
И. В. Саверченко – Филиал «Институт литературоведения имени Янки Купалы» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь
А. С. Шамрук – Филиал «Институт искусствоведения, этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь
В. Н. Ярмолинская – Филиал «Институт искусствоведения, этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь

Р е д а к ц и о н н ы й с о в е т:

А. Н. Булыко – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
В. И. Васильев – Центр истории и теории культуры и академического сектора науки Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Научный и издательский центр «Наука» Российской академии наук», Москва, Россия
Г. Генчель – Институт славистики Университета Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия
С. Ю. Глазьев – Коллегия по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Москва, Россия
Е. К. Голаховска – Институт славистики Польской академии наук, Департамент лингвистики, Варшава, Польша
А. Е. Дайнеко – Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований, Минск, Беларусь
В. А. Ильин – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук», Вологда, Россия
С. Л. Кандыбович – Российская академия образования, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Федеральная национально-культурная автономия белорусов России, Совет при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям, Консультативный совет по делам белорусов зарубежья при МИД Республики Беларусь, Москва, Россия
С. П. Карпов – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Москва, Россия
Е. Миронович – Белостокский университет, Белосток, Польша
А. А. Сатыбалдин – Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алматы, Казахстан
А. В. Смирнов – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт философии Российской академии наук», Москва, Россия
Чжан Юйянь – Институт мировой экономики и политики Китайской академии общественных наук, Пекин, Китай
Янг Хионг – Институт социологии Шанхайской академии социальных наук, Шанхай, Китай

Адрес редакции:
ул. Академическая, 1, к. 119, 220072, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел.: + 375 17 272-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
Сайт: vestihum.belnauka.by

ИЗВЕСТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ.
Серия гуманитарных наук. 2024. Т. 69, № 3.
Выходит на русском, белорусском и английском языках

Редактор *М. С. Макрицкая*
Компьютерная вёрстка *Н. И. Кашуба*

Подписано в печать 04.07.2024. Выход в свет 29.07.2024. Формат 60×84 $^{1}/_{8}$. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 10,23. Уч.-изд. л. 11,3. Тираж 70 экз. Заказ 131.
Цена номера: индивидуальная подписка – 14,01 руб., ведомственная подписка – 32,74 руб.

Издатель и полиграфическое исполнение:
Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/18 от 02.08.2013. ЛП № 02330/455 от 30.12.2013. Ул. Ф. Скорины, 40, 220084, г. Минск, Республика Беларусь

© РУП «Издательский дом «Беларуская навука».
Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук, 2024

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

PROCEEDINGS
OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS

HUMANITARIAN SERIES, 2024, vol. 69, no. 3

This journal was founded in 1956

Frequency 4 issues per annum

Founded by the National Academy of Sciences of Belarus

This journal is registered by the Ministry of Information of the Republic of Belarus,
Certificate of Registration no. 394 dd. 18 May 2009

The journal is included in The List of Journals for Publication of the Results of Dissertation Research in the Republic of Belarus and in the database of the Russian Scientific Citation Index (RSCI)

Editor-in-Chief:

Aleksandr Aleksandrovich Kovalenya – Department of Humanities and Arts of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Editorial Board:

Valery I. Belski – Deputy Chairman of the Council of the Republic of the National Assembly of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus *(Associate Editor-in-Chief)*
Aleksandr I. Lokotko – Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus *(Associate Editor-in-Chief)*
Marina S. Makritskaya – Belaruskaya Navuka Publishing House *(Lead Editor)*

Evgeny M. Babosov – Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Pavel A. Vodopyanov – Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus
Vladimir V. Gnilomedov – Branch "Institute of Literary Studies named after Yanka Kupala" of the State Scientific Institution "Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus", Minsk, Belarus
Vasily L. Gurski – Presidium of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Aleksandr E. Guchok – Higher Attestation Commission of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus
Vyacheslav V. Danilovich – Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus
Taisiya I. Dovnar – Belarusian State University, Minsk, Belarus
Aleksandr I. Zhuk – Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus
Igor L. Kopylov – Branch "Institute of Linguistics named after Yakub Kolas" of the State Scientific Institution "Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus", Minsk, Belarus
Andrei D. Korol' – Belarusian State University, Minsk, Belarus
Vadim L. Lakiza – Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Nikolai L. Myslivets – Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Mikhail V. Myasnikovich – Board of the Eurasian Economic Commission, Moscow, Russia
Petr G. Nikitenko – Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Ivan V. Saverchenko – Branch "Institute of Literary Studies named after Yanka Kupala" of the State Scientific Institution "Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus", Minsk, Belarus

Alla S. Shamruk – Branch "Institute of Art History, Ethnography and Folklore named after Kondrat Krapiva" of the State Scientific Institution "Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus", Minsk, Belarus
Veronika N. Yarmolinskaya – Branch "Institute of Art History, Ethnography and Folklore named after Kondrat Krapiva" of the State Scientific Institution "Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus", Minsk, Belarus

E d i t o r i a l C o u n c i l:

Aleksandr N. Bulyko – Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus
Vladimir I. Vasilyev – Center for the History and Theory of Culture and the Academic Sector of Science of the Federal State Budgetary Institution of Science «Science and Publishing Center "Nauka" of the Russian Academy of Sciences», Moscow, Russia
Gerd Hentsthel – Institute of Slavic Studies at the Karl von Ossietzky University, Oldenburg, Germany
Sergey Yu. Glazyev – Board for Integration and Macroeconomics of the Eurasian Economic Commission, Department of the Faculty of Public Administration of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Lomonosov Moscow State University", Moscow, Russia
Eva K. Golakhovska – Institute of Slavic Studies of the Polish Academy of Sciences, Department of Linguistics, Warsaw, Poland
Aleksey Ye. Daineko – Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research, Minsk, Belarus
Vladimir A. Il'in – Federal State Budgetary Institution of Science "Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences", Moscow, Russia
Sergey L. Kandybovich – Russian Academy of Education, Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Federal National-Cultural Autonomy of Belarusians of Russia, Council under the President of the Russian Federation for Interethnic Relations, Advisory Council on the Affairs of Belarusians Abroad under the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Belarus, Moscow, Russia
Sergey P. Karpov – Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Lomonosov Moscow State University", Moscow, Russia
Evgeni Mironovich – University of Bialystok, Bialystok, Poland
Azimkhan A. Satybaldin – Institute of Economics of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan
Andrei V. Smirnov – Federal State Budgetary Institution of Science of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Zhan Yuyan – Institute of World Economy and Politics of the Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China
Yang Xiong – Institute of Sociology of the Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China

Address of the Editorial Office:
1 Akademicheskaya Str., Room 119, 220072, Minsk, Republic of Belarus.
Tel.: + 375 17 272-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru
Website: vestihum.belnauka.by

PROCEEDINGS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS.
Humanitarian Series, 2024, vol. 69, no. 3.
Printed in Russian, Belarusian and English

Editor *M. S. Makritskaya*
Computer imposition *N. I. Kashuba*

Signed to print on 04.07.2024. Published on 29.07.2024. Format 60×84$^{1}/_{8}$. Offset paper.
Digital printing. Printed sheets 10,23. Publisher's sheets 11,3. Circulation 70 copies. Order 131.
Number price: individual subscription – BYN 14.01, departmental subscription – BYN 32.74.

Publisher and printing execution:

Republican unitary enterprise "Publishing House "Belaruskaya Navuka".
Certificate on the state registration of the publisher, manufacturer,
distributor of printing editions No. 1/18 dated August 2, 2013. License for the press no. 02330/455 dated December 30, 2013.
Address: F. Scorina Str., 40, 220084, Minsk, Republic of Belarus.

© RUE "Publishing House "Belaruskaya Navuka",
Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series, 2024

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ

Данилов А. Н., Лазаревич А. А. Философ, конструирующий эпоху (К 90-летию со дня рождения академика В. С. Стёпина) 183
Бабосов. Е. М. Все мы родом из детства 191

ГІСТОРЫЯ

Куличенко В. В. Имущественное положение Православной церкви на территории БССР (1917–1939) 200

МОВАЗНАЎСТВА

Снігірова Н. А. Да пытання аб парадыгмальнай узаемаабумоўленасці кантактнай і арэальнай лінгвістыкі 213

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

Мдивани Т. Г. О преемственности в музыкальном авангарде 221

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

Барысюк Т. П. Спецыфіка рубаі ў беларускай паэзіі канца XX – пачатку XXI ст. 230

ПРАВА

Шахновская И. В. Трансформация института местного самоуправления в условиях цифровизации: опыт Республики Беларусь и Российской Федерации 241

РЭЦЭНЗІІ

Развадоўская Н. А. Гісторыю твораць асобы 250
Русілка В. І. Кніга, якую хочацца чытаць і перачытваць 256

ВУЧОНЫЯ БЕЛАРУСІ

Сцяпан Сцяпанавіч Лаўшук (Да 80-годдзя з дня нараджэння) 260

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

CONTENTS

PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

Danilov A. N., Lazarevich A. A. Philosopher constructing an era (To the 90th anniversary of Academician V. S. Stepin) 183
Babosov E. M. We all come from childhood 191

HISTORY

Kulichenko V. V. Property status of the Orthodox Church on the territory of the BSSR (1917–1939) 200

LINGUISTICS

Snigiriova N. A. On the issue of paradigmatic interdependence of contact and areal linguistics 213

ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

Mdivani T. G. On continuity in the musical avant-garde 221

LITERARY SCIENCE

Barysyuk T. P. The specifics of rubai in Belarusian poetry end of XX – beginning of XXI century 230

LAW

Shakhnovskaya I. V. Transformation of the institution of local self-government in the conditions of digitization: experience of the Republic of Belarus and the Russian Federation 241

REVIEWS

Razvadovskaya N. A. Personalities create history 250
Rasilka V. I. A book that you want to read and reread 256

SCIENTISTS OF BELARUS

Stepan Stepanovich Lavshuk (To the 80th anniversary Birth) 260

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ
PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

УДК 101.9+929
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-3-183-190

Поступила в редакцию 22.04.2024
Received 22.04.2024

А. Н. Данилов[1], А. А. Лазаревич[2]

[1]Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
[2]Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ФИЛОСОФ, КОНСТРУИРУЮЩИЙ ЭПОХУ (К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА В. С. СТЕПИНА)

Аннотация. Анализируется вклад выдающегося современного философа, педагога, организатора науки, академика Российской академии наук, иностранного члена Национальной академии наук Беларуси, почетного профессора Белорусского государственного университета Вячеслава Семеновича Степина (1934–2018), автора фундаментальных работ в области философии и методологии науки, социальной философии, философии культуры и культурологии, которому было дано конструировать эпоху. Отмечаются основные достижения философа: детальный анализ структуры научного знания, создание целостной концепции его динамики; открытие процедуры конструктивного обоснования и решение проблемы генезиса парадигмальных образцов в составе теории; анализ структуры и функций оснований науки. Ученый представил их и как аспект внутренней структуры научного знания, и как своеобразное опосредующее звено между научными знаниями и культурной традицией. С этой точки зрения он выделил во всех компонентах оснований науки особые пласты смыслов, которые выражают их социокультурную обусловленность и обеспечивают включение новых научных теорий и фактов в поток культурной трансляции; разработку концепции философского знания как рефлексии над базисными ценностями культуры, раскрытие механизмов, обеспечивающих эвристические и прогностические функции философии в научном исследовании: выявление и детальный анализ исторических типов научной рациональности (классическая, неклассическая, постнеклассическая наука); разработку концепции типов цивилизационного развития, синтезирующую позитивное содержание «формационного» и «цивилизационного» подходов к анализу общества. Проведен анализ с этих позиций базовых ценностей современной, техногенной цивилизации и разработаны возможные сценарии ее развития. Статья посвящена 90-летию со дня рождения академика В. С. Степина.

Ключевые слова: В. С. Степин, философия, культура, цивилизация, философия и методология науки, социальная философия, философия культуры, эпоха

Для цитирования: Данилов, А. Н. Философ, конструирующий эпоху (К 90-летию академика В. С. Степина) / А. Н. Данилов, А. А. Лазаревич // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2024. – Т. 69, № 3. – С. 183–190. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-3-183-190

Aleksandr N. Danilov[1], Anatoly A. Lazarevich[2]

[1]Belarusian State University, Minsk, Belarus
[2]Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

PHILOSOPHER CONSTRUCTING AN ERA (TO THE 90TH ANNIVERSARY OF ACADEMICIAN V. S. STEPIN)

Abstract. The article analyzes the contribution of the outstanding modern philosopher, teacher, organizer of science, academician of the Russian Academy of Sciences, foreign member of the National Academy of Sciences of Belarus, honorary professor of the Belarusian State University Vyacheslav Semenovich Stepin (1934–2018), author of fundamental works in the field of philosophy and methodology of science, social philosophy, philosophy of culture and cultural studies, which was given the opportunity to construct an era. The main achievements of the philosopher are noted: a detailed analysis of the structure

© Данилов А. Н., Лазаревич А. А., 2024

of scientific knowledge, the creation of a holistic concept of its dynamics; discovery of the procedure for constructive justification and solution of the problem of the genesis of paradigmatic samples as part of the theory; analysis of the structure and functions of the foundations of science. The scientist presented them both as an aspect of the internal structure of scientific knowledge, and as a kind of mediating link between scientific knowledge and cultural tradition. From this point of view, he identified in all components of the foundations of science special layers of meanings that express their sociocultural conditionality and ensure the inclusion of new scientific theories and facts in the flow of cultural transmission; development of the concept of philosophical knowledge as reflection on the basic values of culture, disclosure of mechanisms that provide heuristic and predictive functions of philosophy in scientific research: identification and detailed analysis of historical types of scientific rationality (classical, non-classical, post-non-classical science); development of a concept of types of civilizational development that synthesizes the positive content of "formational" and "civilizational" approaches to the analysis of society. An analysis was carried out from these positions of the basic values of modern, technogenic civilization and possible scenarios for its development were developed. Dedicated to the 90th anniversary of Academician V. S. Stepin.

Keywords: V. S. Stepin, philosophy, culture, civilization, philosophy and methodology of science, social philosophy, philosophy of culture, era

For citation: Danilov A. N., Lazarevich A. A. Philosopher constructing an era (To the 90th anniversary of Academician V. S. Stepin). *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series,* 2024, vol. 69, no. 3, pp. 183–190 (in Russsian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-3-183-190

Введение. Как-то на встрече со студентами Вячеслав Семенович заговорил о смысле жизни. Он тогда очень точно сказал: «Понятие смысла жизни определено теми идеалами, ценностями, на которые ориентирован человек. А эти идеалы могут быть разного масштаба. Они меняются на разных этапах развития личности, они меняются с развитием культуры. И все же в них должно быть общечеловеческое, что обеспечивает понимание нас как нашими современниками, так и будущими поколениями, что обеспечивает связь времен» [1, с. 20]. Как правило, люди рождаются в определенную историческую эпоху и чаще всего растворяются в ней. Но есть исключения из этого правила, когда масштаб личности отдельного человека столь велик, а вклад так очевиден, что эпоха называется его именем. Имя философа В. С. Степина (1934–2018) в этом ряду. Вячеславу Семеновичу Степину было дано конструировать эпоху. Эпоха его жизни – это время перемен, могущества и кризиса техногенной цивилизации, время зарождения нового понимания цивилизационных трансформаций. Его идеалы как ученого были столь масштабными, что и после его ухода он остается примером, обеспечивающим связь времен. Именно философия, как он считал, должна отыскать выход из кризисов, определить новые стратегии, новые идеи, ценности, новые мировоззренческие идеи. Только в таком случае философия становится востребованной практически, одна из главных задач которой сейчас как раз и состоит в том, чтобы найти точки роста новых ценностей в кризисной техногенной цивилизации, выявить мировоззренческие основания и общие тенденции человеческой эволюции современного цивилизационного развития.

Основная часть. Наследие В. С. Степина многогранно, проявление его таланта интересно во всем. Эти фундаментальные идеи о структуре научной теории, типах научной рациональности и научной картине мира, постнеклассической методологии сложных саморазвивающихся систем, типах цивилизационного развития уже стали классическими и внесены в научные анналы. В жизни он реализовал себя в полной мере: сумел создать свою научную школу, которая вошла в историю науки как Минская методологическая школа, отстоял Институт философии Российской академии наук, когда над ним нависла опасность его закрытия, обогатил науку работами мирового уровня. А сколько других дел, очень важных для науки и страны в целом, каждодневно творил этот великий мыслитель! Его эпоха – это мир победы разума, мудрости и добра, когда вся жизнь отдана любимому делу без остатка, и это не жертвенность, а счастье созидания, достижение вершин научной мысли, когда твоя работа принимается, кого-то восхищает и влюбляет в дело всей твоей жизни.

В. С. Степин никогда не пожалел о выборе философии в качестве своей специальности. Со временем он все больше погружался в предмет философских исследований, диапазон которых с годами только расширялся, захватывая в том числе и естественные науки, литературу, архитектуру и искусство. Жизнь философа В. С. Степина пришлась на эпоху перемен, и он сумел в своем

творчестве отразить время глобальной нестабильности и социокультурной турбулентности, выразить свое видение «точек роста» новой цивилизации. При этом ученый стремился основываться на ясном представлении о возможном будущем, оценивать и нашу реальность, и наше прошлое с позиции обобщения исторического опыта, традиций, трансформации ценностных ориентаций, поиска ответов на новые вызовы времени и минимизации возможных угроз.

Вячеславу Семеновичу судьбой было предопределено жить и творить в условиях системного кризиса в стране, во время катастроф и разрушений. На его глазах рушился советский мир, однако все эти болезненные катаклизмы не затмили искреннюю и очень крепкую привязанность ученого к белорусской столице – городу Минску. Здесь прожито более сорока лет и именно здесь так много состоялось в его судьбе.

В Беларуси помнят и чтят имя выдающегося ученого. К годовщине его смерти была опубликована книга «Академик В. С. Степин. Тайна долгого пути…» [2]. В ней освещается жизненный и творческий путь в науке Вячеслава Семеновича, представлены его беседы, интервью, воспоминания современников, архивные документы и редкие фотографии, раскрывающие многогранную деятельность В. С. Степина как ученого и организатора науки. Через два года в этом же издательстве впервые в Беларуси вышла главная монография ученого «Теоретическое знание: структура, историческая эволюция» [3]. Ранее книга выдержала уже несколько изданий в России, была переведена на испанский и английский языки. В ней представлена оригинальная авторская концепция структуры и генезиса теоретического знания, описаны операции построения теории. Анализ проведен на конкретном материале истории естественных и социальных наук. Особое внимание уделено современным способам и формам теоретического освоения мира.

19 августа 2024 г. исполнилось бы 90 лет со дня рождения В. С. Степина. К его юбилею Институтом философии НАН Беларуси вместе с российскими коллегами подготовлена коллективная монография «Эпоха академика В. С. Степина» [4], которая увидела свет в академическом издательстве «Беларуская навука». Прошли мероприятия в Белорусском государственном университете – alma mater Вячеслава Семеновича, где после его смерти открыта мемориальная аудитория, на факультете философии и социальных наук принято решение об учреждении именной премии имени академика В. С. Степина. В Институте философии Российской академии наук ежегодно проводятся Степинские чтения, собирающие ученых из разных стран, подготовлен и постоянно пополняется стенд, посвященный памяти ученого в Музее истории института. Работа по увековечению памяти выдающегося ученого продолжается.

В. С. Степин олицетворял идеал ученого, сформированного советской эпохой. Профессор В. И. Аршинов вспоминал о своих первых впечатлениях об академике: «…Уже тогда невозможно было избавиться от впечатления, что с ним (В. С. Степиным) в нашу философию науки приходит новое качество, качество ее опережающего развития, качество ее становления как конструктивно ориентированного языка междисциплинарного и трансдисциплинарного соучастия философии в развитии познания. Вся творческая биография Вячеслава Семеновича служит тому подтверждением. Интеллектуальная мощь, эмоциональная страстность, творческая энергия, постоянная включенность в обсуждение сложных проблем нашего мира, наконец, талант выдающегося педагога и организатора – все эти личностные качества Вячеслава Семеновича неотделимы от истории философии науки нашей страны, ее достижений конца прошлого и начала нынешнего века» [2, с. 207].

Развитие науки, при всей ее специфике и автономии, не изолировано от широкого социокультурного контекста, в который она погружена. Наука является сложным социально-культурным феноменом, имеющим свою историю возникновения, структурной эволюции, философско-методологической рефлексии. Данный феномен всегда был связан с конкретной исторической эпохой, определялся этой эпохой и активно на нее влиял, формируя культурный и цивилизационный смысл общественного развития. В работах В. С. Степина широко анализируются процессы, определяющие сущность науки в различные исторические периоды. Он показал, что наука не только отражает дух времени, но и активно воздействует на культурные и цивилизационные

стратегии развития общества. Каждая эпоха формирует свой уникальный научный дискурс, который в свою очередь оказывает влияние на общественное сознание, ценности, понимание настоящего и будущего.

Одним из ключевых аспектов рассмотрения науки как социально-культурного феномена является осознание того, что она не существует в вакууме, а всегда взаимодействует с другими сферами человеческой жизни. Влияние науки на технологический прогресс, экономику, мировоззрение и моральные ценности общества делает ее ключевым инструментом формирования культурного и цивилизационного профиля эпохи. Рассмотрение науки в контексте ее истории и взаимодействия с определенными эпохами позволяет глубже понять не только сам процесс развития научных знаний, но и их влияние на тип общества и его культурный ландшафт. В. С. Степин раскрыл не только структуру научно-теоретических знаний, но и показал особенности их возникновения и развития в эпоху классической, неклассической и постнеклассической науки, создав и обосновав в связи с этим концепцию соответствующих исторических типов научной рациональности.

Техногенная цивилизация, также концептуально осмысленная В. С. Степиным, определяется традициями и культурой индустриального общества. Но сегодня уже говорят о постиндустриальном обществе и постиндустриальной цивилизации, информационном обществе и информационной цивилизации, цифровой трансформации и соответствующем типе цивилизации и т. д. Насколько данные концепты адекватно отражают суть происходящих в науке, обществе и культуре изменений? Очевидно, сегодня формируется новый тип социальности, для которого необходимо сформулировать не только соответствующие научные формы концептуального отражения, но и в теоретико-методологическом плане спрогнозировать особенности его проявления на нескольких уровнях. И этому во многом способствуют открытая В. С. Степиным методология построения научной теории, структура и генезис, возможности ее измерения в философии и методологии науки.

Интересным, но чрезвычайно трудоемким представляется метод реконструкции, который активно использовал В. С. Степин в своих исследованиях. Основательная физико-математическая подготовка позволила ученому на ранних этапах своего становления реализовать этот метод в процессе анализа трудов Галилея, Гюйгенса, Кулона, Фарадея, Ампера, Эрстеда, Вебера и выявить некоторые общие приемы построения научной теории. Первой стала реконструкция процесса построения Д. Максвеллом теории электромагнитного поля. Это исследование было проведено Вячеславом Семеновичем совместно со своим университетским другом физиком-теоретиком Л. М. Томильчиком (1931–2023). В итоге были раскрыты основные операции построения развитой теории на этапе классического естествознания. Затем В. С. Степин показал, как изменяется стратегия теоретического поиска в неклассической науке. Для этой цели он осуществил реконструкцию процесса построения квантовой электродинамики, акцентируя внимание на процедурах Бора–Розенфельда, обеспечивших адекватную интерпретацию математического аппарата теории. Ученый досконально разобрался в непростой даже для профессионального физика-теоретика проблеме, причем совершенно самостоятельно, не прибегая к чьей-нибудь посторонней помощи. В результате были выявлены инвариантные, типовые процедуры построения развитой теории и их специфические особенности, отличающие формирование современных (неклассических) теорий от классических образцов.

Далее в своих работах В. С. Степин сформулировал концепцию структуры оснований науки, выделив в качестве компонентов научную картину мира, идеалы и нормы исследования, а также философские аспекты. Он проследил их функции как исследовательской программы в процессах эмпирического и теоретического поиска, их роль в систематизации научного знания и их функции в процессах включения новых научных знаний в поток культурной трансляции. Основания науки здесь предстали одновременно и как аспект внутренней структуры развивающегося научного знания, и как аспект его инфраструктуры, его прямых и обратных связей с культурой определенной исторической эпохи, в контексте которой развивается наука. Важным кластером новых

результатов явилось более глубокое выяснение функций философии в развитии научного знания. Была проанализирована роль философии в обосновании научной картины мира как условия ее онтологизации, а также обоснование идеалов и норм науки, изменяющихся при переходе от классического к неклассическому типу научной рациональности.

В этом анализе была акцентирована прогностическая функция философии, ее способность заранее вырабатывать категориальные смыслы, необходимые для освоения наукой новых типов системных объектов. В свою очередь анализ прогностической функции философии потребовал нового понимания культуры. В. С. Степин предложил рассматривать культуру как сложную исторически развивающуюся систему надбиологических программ человеческой жизнедеятельности (деятельности, поведения и общения людей). Такое расширение поля задач философии науки было естественным следствием логики ее развития. Идея социальной детерминации науки предполагает анализ развития научного познания в контексте развития цивилизации и культуры.

Уже работая в Институте философии РАН, несмотря на возросший объем организаторской работы, В. С. Степин не прекращал своих научных исследований. Новыми их результатами были концепция типов цивилизационного развития и концепция типов научной рациональности. Основной в творчестве ученого стала книга «Теоретическое знание» (М., 2000; 2-е изд. М., 2003), она переведена на испанский (Stiopin V. S. El Saber Teorico. Universidad Nacional de Educacion a Distancia. Madrid, 2004) и английский языки (Stepin Vyacheslav. Theoretical Knowledge. Springer, 2005). В 2021 г. монография была опубликована в Беларуси академическим издательством «Беларуская навука» [3].

Традиционно в методологии науки исходной единицей анализа была отдельно взятая теория и ее отношение к опыту. В подходе В. С. Степина в качестве базовой единицы рассматривается вся система теоретических знаний научной дисциплины в их связях с эмпирическими знаниями этой дисциплины. Данный подход стимулировал анализ становления новых научных теорий не только в аспекте внутридисциплинарных связей, но с учетом междисциплинарных взаимодействий. Применение этой методологии привело к разработке ученым перспективной концепции структуры и исторической динамики научного знания, имеющей широкий круг приложений не только в естествознании, но и в технических и социально-гуманитарных науках. В монографии «Теоретическое знание» прослежено, как осуществлялся переход от преднаучных знаний, ориентированных на решение практических задач своей исторической эпохи, к исследованию объектов и процессов, освоение которых становится возможным только в практике будущего. Этот переход был связан с формированием теоретического уровня научного познания. С этой точки зрения в книге проанализированы социокультурные предпосылки становления математики как теоретической науки; прослежено, как формировалась в контексте мировоззренческих установок европейская культура Нового времени, конституирующая идеи естествознания – соединения математического описания природы с экспериментом как методом ее исследования; выявлены социокультурные истоки формирования теоретического уровня знаний в технических и социально-гуманитарных науках.

В монографии особое внимание уделено процессам трансформации оснований в эпоху научных революций. В. С. Степин предложил новый подход, в котором трансформации парадигмы описываются в терминах логики открытия и прослеживаются преемственные связи между историческими типами парадигмальных оснований науки. Этот подход привел к двум новым методологическим результатам. Глобальные революции характеризуются как смена типов научной рациональности. В качестве таких типов научной рациональности В. С. Степин выделил классическую, неклассическую и постнеклассическую рациональность, где описал четкие признаки различения типов научной рациональности при наличии общих для всех них признаков, отличающих науку от других форм человеческого познания, соответственно прослеживая различие в интерпретации в каждом из типов рациональности идеалов и норм исследования и его философских оснований.

Далее в своем научном поиске В. С. Степин сосредоточился на проблематике философской антропологии и философии культуры, где представил экспликации современной картины социальной реальности как неотъемлемого компонента научной картины мира, которая синтезирует представления о развитии природы с представлениями о структуре общества и его исторической эволюции. В картине социальной реальности общество рассматривается как сложная система, которая исторически развивается во взаимодействии трех основных ее подсистем: экономики, социальных отношений людей в малых и больших социальных группах, культуры. Прослежена внутренняя логика исследований роли культуры в человеческой жизнедеятельности, функций культуры в воспроизводстве и развитии общества. Особо акцентированы проблемы культурно-генетических кодов, определяющих особенности различных видов цивилизаций и объединяющих их типов цивилизационного развития.

В. С. Степин показал, что фундаментальные ценности техногенного типа развития включали понимание человека как деятельностного существа, преобразующего окружающий мир. В культурах техногенных обществ утвердился идеал приоритета инноваций над традициями; возникло отношение человека к природе как к своего рода полю для преобразующей деятельности, как к неисчерпаемому резервуару ресурсов; идеал власти понимался не только как господство человека над человеком, но преимущественно как господство человека над объектами (природными и социальными). Ни одна из традиционалистских культур не приняла бы системы этих жизненных смыслов и ценностей. В традиционалистском типе развития доминировала иная, альтернативная техногенной, духовная матрица ценностей. Идея господства человека над природой была чужда сознанию людей традиционалистских обществ. В их культуре доминировало понимание окружающего мира как живого организма, в который включен человек и который должен стремиться к гармонии с миром, а не к его подчинению своей власти.

В своих исследованиях В. С. Степин показал ограниченность современного техногенного развития, связанного с доминированием потребительского начала, которое непременно приведет к обострению экологического и антропологического кризисов. Отсюда следует вывод о необходимости кардинального изменения стратегий развития, что в свою очередь предполагает поиск новых ценностей. Академик высказал предположение, что в этих поисках важнейшую роль могут сыграть общества, сохранившие в процессе модернизации некоторые ценности традиционалистского типа. В аспекте проблемы поиска новой системы ценностей ученым анализируются современные изменения в различных сферах техногенной культуры – в обыденном сознании, искусстве, науке, философии, правовом сознании, религии. Особое внимание уделено анализу современных тенденций развития российской культуры.

Вячеслав Семенович предложил новую интерпретацию фазовых переходов в социальном развитии. Обычно эти переходы описываются феноменологически, интегрально, как возникновение порядка из динамического хаоса. Он предпринял попытку структурного описания таких переходов в терминах саморазвивающихся систем.

Заключение. Таким образом, сформулируем основные результаты деятельности академика В. С. Степина в философском осмыслении глобальной эволюции человеческого развития:

проведен детальный анализ структуры научного знания, создана целостная концепция его динамики;

открыта процедура конструктивного обоснования и решена проблема генезиса парадигмальных образцов в составе теории;

проанализирована структура и функции оснований науки. Ученый представил их и как аспект внутренней структуры научного знания, и как своеобразное опосредующее звено между научными знаниями и культурной традицией. С этой точки зрения он выделил во всех компонентах оснований науки особые пласты смыслов, которые выражают их социокультурную обусловленность и обеспечивают включение новых научных теорий и фактов в поток культурной трансляции;

разработана концепция философского знания как рефлексии над базисными ценностями культуры, раскрыты механизмы, обеспечивающие эвристические и прогностические функции философии в научном исследовании;

выявлены и детально проанализированы исторические типы научной рациональности (классическая, неклассическая, постнеклассическая рациональность);

разработана концепция типов цивилизационного развития, синтезирующая позитивное содержание «формационного» и «цивилизационного» подходов к анализу общества. Осуществлен анализ с этих позиций базисных ценностей современной техногенной цивилизации и возможных сценариев ее развития.

В. С. Степин считал, что у каждого поколения существует свой опыт и свои проблемы. Молодым людям, поступающим сегодня в университеты, предстоит жить и работать в середине XXI столетия. Если учесть сегодняшнюю эпоху ускоряющихся социальных перемен, трудно предвидеть конкретные жизненные проблемы, которые им придется решать. Но можно утверждать, что глубокие социальные перемены неизбежно будут ставить проблемы фундаментальных смыслов и ценностных ориентиров человеческой жизнедеятельности. А это уже является предметом философского анализа, который в свою очередь предполагает системное мышление.

Такое мышление не возникает само по себе в обыденном сознании. Оно формируется в процессе обучения, причем обучения особым образом организованного, основанного на изучении фундаментальных наук. Сегодня поиск новых и перспективных путей образования и воспитания становится фактором сохранения и развития человечества, цивилизации и культуры в условиях растущих угроз разрушения фундаментальных основ цивилизационной жизни и даже самоуничтожения человечества.

Эпоху, в которой жил и творил академик В. С. Степин, он считал звездным часом для философии, так как видел востребованность философии в прогнозировании и программировании будущего. Завещанием для потомков стали следующие слова ученого: «Что-то мы сделали, что-то сделают другие. Важно, чтобы работа не прекращалась…». Наследие В. С. Степина огромно и по-настоящему еще не освоено. Верится, что и новые поколения ученых сполна используют открытия выдающегося философа, а жизненный подвиг Вячеслава Семеновича станет примером для подражания, таким, каким является для нас, его современников. В. С. Степин являлся философом, которому было дано конструировать эпоху.

Список использованных источников

1. Степин, В. С. О смысле жизни: диалог философов в студенческой аудитории / В. С. Степин, А. А. Гусейнов // День знаний в Университете: 1 сентября 2012 года / С.-Петерб. гос. ун-т профсоюзов. – СПб., 2012. – Вып. 18. – С. 15–20.

2. Академик В. С. Степин. Тайна долгого пути… / НАН Беларуси, Ин-т философии; сост. А. Н. Данилов; редкол.: А. Н. Данилов (отв. ред.) [и др.]. – Минск: Беларус. навука, 2019. – 286 с.

3. Степин, В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция / В. С. Степин; НАН Беларуси, Ин-т философии. – Минск: Беларус. навука, 2021. – 539 с.

4. Эпоха академика В. С. Степина / НАН Беларуси, Ин-т философии; сост.: А. Н. Данилов, Л. Ф. Кузнецова, А. А. Лазаревич; редкол.: А. Н. Данилов (отв. ред.) [и др.]. – Минск: Беларус. навука, 2024.

References

1. Stepin V. S., Guseinov A. A. On the meaning of life: dialogue of philosophers in a student audience. *Knowledge day at the University: september 1, 2012.* St. Petersburg, 2012, iss. 18, pp. 15–20 (in Russian).

2. Danilov A. N. (comp.). *Academician V. S. Stepin. The secret of the long journey...* Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2019. 286 p. (in Russian).

3. Stepin V. S. *Theoretical knowledge: structure, historical evolution*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2021. 539 p. (in Russian).

4. Danilov A. N., Kuznetsova L. F., Lazarevich A. A. (comp.). *The era of academician V. S. Stepin*. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2024. (in Russian).

Информация об авторах

Данилов Александр Николаевич – член-корреспондент, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии. Белорусский государственный университет (ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Республика Беларусь). E-mail: a.danilov@tut.by

Лазаревич Анатолий Аркадьевич – кандидат философских наук, доцент, директор Института философии Национальной академии наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: institute@philosophy.by

Information about the authors

Aleksandr N. Danilov – Corresponding Member, D. Sc. (Sociol.), Professor, Head of the Department of Sociology. Belarusian State University (9 Kalvariiskaya Str., Minsk 220004, Belarus). E-mail: a.danilov@tut.by

Anatoly A. Lazarevich – Ph. D. (Philos.), Associate Professor, Director of the Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: institute@philosophy.by

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)
УДК 314+316.74
https://doi. org/10.29235/2524-2369-2024-69-3-191-199

Поступила в редакцию 23.05.2024
Received 23.05.2024

Е. М. Бабосов

Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ВСЕ МЫ РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Аннотация. В статье осуществляется анализ роли детства как исходного начала в определении и реализации жизненной стратегии, формирования судьбы человека. Выявляется значение семьи как ценности в современных обществах. Рассматриваются основные составляющие и тенденции социодинамики народонаселения Беларуси.

Ключевые слова: социализация, семья, детство, методы воспитания, социодинамика народонаселения

Для цитирования: Бабосов, Е. М. Все мы родом из детства / Е. М. Бабосов // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2024. – Т. 69, № 3. – С. 191–199. https://doi. org/ 10.29235/2524-2369-2024-69-3-191-199

Evgeny M. Babosov

Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

WE ALL COME FROM CHILDHOOD

Abstract. In the article the role of childhood as a starting point in the formation and implementation of life strategy, the formation of human destiny are analyzed. The importance of the family as a value in modern societies is revealed. The main components and trends of the sociodynamics of the population of Belarus are considered.

Keywords: childhood, socialization, methods of education, sociodynamics of population

For citation: Babosov E. M. We all come from childhood. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2024, vol. 69, no. 3, pp. 191–199 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-3-191-199

Введение. Каждый человек, входящий в этот мир в раннем младенческом возрасте, мгновенно оказывается втянут, включен в беспредельный калейдоскоп бесконечных световых, звуковых, цветовых, обонятельных, осязательных, вибрационных, гравитационных и иных изменений, происходящих в любые мгновения времени, в любой точке пространства, осуществляющихся в разных направлениях, с реальной скоростью, с поливероятностной периодичностью, протяженностью, повторяемостью, эффективностью и т. д. Вся эта разноформенная, разнородная, многокачественная и полиструктурно воплощающаяся совокупность бесконечных изменений составляет многообразный, вечно трансформирующийся поток феноменов, событий, процессов, движений, действий, составляющих многозвучную, многоцветную, многомерную окружающую реальность, образует внешний мир, в котором происходят формирование и развитие ребенка и который с той или иной степенью интенсивности отображается, воспроизводится органами чувствования и восприятия последнего. На этом многообразном и многокачественном фундаменте выстраивается неповторимый, прекрасный и чрезвычайно важный для всего последующего существования начальный возрастной период жизни человека – *детство*, характеризующееся прежде всего семейной, а затем и общественной социализацией. Она в своей сущности, способах и формах осуществления предстает в качестве процесса усвоения развивающимся индивидом и/или социальной группой образцов поведения, социальных норм, ценностей, особенностей восприятия, осмысления и оценивания внешних реальностей и внутренних самовосприятий, комплексов интересов и мотиваций, информационно-коммуникационных предпочтений и навыков, необходимых для успешного функционирования индивида (группы) в данном обществе.

© Бабосов Е. М., 2024

Основная часть. Важнейшим социальным инструментом воспитательного воздействия на чувства и умы детей во все времена в России (как, впрочем, и в Беларуси) всегда была и поныне остается сказка. В качестве одного из самых убедительных доказательств верности данного суждения приведем замечательное по своей точности и глубине размышление российского писателя и доктора философских наук Генриха Волкова: «Сказки Пушкина, как и некоторые его стихи, ставшие народными песнями, – это обобщенный образ русского человека. Может быть, они – наиболее бессмертное из всего, что он создал. С колыбели они вводят каждого из нас в стихию русского языка, мироощущения, характера, приобщают к истокам народной мудрости» [1, с. 192].

Чтобы нить размышлений о воспитывающей сущности сказки в формировании мировосприятия и мирооценки у трехлетнего-четырехлетнего ребенка проявлялась более отчетливо и реально, напомним, что детство есть специфическая стадия развития жизненного цикла формирующейся личности от рождения до совершеннолетия. Этот многомерный и многозвенный процесс протекает в его органической событийной сопряженности с непрестанно изменяющимися и совершенствующимися социальными связями и взаимодействиями, в обширной и постепенно расширяющейся сети межличностных взаимодействий со взрослыми, прежде всего с родителями. Важность взаимодействия с родителями определяется постепенным изменением положения и самочувствия ребенка одновременно и как объекта воспитания, и как формирующегося субъекта. Именно здесь создаются условия для возникновения различных индивидуализированных форм модификации и трансформации детства.

Из значительного количества дошедших до нас воспоминаний людей, хорошо знавших Александра Сергеевича Пушкина в пору его раннего детства, чаще других называются его очень энергичная и эмоциональная подвижность и великолепные, большие, чистые и ясные голубые глаза, в которых, казалось, выражалось все прекрасное в природе, белые блестящие зубы и очаровательная, чуть насмешливая улыбка. По словам В. А. Нащёкиной, жены друга поэта, ее всегда поражали особая глубина, задушевность и поэтичность его удивительных глаз, в которых отражалась вся бездна дум и ощущений, переживаемых душою великого поэта. То, что делало его Пушкиным, согласно точному определению Г. Н. Волкова, – это «интенсивнейший, ежедневный, поэтический труд, беспрестанная работа саморазвития, самосовершенствования, расширения своих познаний» [2, с. 30].

В каждом произведении А. С. Пушкина, будь то сказка «О мертвой царевне и семи богатырях», о «Царе Солтане и князе Гвидоне», о «Попе и работнике Балде», роман «Капитанская дочка» и многих других, всегда утверждается огромная воспитательная сила мужества, верности, преданности своей родной земле и своему призванию, любимому делу, гневно осуждаются подлость, трусость, измена, предательство, обжорство и пустое, бездумное ничегонеделание.

Носителями благородных качеств, одухотворяющих и возвышающих человека в творениях Пушкина, выступают люди из народа – простые трудяги, сеятели, жнецы, правдолюбы. У детей, читающих внимательно «Капитанскую дочку», на всю жизнь остается в памяти образ Савельича, который до самопожертвования трогательно и верно любит своего молодого барина. Любит самоотверженно, без расчета на вознаграждение, любит не как холуй, а как старший друг, более умудренный жизненным опытом. Савельич не раб, не холуй, а заботливый, готовый всегда помочь и защитить своего воспитанника товарищ.

Еще более выразителен в этом же произведении образ Емельяна Пугачева, отличающийся мятежностью, широкой удалью, способностью и готовностью идти на риск ради достижения цели, всегда насмешливый, немного плутоватый, обладающий способностью платить добром за добро. Особенно впечатляет читателя детского возраста рассказанная Пугачевым главному герою повести притча об орле и вороне: «– Нет, брат ворон, – говорит орел, – чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там что Бог даст». В ней сквозь насмешливость и плутоватость с отчетливой прозрачностью просматриваются мироощущения, личностное мужество, твердость воли, нравственная вознесённость, высокая душевность русского человека.

Когда мы задумываемся о глубочайшей значимости великого творческого прозрения гениального поэта и великого гражданина о сущности и предназначении вдохновенной поэзии в ее служении своему народу, тогда в нашем воображении выстраивается смысловой диалог с другим поэтическим шедевром певца свободы, света и разума – стихотворением «Пролог», написанным десятью годами ранее. В нем в чувственно осязаемой и умственно оцениваемой форме выражена человеко-возвышающая программа назначения поэта в одной изящно-напевной строке: «Глаголом жги сердца людей» [6, с. 109].

В несколько иной тональности, по сравнению с А. С. Пушкиным, раскрывает в своем творчестве сущность и особенности детства великий русский писатель Лев Николаевич Толстой. В его знаменитом произведении «Детство» эта неповторимая и прелестная пора человеческой жизни предстает перед вдумчивым читателем как зажженная родителями яркая свеча, освещающая своим благотворным сиянием всю последующую жизнь человека. С первых страниц данного повествования автор вводит своего читателя в богатый, удивительный, потрясающий детскую душу мир книг об истории и путешествиях, о войнах и королях. Над книжным богатством господствовал воспитатель главного героя данного произведения – несколько чудаковатый, смешной и беспредельно добрый немец Карл Иваныч в восточном халате и красной шапочке, из-под которой виднелись редкие седые волосы. При всей своей искренней доброте по отношению к воспитанникам и сердитой ворчливости за сделанные мальчиками шалости этот воспитатель, нисколько не задумываясь, ставил своих учеников в угол, где висели на стене две линейки, употребляемые более для поощрения, чем для наказания.

А рядом с Карлом Иванычем в гостиной властвовала матушка главного героя, в облике которой выделялись ее карие глаза, выражающие всегда доброту и любовь, и нежная сухая рука, которую дети часто целовали. Когда матушка улыбалась, как ни хорошо было ее лицо, оно делалось несравненно лучше, и вокруг нее как будто веселело, вспоминает великий писатель. В том же стиле он рассказывает о своем отце, у которого были две главные страсти его жизни – карты и женщины, подчеркивая, что он любит его почти одинаково, как и своего воспитателя Карла Иваныча.

Подробно и с любовью описывает Лев Николаевич свое участие в детском возрасте в охоте на зайцев вместе со взрослыми. Но гораздо сильнее затронуло его воображение и оставило след в памяти что-то вроде первой любви. С большой привязанностью любил он свою няню Наталью Савишну, которая не только никогда не говорила, но и, конечно, не думала о себе. Вся жизнь ее была любовью и самопожертвованием по отношению к детям своих хозяев (вспомним Арину Радионовну у Пушкина).

Великий писатель и знаток человеческих душ всегда с удивительно грустной теплотой говорил о счастливой поре детства: «Вернутся ли когда-нибудь та свежесть, беззаботность, потребность любви и сила веры, которыми обладаешь в детстве? Какое время может быть лучше того, когда две лучшие добродетели – невинная веселость и беспредельная потребность любви – были единственными побуждениями в жизни? Где те горячие молитвы? Прилетал ангел-утешитель, с улыбкой утирал слезы эти и навевал сладкие грезы неиспорченному детскому воображению…» [9, с. 52]; «Счастливая, счастливая, неповторимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней? Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений» [9, с. 54].

Приведенные высказывания великого романиста – ярчайшее свидетельство художественно-литературного мастерства, более того, гениальности удивительного проникновения писателя в безмятежный и прекрасный мир детства, в многомерность, неповторимость и великую значимость этого феномена и возникающих в процессе его развертывания самонаблюдений для всей последующей жизни человека. А разве можно забыть пронизанное неизгладимым трагизмом и непреодолимой сыновьей любовью описание Львом Николаевичем страшного горя, обрушившегося на маленького мальчика, стоявшего на стуле у гроба, когда в ужасных страданиях умерла его мама, ее величественно прекрасный и поражающий неземным спокойствием, высо-

ким благородством, неразгаданностью тайны уходящего в иной мир человека, исполненный красоты и нежности образ? [9, с. 95].

На страницах толстовского «Детства» перед читателем проходит череда мастерски изображенных обликов тех слуг, которые наряду с матерью, отцом, братьями и сестрами, составляли ближайшее окружение писателя. Все они – и добрый старик Фока, и чрезвычайно заботливая Наталья Савишна, и чудаковатый воспитатель и наставник Карл Иваныч, и приказчик Яков Михайлов, и юродивый странник Гриша, и заезжающий на охоту Турка – простые люди из народа. Блистательно, с доброй усмешкой изображая облик каждого из них, классик художественной литературы воссоздает чувственно воспринимаемый и высоко оцениваемый читателем мир доброжелательного отношения к своим слугам, мир, в котором отвергается низменное лакейское пресмыкательство перед господином, но активно поддерживается доброжелательное ответственное отношение к своему делу и проявляющееся во всем, в стремлениях и поступках, достоинство личности простого человека из народа, готового всегда откликнуться сердцем и делом на беды и страдания других людей, прийти к ним на помощь. Во всех этих образах сказывается глубокая симпатия великого романиста к крепостным слугам, у которых нет принижающего человека лакейства, но во всех их действиях проглядывает достоинство личности и забота о благосостоянии и благополучии другого человека [9, с. 104].

Итак, перед нами две различные по стилю и мысли, по средствам воплощения авторского замысла и оценки значимости детства. Но за этим различием явственно проглядывает всеохватывающее единение в главном – в глубоком проникновении в сущностные, прелестные и неповторимые черты данного феномена, оказывающего благотворное влияние на всю последующую жизнедеятельность каждого человека – *поэзию детства, культуру детства*.

Поэзия детства требует возвышенного поэтического воплощения, мы же ограничимся осмыслением и философской трактовкой *культуры детства*. Несомненным приоритетом в этой сфере обладает Маргарет Мид, знаменитый специалист в области *культуры детства*, разработавшая учение о трех этапах ее развития. В своей замечательной книге «Культура и мир детства» она делает обоснованное и доказательное разграничение «между тремя типами культур – *постфигуративной*, где дети прежде всего учатся у своих предшественников, *кофигуративной*, где и дети, и взрослые учатся у сверстников, и *префигуративной*, где взрослые учатся также у своих детей. Постфигуративная культура – это такая культура, где каждое изменение протекает настолько медленно и незаметно, что деды, держа в руках новорожденных внуков, не могут представить себе для них никакого иного будущего, отличного от их собственного прошлого. Прошлое взрослых оказывается будущим каждого нового поколения; прожитое ими – это схема будущего для их детей. Будущее у детей формируется таким образом, что все пережитое их предшественниками во взрослые годы становится также и тем, что испытают дети, когда они вырастут» [5, с. 322]. По твердому убеждению исследователя, «в культурах такого рода каждый объект по своей форме, по тому, как с ним обращаются, как его принимают или отвергают, как им злоупотребляют, как ломают или же воздают ему незаслуженные почести, закрепляет формы производства и потребления всех других объектов. Каждый жест закрепляет, вызывает в памяти, отражает или же оказывается зеркальным образом, эхом любого другого жеста, более или менее полной версией которого он является» [5, с. 323].

В отличие от нее кофигуративная культура характеризуется преобладающей моделью поведения для людей, принадлежащих к данному обществу, каковым оказывается поведение их современников. Здесь дети и взрослые учатся у сверстников. Такие культуры присущи периоду «высших цивилизаций». Иммиграция в США и Израиль, считала Мид, – это типичный случай такого включения в культуру, когда от молодежи требуется, чтобы ее поведение резко отличалось от поведения, характерного для культуры их предков. В этом типе культуры старшие не являются более хранителями мудрости или модельного поведения для молодежи, которая сама, порой недостаточно верно, выбирает свой путь [1, с. 258].

Префигуративная культура, где взрослые учатся также у своих детей, утверждала Мид, отражает время, в котором мы живем. Изобретение и широкое применение компьютера, успешное

расщепление атома, открытия в области биохимии живой клетки, объединение всех частей мира реактивной авиацией и телевидением, множество других научно-технических инноваций, по убеждению Мид, привели к возникновению новых социальных механизмов изменения и передачи культуры, принципиально отличных от постфигуративных и кофигуративных. В префигуративной культуре дети стоят перед лицом будущего, которое настолько неизвестно, что их родители и деды не способны их правильно сориентировать, поэтому взрослые чаще учатся у детей, чем дети у взрослых [1, с. 258].

Изумительный по поэтическому погружению в бездну переживаний человеческих чувств и свершений, возвышающий людей и их мужественное воплощение в повседневных ратных подвигах мир мы находим в творчестве самого читаемого и авторитетного фронтового поэта Великой Отечественной войны Константина Симонова. Например, его стихотворение «Сын» своей возвышенной лирикой, задушевной человеческой добротой и незабываемой памятью пронизывает и потрясает творческую душу до беспредельных глубин. Сюжетная линия здесь проста до гениальности. В конце войны, под самым Берлином, на Одерной переправе, на последнем минном поле погибает командир саперного полка, глубоко и преданно любимый своими однополчанами. Ему воздали все заслуженные почести и награды, а жена полковника в Тамбове получила пенсию за погибшего мужа. Но живет еще где-то женщина, которая всю войну прошла рядом с ним. Не боясь лишиться жизни, она выносила его из огня, закрывая своим телом от пуль. Эта женщина стала его любовью в самом начале войны, в сорок первом. Вот пронзительные, как солнечный луч, и живительные, как родниковый источник, слова поэта:

Но живет еще где-то женщина,
Что звалась фронтовой женой.
Не обещано, не завещано
Ничего только ей одной.

Только ей одной да мальчишке,
Что читает первые книжки,
Что с трудом одет без заплаток
На ее, медсестры, зарплату…

…Сплетней душу ему не троньте!
Мальчик вправе спокойно знать,
Что отец его пал на фронте
И два раза ранена мать.

Есть над койкой его на коврике
Снимок одерской переправы,
Где с покойным отцом, полковником,
Мама рядом стоит по праву [7, с. 251–252].

Важный вклад в восприятие, осмысление сущности и значимости детства, в массовое перевоспитание детей-правонарушителей внес широко известный советский педагог и писатель Антон Семенович Макаренко. Он был убежден в том, что в воспитательной работе с детьми должен применяться метод, который, будучи общим и единым, в то же время даст возможность каждой отдельной личности развивать свои особенности, сохранять свою индивидуальность [4, с. 80]. Эта методическая установка органически сопряжена с утверждением, согласно которому воспитать ребенка правильно и нормально гораздо легче, чем перевоспитывать. По своей трудности правильное воспитание с самого раннего детства по силам каждому человеку, каждому отцу и каждой матери. Совсем другое дело перевоспитание, которое требует и больше сил, и больше знаний, и больше терпения, которые найдутся не у каждого родителя.

Антон Семенович обращал внимание на то обстоятельство, что «индивидуальный подход к детям не означает возню с уединенной капризной личностью. Надо уметь предъявлять бескомпромиссные требования к личности ребенка, имеющего определенные обязанности перед обществом и отвечающего за свои поступки. Индивидуальный подход к ребенку в том и заключается,

чтобы применительно к его индивидуальным особенностям сделать его преданным и достойным членом своего коллектива, гражданином Советского государства. Так рождается в ребенке твердость, несгибаемость закаленного характера, так воспитывается чувство гражданской чести, долга, сознание обязанности по отношению к другим людям» [4, с. 377–378]. Из этого вытекает самый главный вопрос теории и практики воспитания: в чем состоят заключительные цели воспитания? Выдающийся педагог отмечает: «Наша задача не только воспитывать в себе правильное, разумное отношение к вопросам поведения, но еще и воспитывать правильные привычки, т. е. такие привычки, когда мы поступали бы правильно вовсе не потому, что сели и подумали, а потому, что иначе мы не можем, потому что мы так привыкли. И воспитание этих привычек гораздо более трудное дело, чем воспитание сознания» [4, с. 422]. Замечательные рассуждения, обретающие новые грани актуальности в нашем современном обществе.

Профессор И. С. Кон считал необходимым «рассмотреть мир детства не только как продукт социализации и научения со стороны взрослых, но и как автономную социокультурную реальность, своеобразную субкультуру, обладающую своим собственным языком, структурой, функциями, даже традициями. Если до сих пор ученые смотрели на детство глазами взрослых, то теперь они хотят перевернуть угол зрения, рассмотреть взрослый мир сквозь призму детского восприятия. Социология детства рассматривает его не как природную данность, а как социальный конструкт, а детей – как соучастников (хоть и не всегда полноправных) социального процесса, имеющих свой собственный взгляд на мир» [3, с. 63, 67].

В качестве важнейшего фактора формирования и развития эффективно действующей культуры детства в современной психологии и социологии выделяют не отдельного ребенка, «а детскую группу как целостный социальный организм. Именно здесь удовлетворяет ребенок растущие социальные потребности в общении, в информации, в эмоциональном контакте, в совместной деятельности» [3, с. 64].

Важнейшей ценностью, как свидетельствует осуществленное в январе–феврале 2024 г. Институтом социологии НАН Беларуси репрезентативное социологическое исследование, для современных белорусов является здоровье. Среди многочисленных вопросов, задававшихся в процессе опроса респондентам, и ответов на эти вопросы абсолютное и бесспорное первое место в числе выделяемых ценностей занимает именно здоровье. Таково мнение 80,9 % респондентов от количества опрошенных жителей Республики Беларусь. У 75,8 % жителей Беларуси есть дети. Очень интересна мотивация родителей, побуждающая их к рождению детей. Из общего количества мужчин и женщин, имеющих в своей семье детей, 45,0 % убеждены, что рождение ребенка укрепляет семью. Чуть меньшее количество мам и пап – 43 % – считают, что дети эмоционально облагораживают и возвышают родителей. Более трети опрошенных (из числа имеющих детей) – 36,1 % – утверждают, что дети – будущие помощники в делах, надежда на благополучие в старости; 16,3 % родителей уверены в том, что если в семье имеется несколько детей, то их легче правильно воспитывать; 34 % опрошенных убеждены, что родительство важно для самореализации женщины и мужчины. И только 9,2 % родителей рассчитывают, что рождение ребенка позволит за счет льгот и помощи государства улучшить материальное положение семьи. Следует иметь в виду, что общая сумма процентов в приведенных цифрах больше 100, поскольку каждый опрашиваемый мог выбрать несколько вариантов ответов.

Тяжелейшей катастрофой как для родителей, так и для детей, особенно малолетних, является развод родителей. Официальные статистические данные позволяют выявить основные тенденции в развитии бракосочетания и разводимости в Республике Беларусь. Приведем цифровое выражение этих тенденций, составленное по итогам 2022 г. Общее число браков в нашей стране насчитывало 57 951, а количество разводов 33 980. В расчете на 1000 человек населения количество браков составило 6,3, а разводов – 3,7. Существенное значение имеет соотношение лиц, вступающих в брак, мужского пола по сравнению с женским. Если в первый брак вступают мужчины, достигшие 28,7 лет, а женщины – 26,5 лет, т. е. возрастная разница исчисляется небольшой величиной, составляющей 2,2 года, то вторым браком сочетаются мужчины в среднем в возрасте 42,3 года, а женщины – в 39,3 года, т. е. разница в возрасте увеличивается до 3 лет [8].

Назовем еще один, по-видимому, самый важный показатель в социодинамике народонаселения. В Беларуси за последние 10 лет на 11 % сократилось число разводов. Существенным является тот факт, что стали реже распадаться молодежные браки. В период 2020–2021 гг. пик распадов брачных союзов сместился с браков, просуществовавших до 5 лет, на более продолжительные союзы. В 2021 г. чаще всего распадались браки продолжительностью от 5 до 10 лет, еще 18,3 % браков длились от 10 до 15 лет, 10 % – от 15 до 20 лет и чуть более, 14 % – это браки, просуществовавшие 20 и более лет [8].

С учетом таких тенденций в настоящее время чрезвычайно важными являются укрепление института семьи, сохранение и упрочение духовно-нравственных ценностей. Семья в нашем обществе – это подлинная культура жизни, требовательный носитель национальных традиций и гуманистических ценностей, в первую очередь таких, как человечность, доброта, духовность, трудолюбие, патриотизм, устремленность в будущее.

В размышлениях, дискуссиях о сущности и роли детства, материнства, отцовства в формировании и развитии человека нельзя не обратить внимание на крупномасштабную и углубляющуюся дивергентность методологических и методических подходов к рассмотрению данной проблематики. С одной стороны, в Беларуси и России в целом критериями личности в демографическом измерении выступают муж, отец, жена, сын, дочь, внук. С другой стороны, в западноевропейских и североамериканских государствах определяют родителей не по полу, а по порядковым номерам: «Родитель один», «Родитель два» и т. д., настраивая детей на «гендерный суицид», возможность менять половую принадлежность по настроению, а церкви, вопреки Священному писанию, венчают однополые браки. Лишенное высоких смыслов общество превращается в аморальную и безответственную биомассу, которой легче управлять.

В социодинамике народонаселения Беларуси в рассматриваемой проблематике самое существенное значение имеют долговременные тенденции в рождаемости детей, скорректированные с процессами в среде браков и разводов в расчете на 1000 человек населения. За последние двадцать лет ситуация почти не изменилась: в 2001 и 2002 гг. было соответственно: браков 7,8 и 7,7, разводов – 4,4 и 4,4; в 2021 и 2022 гг. – браков – 6,4 и 6,3, разводов – по 3,7 [10].

Что касается рождаемости, то вырисовывается картина менее оптимистичная. Количество рождений в нашей стране снижается с 2017 г. В 2016 г. в Беларуси родилось 117 179 детей, в 2019 г. – 87 602, в 2023 г. – чуть более 65 тыс. Конечно же, необходимо учитывать, что уменьшается общая численность населения. В 2017 г. в стране проживало 9 504 704 человека, на начало 2023 г. – 9 200 617 (на 0,6 % меньше, чем на начало 2022 г., когда численность составляла 9 255 524). С 2020 г. из страны уехало не менее 200 тыс. человек, реальная цифра может быть значительно выше [11].

В середине мая 2024 г. замминистра труда и социальной защиты Беларуси Валерий Ковальков сообщил, что 80 % населения нашей страны проживает в семьях. Большинство семей воспитывают одного ребенка (чуть более 57 %). В каждой третьей семье – по двое детей (чуть более 33 %), а 9,2 % – многодетные. Причем количество больших семей растет. Сегодня их более 123,6 тыс., где воспитывается каждый четвертый ребенок в семье.

Очень важно, что в нашей стране поддержка семьи является национальным приоритетом. Согласно Конституции Республики Беларусь, брак, семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства, поскольку семья выступает в качестве основы сохранения нации и ее развития. За последние десятилетия белорусская семья значительно трансформировалась, произошли изменения в ее структуре, функциях родителей, а также в тенденциях брачности и разводимости. В последние годы наша молодежь более взвешенно подходит к вопросам заключения брака и рождения детей: они делают это в более поздние сроки, успевая сначала получить образование, начать профессиональную деятельность и даже построить карьеру. Средний возраст вступления в брак в 2021 г. составил 28,6 лет среди мужчин и 26,3 лет среди женщин. Средний возраст матери при рождении первого ребенка – почти 27 лет, в то время как в 1990 г. он не достигал и 23 лет [11].

Среди названных проблем приоритетной для белорусского государства, институтов гражданского общества, общественных организаций, широкой общественности является забота о здо-

ровье детей, для которых необходимо создавать самые комфортные условия. Здоровье детей – это демографическая безопасность, без чего нет смысла думать о завтрашнем дне. Весьма существенный акцент в данной проблематике сделан в утвержденной Всебелорусским Народным собранием в конце апреля 2024 г. Концепции национальной безопасности Республики Беларусь. В данном документе к стратегическим интересам и задачам отнесены всесторонняя защита и сбережение института традиционной семьи как союза между женщиной и мужчиной по рождению. В нем также уточнены угрозы институту традиционной семьи и направления нейтрализации их источников, что создает дополнительные предпосылки для повышения демографической безопасности и реализации принципа социальной справедливости для всех без исключения граждан страны. Любая популяризация стандартов бездетной семейной пары – «чайлдфри», идущая к нам с Запада, в нашем информационном, культурном, бытовом, социально-политическом пространстве должна рассматриваться как попытка ослабить белорусское государство.

Заключение. Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко не однажды высказывал убеждение, что наша страна способна и должна создать благодатные, добротные условия для проживания 15–20 млн человек. Каждый гражданин должен защищать свою семью, свой дом, своих родных и близких. Культ полноценной семьи с двумя и более детьми должен быть стилем жизни белорусов. Только тогда мы будем уверены, что следующие за нами поколения будут держать суверенитет в своих руках и гарантированно жить в мире.

Список использованных источников

1. Бабосов, Е. М. Социология: энцикл. слов. / Е. М. Бабосов. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 480 с.

2. Волков, Г. Н. Мир Пушкина: личность, мировоззрение, окружение / Г. Н. Волков. – М.: Молодая гвардия, 1989. – 269 с.

3. Кон, И. С. Ребенок и общество: учеб. пособие / И. С. Кон. – М.: Academia, 2003. – 334 с.

4. Макаренко, А. С. Сочинения: в 7 т. / А. С. Макаренко. – М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1951. – Т. 5: Общие вопросы теории педагогики. Воспитание в Советской школе. – 512 с.

5. Мид, М. Культура и мир детства: избр. произведения / М. Мид; пер. с англ., коммент. Ю. А. Асеева; сост. и послесл. И. С. Кона. – М.: Наука, 1988. – 429 с.

6. Пушкин, А. С. «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» / А. С. Пушкин // Русская лирика XIX века: в 2 т. / [сост. В. Орлов]. – М., 1977. – Т. 1. – С. 161–162.

7. Симонов, К. Стихотворения и поэмы / К. Симонов. – Пермь: Кн. изд-во, 1974. – 382 с.

8. Республика Беларусь: стат. ежегодник, 2023 / редкол.: И. В. Медведева [и др.]. – Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2023. – 607 с.

9. Толстой, Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т. / Л. Н. Толстой. – М.: Художеств. лит., 1978. – Т. 1: Детство. Отрочество. Юность. – 528 с.

10. Белстат подсчитал, сколько браков и разводов было в Беларуси в 2023 году [Электронный ресурс] // Смартпресс: портал интересных новостей. – Режим доступа: https://smartpress.by/news/64854. – Дата доступа: 12.05.2024.

11. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2023 [Электронный ресурс] / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск, 2023. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_78550/ belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania Minsk 2023. – Дата доступа: 12.05.2024

References

1. Babosov E. M. *Sociology: encyclopedic dictionary*. Moscow, LIBROKOM Publ., 2009. 480 p. (in Russian).

2. Volkov G. N. *Pushkin's world: personality, worldview, environment*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1989. 269 p. (in Russian).

3. Kon I. S. *Child and society*. Moscow, Academia Publ., 2003. 334 p. (in Russian).

4. Makarenko A. S. *Essays. Vol. 5. General issues in the theory of pedagogy. Education in the Soviet school*. Moscow, Publishing House of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR, 1951. 512 p. (in Russian).

5. Mead M. *Childhood in contemporary cultures*. Chicago, The University of Chicago Press, 1978. 471 p.

6. Pushkin A. S. "I erected a monument to myself, not made by hands". *Russian lyrics of the 19th century. Vol. 1*. Moscow, 1977, pp. 161–162 (in Russian).

7. Simonov K. *Poems and poems*. Perm, Book publishing house, 1974. 382 p. (in Russian).

8. *Republic of Belarus: statistical yearbook*. Minsk, National Statistical Committee of the Republic of Belarus**,** 2023. 322 p. (in Russian).

9. Tolstoi L. N. *Collected works. Vol. 1. Childhood. Adolescence. Youth*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1978. 528 p. (in Russian).

10. Belstat calculated how many marriages and divorces there were in Belarus in 2023. *Smartpress: portal of interesting new.* Available at: https://smartpress.by/news/64854 (accessed 05.12.2024) (in Russian).

11. *Statistical yearbook of the Republic of Belarus, 202*3. Minsk, 2023. Available at: https://www.belstat.gov.by/en/ofitsialnaya-statistika/publications/statistical-publications-data-books-bulletins/public_compilation/index_79773/ (accessed 12.05.2024).

Информация об авторе

Бабосов Евгений Михайлович – академик, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник. Институт социологии, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: Isst@socio.bas-net.by.

Information about the author

Evgeni M. Babosov – Academician, D. Sc. (Philos.), Professor, Chief Researcher. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: Isst@socio.bas-net.by.

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ГІСТОРЫЯ
HISTORY

УДК 2-9
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-3-200-212

Поступила в редакцию 08.04.2024
Received 08.04.2024

В. В. Куличенко

Минская духовная академия, Минск, Беларусь

ИМУЩЕСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА ТЕРРИТОРИИ БССР (1917–1939 гг.)

Аннотация. Рассматривается имущественное положение Православной церкви на территории БССР в 1917–1939 гг. Анализируются различные законопроекты, принятые советским правительством и имеющие отношение к национализации церковных ценностей. Указываются первые законодательные акты, принятые в отношении церковного имущества. Эти законы направлялись на национализацию церковных зданий, земли и иных ценностей с целью их использования в социалистическом строительстве. Отмечаются последующие изменения в законодательстве, которые касались церковного имущества. Рассматриваются такие аспекты, как отмена религиозного наследования, ликвидация церковных фондов, конфискация имущества монастырей и приходов, а также реализация этого имущества посредством продажи, аренды или передачи государству. В заключение автор делает выводы о влиянии законодательства советской власти на церковное имущество и предлагает ряд рекомендаций для дальнейшего исследования данной темы. Подчеркиваются сложность и контроверзность данной темы, отмечается, что оценка действий советской власти в отношении церковного имущества дается с точки зрения идеологической позиции автора.

Ключевые слова: советская власть, церковное имущество, национализация, законопроекты, революционный период, социалистическое строительство, ликвидация, конфискация, продажа, аренда, Русская Православная Церковь

Для цитирования: Куличенко, В. В. Имущественное положение Православной церкви на территории БССР (1917–1939 гг.) / В. В. Куличенко // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2024. – Т. 69, № 3. – С. 200–212. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-3-200-212

Viktor V. Kulichenko

Minsk Theological Academy, Minsk, Belarus

PROPERTY STATUS OF THE ORTHODOX CHURCH ON THE TERRITORY OF THE BSSR (1917–1939)

Abstract. This article examines Soviet legislation regarding church property and its implementation during Soviet history. The author analyses in detail the various bills passed by the Soviet government that had to do with the nationalisation of church property. The article begins by examining the first legislative acts passed in relation to church property. These laws were aimed at nationalising church buildings, land and other valuables in order to use them in socialist construction. The author then analyses the subsequent changes in legislation that concerned church property. He examines such aspects as the abolition of religious inheritance, the liquidation of church funds, the confiscation of monastery and parish property, and the realisation of this property through sale, lease or transfer to the state. In conclusion, the author draws conclusions about the impact of Soviet legislation on church property and offers a number of recommendations for further research on this topic. He emphasises the complexity and contradictory nature of the topic, noting that the assessment of the actions of the Soviet authorities with regard to church property depends on the author's point of view and ideological position.

Keywords: Soviet power, church property, nationalisation, bills, revolutionary period, socialist construction, liquidation, confiscation, sale, lease, Russian Orthodox Church

For citation: Kulichenko V. V. Property status of the Orthodox Church on the territory of the BSSR (1917–1939). *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2024, vol. 69, no. 3, pp. 200–212 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-3-200-212

© Куличенко В. В., 2024

Введение. Один из важнейших способов ограничения деятельности РПЦ, по мнению большевиков, заключался в лишении ее средств к существованию. Это касалось как Церкви в целом с системой административно-управленческих структур, так и экономики епархии, прихода, монастыря. Максимальному сокращению должны были подвергнуться доходы священнослужителей и иных лиц, обеспечивающих деятельность церковного механизма. До революции самостоятельными субъектами имущественных отношений выступали архиерейские дома, церкви, монастыри и иные благотворительные, попечительские, религиозные общества. В их собственности могли находиться свечные заводы, а также производство церковной утвари. Данные субъекты располагали денежными капиталами как неотъемлемой составляющей хозяйственной деятельности. Царское правительство, возлагая на РПЦ широкий круг общественных обязанностей, выделяло на ее содержание менее 20 % от предполагаемых сумм расходов [1, с. 467]. Остальные средства необходимо было заработать посредством религиозной деятельности, а также с помощью производства товаров и услуг.

Основная часть. Первоначально рассматривался вопрос о лишении Церкви земель. До революции из 2 300 000 десятин земли 65 % составляли мелкие наделы сельских церковных приходов и только 35 % принадлежали архиерейским домам и монастырям [1, с. 465]. Именно последние и могли использоваться с целью извлечения прибыли. Декретом «О земле» от 27 октября 1917 г. все земли становились государственной собственностью со всем живым и мертвым инвентарем и строениями: «Помещичьи имения, равно как все земли удельные, монастырские, церковные со всеми их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями, переходят в распоряжение волостных земельных Комитетов и уездных Советов Крестьянских Депутатов впредь до Учредительного Собрания» [2, с. 2]. Источник дохода от этих земель полностью ликвидировался. Духовенство на общем основании имело право пользования землей как частное лицо. Монастыри по мере их ликвидации еще какое-то время в виде трудовых коммун пользовались частью своих земель.

30 октября 1917 г., согласно Декрету «О передаче жилищ в ведение городов», все гостиницы, доходные дома, подворья, приюты, больницы передавались городским Советам [3, с. 142–149; 4, с. 124]. 20 января 1918 г. Декретом «О прекращении выдачи государственных средств на содержание церквей, часовен, священнослужителей, законоучителей и на совершение церковных обрядов» была прекращена выдача денег на содержание бывшего духовного ведомства, а с 1 марта 1918 г. и выплата жалованья духовенству [5, с. 20].

20 января 1918 г. был подписан, а 23 января 1918 г. опубликован Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». В 12-м пункте этого документа указывалось: «Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют» [6, с. 30]. Это означало запрет на ведение любой хозяйственной деятельности. В то же время пункт 13 полностью лишал религиозные организации всей собственности: «Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием» [6, с. 30]. По мере возможности имущество начало изыматься. В Беларуси это коснулось только епархиальных владений. На территориях с господствующей советской властью сразу же было отобрано более 6 000 строений [7, с. 35].

7 марта 1918 г., согласно постановлению Высшего Совета народного хозяйства РСФСР, государство ввело монополию на производство свечей. Были национализированы все церковные свечные фабрики, приносящие определенный доход для содержания церковных структур [8, с. 437]. Данные меры привели к ликвидации большинства источников финансирования РПЦ. В целом у РПЦ было изъято 904 043 га монастырской земли с инвентарем и скотом, 84 завода, 704 гостиницы, 1112 доходных домов, 311 пасек, 436 молочных ферм и 602 скотных двора [9, с. 28]. Капиталы, ранее принадлежащие религиозным организациям, уже были изъяты. Дальнейшее ограничение доходов православных религиозных организаций и духовенства могло касаться непосредственно религиозных действий.

20 декабря 1917 г. СНК был издан Декрет «О гражданском браке, детях и о ведении книг записей актов состояния», который наделял светский брак, зарегистрированный в ЗАГС, юриди-

ческой силой [10, с. 161–163]. Таким образом, церковный брак становился необязательным действием при создании семьи, что позволяло некоторой части православных верующих его игнорировать. Следует отметить, что на протяжении всего существования советской власти антирелигиозники стремились максимально «оградить» советскую молодежь от данного «пережитка». Здесь присутствовали и стремление побороть религиозность брачующихся, ослабить их подчинение родителям, и попытка уменьшить доходы клира от выполнения соответствующего обряда. Это касалось и иных таинств, особенно крещения. Несмотря на все усилия силовых структур, партийных и комсомольских активистов, а также угрозы местного руководства, начиная с конца 1939 г. большинство детей, в том числе партийцев, получали возможность приобщения к полноте православия [11, с. 83–84].

Важной задачей в тот период являлась ликвидация мест поклонения святыням. В первую очередь это коснулось мощей святых праведников. Циркуляр Отдела управления НКВД от 23 апреля 1919 г. «О вскрытии мощей» положил начало противоречащей советскому законодательству кампании. Ее главной задачей было подорвать доверие верующих РПЦ посредством «разоблачения» «нетленных останков». Увидев в раке не мумифицированное тело, а кости или иные части тела, верующий должен был, по мнению большевистских пропагандистов, отказаться от религии и, соответственно, не жертвовать на нужды обители. Для надежности мощи изымались и направлялись в антирелигиозные музеи.

Главным и основным ударом по Церкви должна была стать кампания по изъятию церковных ценностей. Летом 1921 г. в 34 губерниях РСФСР вследствие неурожая голодная смерть грозила миллионам граждан. Государство не располагало средствами для организации помощи. Между тем ситуация становилась катастрофической. Власти вынуждены были подключить к решению проблемы общественность и так называемую ими откровенную контрреволюционную структуру РПЦ. После переговоров с М. Горьким патриарх Тихон обращается к правительствам и общественным организациям зарубежья: «Помогите стране, помогавшей всегда другим! Помогите стране, кормившей многих и нынче умирающей от голода! На помощь немедля! На широкую, щедрую, нераздельную помощь!» [12, с. 160]. Ранее была организована работа внутри страны. Возглавляемый патриархом Всероссийский комитет помощи голодающим активнейшим образом включился в дело обеспечения продовольствием и материальными средствами. Организационный и интеллектуальный потенциал позволил довольно быстро добиться существенных результатов. Это не могло не насторожить власти.

Согласно решению ВЦИК, общественный Всероссийский комитет помощи голодающим (Помгол) был распущен в августе 1921 г. Собранные средства конфисковывались властями. Допустить рост авторитета РПЦ и ее иерархов антирелигиозники не могли, несмотря на неизбежность смерти голодающих. Обращение Церкви от лица патриарха и епископата находило поддержку у верующих, готовых создавать комитеты помощи [13, л. 69]. Однако политическим руководством данные структуры классифицировались как «гнезда контрреволюции» [14, л. 53]. В спешном порядке осенью 1921 г. разворачивается кампания по привлечению средств граждан. С помощью пропаганды на всех уровнях показывались и демонстрировались населению душераздирающие материалы о страданиях голодающих. Во всех трудовых коллективах принимались соответствующие решения об оказании помощи [15, с. 78]. Населению разъяснялось, что тысячи людей гибнут, в то время как в стране имеется стратегический резерв в виде «несметных богатств» церковников [16, с. 78].

С одной стороны, благодаря пропаганде планировалось получить дивиденды через очернение духовенства и церковных структур. С другой стороны, предполагалось нанести мощнейший экономический удар по основному базовому звену РПЦ – приходам. Христианское сердце не могло не отозваться на следующие слова: «Голод страшный и ужасный: ежедневно умирают от голода тысячи людей. С каждым днем число смертных случаев увеличивается. Пищевые суррогаты все съедены. Голодающие питаются падалью чистых и нечистых животных и даже людскими трупами. Зарегистрировано несколько случаев людоедства. Родители закалывали и ели собственных детей» [17, л. 69].

Главная идеологическая задача заключалась в противопоставлении сострадающего верующего и «жадного попа». Сам человек должен был максимально отозваться на подобные мольбы и заставить клир сдать все имеющиеся ценности. Большевикам нужны были средства для государственного строительства и удержания власти, в том числе лишенные всякого имущества богослужебные помещения. При этом с помощью пропаганды изъятие церковных ценностей трактовалось как «борьба с религией и церковными организациями» [16, с. 78].

23 февраля 1922 г. Секретарь ЦК РКП(б) В. Молотов издал следующее распоряжение: «Необходимо расширить начавшееся движение беспартийных рабочих и крестьян в пользу использования золота и серебра, лежащих в храмах, для голодающих до размеров общенародного движения, добившись того, чтобы не было ни одного завода, ни одной фабрики, не принявших решения по этому вопросу» [6, с. 73]. Идеологами посредством митингов, собраний и публикаций в прессе было сформировано мнение, что церковные ценности в данный момент лучше всего употребить для оказания помощи голодающим [18, л. 25]. В этом случае важно было навязать обществу мнение о недостаточности участия Церкви в преодолении данного народного бедствия. Все предыдущие усилия священнослужителей и прихожан предавались забвению, на передний план с помощью пропаганды по указанию высшего партийного руководства выдвигалась идея о конфискации «несметных богатств» РПЦ и иных культов.

В феврале 1922 г. стало очевидно следующее: во-первых, миллионам людей надо помочь, и помочь срочно, немедленно и каждому, во-вторых, пройдет волна очередной экспроприации, что было характерно для данного времени. Периодический принудительный сбор необходимых государству ресурсов проходил по праву сильного, власть имущего. В приходах и монастырях имелся определенный ресурс, который можно было отдать на благое дело. Еще в декабре 1921 г. ЦК Помгола сообщал патриарху о возможности направления церковных ценностей на помощь голодающим. Разрабатывались механизмы сбора и направления средств в Помгол. Первоначально государство занялось классификацией и сбором церковных ценностей в монастырях и закрываемых храмах. Процесс этот происходил хаотично. Имели место расхищение, передача в другие храмы, продажа органами местной власти. Согласно Декрету «О ценностях, находящихся в церквях и монастырях» от 27 декабря 1921 г. [19, с. 381] и Постановлению от 2 января 1922 г., ВЦИК фактически запретил любое передвижение имущества без разрешения Главмузея и его подразделений. В дальнейшем предстояло определить механизмы реализации или передачи новым собственникам историко-культурных ценностей, а также условия хранения в Гохране всех драгоценных предметов.

6 (19) февраля 1922 г. патриарх Тихон издает воззвание «Об усилении помощи голодающим (с разрешением сдачи в Помгол церковных ценностей, не имеющих богослужебного употребления)»: «Бедствие голода разрослось до крайней степени. Протяните же руки свои на помощь голодающим братьям и сестрам и не жалейте для них ничего, деля с ними и кусок хлеба, и одежду по заветам Христа. Учитывая тяжесть жизни для каждой отдельной христианской семьи, вследствие истощения средств их, мы допускаем возможность духовенству и приходским советам с согласия общин верующих, на попечении которых находится храмовое имущество, использовать находящиеся во многих храмах драгоценные вещи, не имеющие богослужебного употребления (подвески в виде колец, цепей, браслеты, ожерелья и другие предметы, жертвуемые для украшения святых икон, золотой и серебряный лом), на помощь голодающим» [6, с. 190]. Иной позиции православный христианин и тем более первосвятитель РПЦ занять не мог, однако это не входило в планы большевиков. Как и раньше, их задача заключалась в нарушении нормального порядка церковноприходской жизни. Изымать следовало в первую очередь предметы, необходимые для организации богослужений. Инициатива патриарха Тихона наносила удар по информационно-пропагандистскому сопровождению кампании, нацеленной на грабеж Церкви. Логичность и жертвенность воззвания от 19 февраля 1922 г., безусловно, еще более усиливали авторитет и патриарха, и всего клира. Если из приходов отдадут все драгоценные небогослужебные предметы, то возможность изъятия «священных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской Церкви и карается Ею как святотатство» в глазах

верующих будет совершенно не оправдана [12, с. 200–203, 204]. Подобные действия будут классифицироваться верующими как антицерковная кампания, что полностью противоречило официальным идеологическим установкам. Поэтому в спешном порядке ВЦИК издает 23 февраля 1922 г. Декрет «Об изъятии церковных ценностей для реализации на помощь голодающим»: «Ввиду неотложной необходимости спешно мобилизовать все средства страны, могущие послужить средством спасения погибающего от голода населения Поволжья» [13, л. 4]. При этом документ допускал возможность сохранения предметов, «изъятие которых не может существенно затронуть интересы самого культа» [13, л. 4].

1 марта 1922 г. в БССР принимается аналогичное решение: «В целях усиления средств для борьбы с голодом Президиум ЦИК Белоруссии постановляет: присоединиться к постановлению Президиума ВЦИК об изъятии из храмов всех культов драгоценных вещей, не имеющих священного значения» [13, л. 88]. Белорусскую комиссию помощи голодающим возглавил председатель ЦИК А. Червяков. Основная нагрузка должна была лечь на финансовые органы, поэтому заместителем белорусского Помгола стал заместитель Наркомата финансов. 2 марта 1922 г. была опубликована инструкция «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих» [13, л. 5]. Главная задача заключалась в обеспечении наличия церковных ценностей, согласно ранее составленных описей имущества, при передаче храмов в аренду группам верующих. Властям этот процесс необходимо было максимально быстро провести, поскольку далеко не все богослужебные помещения были соответствующим образом оформлены. В них имелись дореволюционные описи имущества. Следует отметить, что эвакуация, боевые действия, реквизиции властей, в том числе незаконные, значительно уменьшили количество реально имеющихся драгоценных предметов. Некоторые инвентарные книги могли исчезнуть как преднамеренно, так и по недосмотру. Установленный недельный срок должен был обеспечить эффект неожиданности [13, л. 4]. Ответственность за своевременное и полное предоставление описей имущества возлагалась и на руководителей всех религиозных культов. 8 марта 1922 г. Комиссия ознакомила представителей духовенства с изданными властями постановлениями [13, л. 252]. Следующим шагом должна была стать классификация имеющихся предметов и их непосредственное изъятие специальными комиссиями [20, с. 21].

В БССР работа с описями и инвентарными книгами к 15 марта 1922 г. в основном была завершена. В то же время из Москвы ЦК КП(б)Б было дано указание: «Назначить свои собственные сроки фактического изъятия, исходя из местных условий, обеспечив необходимую подготовку, но и не затягивая дело ни на один день» [13, л. 72]. Несмотря на ранее проводимую информационно-пропагандистскую работу о необходимости привлечения церковных ценностей на нужды голодающих, эмоциональный фон кампании существенно изменился. Во-первых, в приходах и так постоянно шел процесс сбора средств голодающим. Прихожане это видели и оценивали. Во-вторых, послание патриарха Тихона от 16 февраля 1922 г. «Об усилении помощи голодающим (с разрешением сдачи в Помгол церковных ценностей, не имеющих богослужебного употребления)» в глазах населения ставило крайнюю точку в границах отъема имеющихся предметов. Весьма негативный фон создавали резкие действия антицерковных деятелей при изъятии ценностей в центральных регионах РСФСР, которые, возможно, отличились еще при ликвидации мощей. Определенную роль сыграли, конечно же, обращение патриарха Тихона к М. Калинину и его «секретная инструкция» в отношении изъятия, превратившаяся не только в грабеж материальных ценностей, но и целенаправленную реквизицию богослужебных предметов [12, с. 191]. Важнейшими задачами кампании являлись и антицерковная пропаганда, и содействие расколу РПЦ. Массы, особенно крестьянство, по мнению властей, должны были принять активное участие в грабеже церковного имущества [20, с. 18].

Организовать в подобных условиях пропагандистскую кампанию было чрезвычайно сложно. Практически по всей стране работа комиссий по изъятию церковных ценностей во второй половине 1922 г. была парализована. Становился очевидным план большевиков по отношению к РПЦ. Но и отступать В. Ленин и Л. Троцкий не собирались. В. Ленин в письме для членов Политбюро ставил вопрос максимально жестко: «Провести изъятие церковных ценностей самым решитель-

ным и самым быстрым образом» [21, с. 193]. И далее отмечалось, что необходимо «с максимальной быстротой и беспощадностью подавление реакционного духовенства. Чем большее число реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше» [21, с. 193].

Л. Троцкий требовал создания на местах также и секретных комиссий по изъятию церковных ценностей, поскольку официальные из числа советских работников с задачами не справлялись [6, с. 94–96]. Их усиливали партийными работниками, командирами и комиссарами воинских частей, сотрудниками политотделов. По мнению И. И. Янушевича, «документов о наличии такой секретной комиссии в Белоруссии не обнаружено, но директива Кремля была, безусловно, выполнена. Наибольшее число приказов и распоряжений в уезды шло, помимо Талунтиса, за подписью заведующего АПО В. Кнорина и начальника ГПУ Белоруссии Я. Ольского» [22, с. 127].

В первой декаде апреля 1922 г. в Беларуси корректировалась деятельность и ЦК Помгола, и комиссий на местах. Налаживались коммуникации между ведомствами, определялся план работы и порядок изъятия [25]. Первыми подлежали изъятию ценности из синагог, потом из православных храмов и «затем только из католических костелов» [13, л. 220]. Синагоги размещались главным образом в крупных населенных пунктах, что позволило имеющемуся составу комиссий завершить работу в течение недели. 26 апреля 1922 г. начали изымать церковные ценности из православных храмов. Первыми пострадали наиболее крупные и, по мнению экспроприаторов, богатые церкви. Однако следует отметить, как указывал властям епископ Мелхиседек, каких-то серьезных материальных ценностей, драгоценных металлов, произведений искусств в храмах Беларуси не было и до революции. Тем более, что боевые действия, смена политических режимов, а также эвакуация не способствовали их сохранности. Изъятие церковных ценностей в БССР проходило достаточно медленно. Ввиду малочисленности соответствующих комиссий и при разбросанности объектов по всей территории к назначенному планом сроку оно не завершилось [13, л. 165]. Архивные документы свидетельствуют, что на «1 мая 1922 г. было собрано в БССР от итоговых цифр 27 % серебра, 5 % золота, 50 % бриллиантов, 80 % жемчуга, а ведь в первую очередь соответствующая работа проводилась в наиболее богатых городских храмах. И это с учетом того, что как такового активного сопротивления в БССР священнослужители и верующие не оказывали. События в РСФСР показывали бесперспективность открытого сопротивления грабежу» [20, с. 2].

Епископом Мелхиседеком к 13 апреля 1922 г. было написано «Архипастырское обращение к возлюбленным о Господе чадам, духовным пастырям и пастве епархии Минской» [13, л. 169]. Государственное издательство напечатало его в количестве десяти тысяч экземпляров. Белорусские власти весьма положительно характеризовали обращение: «Оно имело главную цель – повлиять не только на малосознательную массу крестьянства, еще довольно темного, но и подействовать на рядовое духовенство не чинить препятствия по проведению в жизнь постановления ВЦИК» [13, л. 46].

Основная задача властей состояла в том, чтобы при изъятии ценностей отсутствовало сопротивление: «Не чинить препятствия по проведению в жизнь постановления ВЦИК». Ни прихожане, ни клир не были согласны с действиями комиссий и оголтелой пропагандой. Однако главная идея воззвания заключалась в том, чтобы «проникнуться состраданием, отозваться сердечным откликом любви и милосердия на вопль, страдания гибнущих голодною смертью людей, поделись последним с голодным братом своим, как ни скудна и нища собственная жизнь» [13, л. 69]. Тем не менее сопротивление продолжалось. Все, что можно было спрятать, было спрятано. Имелись и факты сопротивления на белорусских землях, не входящих в состав БССР. Принимались соответствующие резолюции, а то и просто богослужебные предметы «изымались» у изымающих [20, с. 34].

Приведем пример сопротивления в деревне Буйновичи Мозырского уезда: «При изъятии церковных ценностей взбудораженная священником толпа не допускает к изъятию. Комиссия ждет указаний. Срочно сообщите, как быть» [13, л. 115]. Указание А. Червякова было ожидаемым: «Священника немедленно арестовать и доставить в Минск для предания суду. Произвести изъя-

тие» [13, л. 115]. Согласно директиве Наркома юстиции В. Курского, «дела церковных ценностей» рассматривались «вне всякой очереди, привлекая к участию в заседаниях широкие массы населения под личной ответственностью Завгубюстов» [13, л. 48]. Судьба священника была предрешена. После незамедлительного суда он был расстрелян.

Согласно отчету Центральной Белорусской комиссии, в республике было изъято: 30 пудов 15 фунтов 52 золотника 5 долей серебра, 21 золотник 28 долей золота, 12 золотников жемчуга, 45 шт. 29/32 карата бриллиантов, 33 фунта 27 золотников 54 доли медных монет и 52 шт. драгоценных камней [13, л. 218]. До 5 октября 1922 г. комиссии по изъятию церковных ценностей должны были ликвидироваться.

Сколько на самом деле было изъято церковных ценностей и предметов в ходе данной кампании, установить проблематично. Духовенство и верующие высказывали сомнения: «Пойдут ли по назначению собранные средства?» [13, л. 120]. Компетентность и порядочность членов комиссий вызывали ряд вопросов. Инструкция ВЦИК давала право оценки ценностей самим членам комиссий: «Ценные изделия зачислять вашей оценкой» [13, л. 190]. И. И. Янушевич отмечал: «Наличные деньги, реальные ценности привлекали многих. В суматохе, где по недочету, где сознательно, значительная их часть уходила в руки членов комиссий, вспомогательных отрядов и т. д. В то же время комиссаров, к примеру, называли «ловцами жемчуга» [23, л. 129]. Вопиющий случай установила РКИ БССР: «Находящиеся на тот момент ценности из серебра и золота, за исключением колец, приняты без веса. Одно кольцо оказалось на руках у кассира, взявшего его для определения веса. Обнаружены деньги, причем они не проведены по соответствующим книгам» [24, л. 15]. Особенно настораживает, что касса Помгола находилась в рабочем кабинете секретаря ЦК КП(б)Б А. Криницкого. В процессе проверки Белорусской комиссии Помгола было установлено «бесхозяйственное хранение значительного количества ценностей» [25, л. 140]. Данная информация и иные подобные случаи не могли не настораживать верующих и клир. Жертва на голод становилась добычей официальных лиц, что никак не способствовало распространению атеизма и подрыву авторитета Церкви [23, л. 129].

Еще большие сомнения вызывал фактический запрет на замену предметов равной стоимостью. Первоначально в декрете говорилось о ценностях, не имеющих богослужебного употребления. Предусматривалась и замена «подлежащих изъятию ценностей равноценными в натуральной стоимости по твердой валюте» [13, л. 263]. Однако это не входило в планы по нанесению максимального урона религиозным организациям: «В случаях предложения со стороны групп верующих выкупа за ценности заявлять, что вопрос в каждом отдельном случае должен быть решен в ЦК Помгола, ни в коем случае не приостанавливая при этом работы по изъятию тех предметов, о которых заявлено» [6, л. 96]. Направленные в Гохран ценности на территорию республики возвращены не были. Оставленные до выяснения вопроса в середине мая 1922 г. ценные предметы необходимо было срочно сдать: «В случае недоставления таковые предметы будут изъяты средствами Белорусской комиссии Помгола, а ответственные за срыв мероприятий Советской власти понесут суровое наказание» [13, л. 271]. Данная позиция, в первую очередь Л. Троцкого, не могла не компрометировать идею изъятия церковных ценностей на нужды голодающих. С одинаковым успехом равную по стоимости вещь можно было обменять на продовольствие. И. И. Янушевич писал: «Частыми были случаи, когда комиссиями изымалась почти вся церковная утварь, а после ее сортировки в уездном финотделе малоценные предметы передавались в музеи либо их могли забрать представители приходов» [23, л. 129]. Изъятые ценности в абсолютном своем количестве – это жертва местных верующих людей, которые с радостью осознавали, что помогли людскому горю. И, конечно, их одолевала великая горечь, если они узнавали или догадывались, что их сограждане преступили заповедь «не укради» и совершили грех святотатства.

По всей стране итоги деятельности Помгола подсчитали к ноябрю 1922 г. Согласно официальной версии, из храмов и монастырей было изъято 33 пуда золота, 23 997 пудов серебра, 35 670 бриллиантов. Стоимость изъятого составляла до 4 650 810 золотых рублей. Следует отметить, что сама кампания была весьма затратной. Деньги перечислялись на организационные и техни-

ческие расходы, антирелигиозную агитацию. Не до конца исследована судьба ценностей в Гохране. Однако главная задача – ликвидация РПЦ посредством отъема материальных ценностей и предметов, имеющих богослужебное употребление, – выполнена не была. Удар по экономической составляющей приходов и иерархии был колоссальный. В результате организация нормальной церковной жизни была затруднена. Это не могло не повлиять на воцерковленность части верующих и настроения священников в приходах. Безбожники достигли определенных успехов [26, л. 51].

Дальнейшее изъятие ценностей Церкви представлялось нерациональным. Необходимо было выстраивать систему экономических ограничений в условиях новой экономической политики. Фактически всякая хозяйственная деятельность была максимально ограничена, но это не приводило к ликвидации приходов. Баланс между целесообразностью борьбы с религией и церковью и государственным строительством был нарушен в 1928–1929 гг. Кроме причин изменения внутри- и внешнеполитической ситуации, которые не смогли оказать влияние на государственно-церковные отношения, важным фактором являлось состояние РПЦ в целом. Процесс атеизации населения в первое десятилетие советской власти имел крайне неудовлетворительные результаты: от 80 до 90 % населения оставались верующими. Количество православных приходов по стране во второй половине 1920-х гг. даже увеличилось, причем тихоновских [27, с. 132]. Реакция антирелигиозного аппарата в условиях поиска максимально эффективной формы государственного строительства, основанного на монополии на принятие любых управленческих решений, последовала незамедлительно.

В экономическом плане церковноприходские структуры оказались чрезвычайно эффективны. В 1920-е гг. единственным источником поступления средств являлись прихожане того или иного храма. Налоговые платежи и сборы будут рассмотрены отдельно. На содержание помещения, сторожа, священника необходимы были средства. Нормальная церковная жизнь не может ограничиваться исключительно богослужениями. Близкие по духу люди объединялись и для совместного времяпровождения, обучения. Негласно организовывались и небольшие производства. Люди жертвовали свои сбережения, зачастую весьма скудные, на возможность отправления культа в традиционной форме или максимально к ней приближенной. Все это необходимо было пресечь. Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б)–ВКП(б) пришла к выводу, что необходимо принять максимально исчерпывающие меры по ограничению деятельности религиозных организаций, включая экономический блок [28, с. 258, 260].

8 апреля 1929 г. ВЦИК и Совнарком РСФСР приняли постановление «О религиозных объединениях». Данный акт значительно усложнял вопрос материального обеспечения жизни прихода. Во-первых, согласно статье 11 данного документа, все содержание храма могло обеспечивать только частное лицо, являющееся членом исполнительных органов религиозных организаций [6, с. 251]. С учетом того, что менее чем через год, 11 февраля 1930 г., ЦИК и СНК СССР примут постановление «О борьбе с контрреволюционными элементами в руководящих органах религиозных объединений», член двадцатки становился максимально уязвимым гражданином. Он обязывался заключать договоры о найме сторожа, покупке дров, ремонте здания и имущества [6, с. 251]. Убытие по различным причинам данного члена исполнительного органа фактически парализовывало общину. При этом им воспрещалась любая деятельность по производству свечей и утвари, а также печатная деятельность. Религиозные объединения не получали прав юридического лица, а значит, не имели права заключать договоры и сделки. Сбор средств на содержание храма, хора, священнослужителя и т. д. был запрещен. Любое получаемое или приобретаемое имущество являлось собственностью государства.

Свертывание нэпа и достаточно стремительная ликвидация людей, располагавших средствами выше прожиточного уровня, являлись значимым фактором, влияющим на материальное положение приходов. Объявленная нэпманам война и сокращение частных производств, а также торговли сопровождались увеличением налогового давления на духовенство. Вся экономическая деятельность советского государства основывалась на идеологических установках. Политика в отношении «бывших людей» сводилась к максимальному ограничению их финансовых воз-

можностей. Классовый подход являлся определяющим. Налоговое обременение духовенства решало два основных вопроса. Во-первых, пополнялся бюджет. Для местных властей и финансовых инспекторов объем поступивших средств являлся показателем их работы, в том числе и личного дохода. Распределительная система военного коммунизма предполагала полную зависимость человека от государства. Во-вторых, дальнейшее изыскание средств на индустриализацию и коллективизацию становилось важнейшей идеологической задачей, в рамках выполнения которой предполагалось уменьшение числа священнослужителей путем налогового пресса.

В то же время количество клириков различных культов было достаточно значительным. После революции они в основной своей массе продолжали выполнять свои обязанности, а значит, согласно советскому законодательству, получать непроизводственный доход. Парадокс ситуации состоял в том, что духовенство лишалось возможности официального заработка, а налоговые органы истребовали вычеты именно из него. Тем более, что вне закона было не приходское духовенство, которое все-таки находилось на иждивении церковноприходских советов. Высшее руководство Церкви теоретически имело возможность получать доходы от приношений верующих, однако находилось на нелегальном положении, поскольку государство до 1927 г. не признавало ни Священный Синод, ни Высший церковный совет, ни епархиальные или благочинные управления [12, с. 325]. Принятый в 1923 г. налоговый кодекс устанавливал для епископов приходно-имущественный налог и налог по совокупности доходов [12, с. 318–320]. Размер зависел от места нахождения плательщика в конкретном налоговом поясе. Кроме общегосударственных необходимо было платить и местные налоги. Безусловно, сюда нужно включить и «добровольное» «самообложение» [29, с. 23].

Количество всякого рода «благих» поводов для сбора средств увеличилось к 1930 г. Происходил процесс подавления любой частной инициативы. У антирелигиозного аппарата появилась возможность значительно усложнить жизнь духовенства, церковноприходского актива, а также верующих за счет установления платежей в виде налогов и сборов. В 1928 г. духовенство было приравнено к лицам нетрудовых категорий, что однозначно обеспечивало рост вычетов [30, с. 245]. В 1923–1924 гг. была предпринята попытка уменьшить количество духовенства посредством всякого рода сборов. Зачастую священник кроме обязательных приходно-имущественного налога и процентов на весь совокупный доход должен был уплачивать и местные платежи. При этом суммы предполагаемого дохода устанавливались инспектором по своему усмотрению. В 1923–1924 гг. такая ситуация вызвала массовое недовольство населения и фактически явилась поводом не только для отмены практики завышения налогов «на религию», но и для некоторых уступок законодательного характера.

В конце 1920-х гг. положение дел коренным образом изменилось. Налоговый механизм являлся перспективным инструментом ликвидации клира через полный отъем средств к существованию. В 1929 г. он был реализован. Налоговыми инспекторами выставлялись ничем не подкрепленные суммы платежей. Они превосходили весь совокупный доход плательщика. Навязывались дополнительные сборы и самообложение. Сельское духовенство, не имеющее дохода от земли, платило и подоходно-имущественный налог, и сельскохозяйственный налог. Это также усугубляло положение сельского пастыря [31, с. 144]. В 1928 г. законодательно, а к 1930 г. и практически землепользование священнослужителей было прекращено [32, с. 282]. Допускалось двойное налогообложение. Попытки оспорить выставленные суммы расценивались как «контрреволюционные вылазки». Неуплата налога или просрочка платежа становились поводом для ареста. Мотивы подобной деятельности изложены в докладной записке особого отдела ОГПУ БВО: «За последний год налоговое обложение прогрессирует с необычной быстротой. В отдельных случаях создается впечатление, что работники финотделов не умеют считать цифры менее чем с тремя нулями. Налог 1000–2000 и намного больше охватывает значительные кадры церковников. При определении доходности и ставок налога нет учета реальных возможностей – сумеет ли налогоплательщик оплатить налог, даже продав все свое имущество» [33]. При этом во многих случаях духовенство в оперативном порядке за неуплату изымали, а у оставшихся родственников забирали за долги имеющееся имущество. В данной докладной записке в ЦК КП(б)Б

ОГПУ пытается переложить фактически всю ответственность на низовые, максимум окружные структуры: «В одних случаях низовые работники переоблагали духовенство крупными ставками налога в целях покончить с религией путем выживания попа. В других … проделывали это в целях перестраховать себя от обвинений в правом уклоне» [33, л. 4]. Всей работой фактически руководили райком партии и ОГПУ. Допустить, что для рядового сотрудника финотдела первостепенной являлась задача борьбы с религией, когда даже в СВБ было только 3 % членов Компартии и комсомола, в принципе невозможно. Переоблагались в первую очередь активные пастыри и/или допустившие «контрреволюционные» высказывания против коллективизации и раскулачивания. Опровергает данное обвинение и сообщение из Витебской области, где работу направляло ОГПУ [34, с. 134]. Действительно, фининспектор получал определенный процент от взысканных сумм, но он же и нес ответственность за их правильность и реалистичность. Поэтому без внешнего нажима более-менее грамотный и неодиозный работник фискальной системы так рисковать явно не стал бы.

Как ни парадоксально, но и уплата явно завышенного налога тоже вела к наказанию. Священника Поликарпа Линника из деревни Старица Копыльского района арестовали и осудили сразу после внесения требуемой суммы в казну [31, л. 126–127]. Крестьяне, которые помогали ему собрать средства, были расстреляны. Действия фискальных органов полностью регулировали из ОГПУ. Налоги должны были стимулировать священнослужителей к снятию духовного сана [31, л. 135–136]. Отказ от предложения карался как минимум тремя годами ссылки, а в 1929–1930 гг. и расстрелом.

Заключение. Отсутствие официальной возможности заработать средства к существованию не означало, что были перекрыты все каналы финансирования и оказания помощи подвергшимся репрессиям. В то же время имели место и никем не санкционированные способы заработка духовенством и лицами, выдававшими себя за таковых. Еще в 1930 г. епископ Филарет (Раменский) предупреждал старосту прихода д. Озятичи, что начавший у них служить в незакрытой церкви некто А. Зеленин лишен монашеского звания и запрещен в священнослужении за неподобающие деяния [31, л. 141]. Еще больший масштаб незаконные заработки приобрели в середине 1930-х гг. Государство использовало все возможности для того, чтобы оторвать человека от религии, от исполнения таинств и религиозных обрядов, однако в стране было не менее 60–70 % верующих [35, л. 102–105]. В сельской местности, вероятнее всего, верующими считали себя 90–95 % [36, л. 177]. НКВД БССР в январе 1937 г. насчитывало около 100 действующих и не имеющих прихода священников [37, л. 56]. Еще было около 300 человек, снявших сан. В июне 1938 г. на учете в НКВД состояли 15 «попов», из них 13 снявших сан, около 400 было расстреляно или осуждено [37, л. 56–57].

В период между 1934 и 1937 гг. священнослужители чередовали периоды отсидки и нахождения на свободе и могли исполнять и исполняли требы (таинства). Нелегальные крещения, отпевания, браки все равно осуществлялись. Их прекращение было невозможно даже при полной изоляции всего духовенства, поскольку в сложившихся условиях их осуществляли лица, не имеющие на это права. После 17 сентября 1939 г., когда произошло воссоединение западных и восточных белорусских земель, бороться предстояло уже с новыми тысячами клириков и миллионами верующих. Ограничить в новых условиях экономическую составляющую религиозной деятельности было в ближайшей перспективе невозможно.

Список использованных источников

1. Никольский, Н. М. История русской церкви / Н. М. Никольский. – Минск: Беларусь, 1990. – 541 с.

2. О земле // Правда. – 1917. – 28 окт. – С. 2.

3. Орлов, И. Б. Жилищная политика советской власти в первое послереволюционное десятилетие / И. Б. Орлов // Наука – сервису: VIII Междунар. науч.-практ. конф., 21–22 апр. 2003 г : сб. докл. на пленар. заседании: в 2 ч. / ред. Ю. Н. Маслов. – М., 2003. – Ч. 1. – С. 142–149.

4. Меерович, М. Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937) / М. Г. Меерович. – М.: РОССПЭН, 2008. – 304 с.

5. Гаранова, Е. П. Правовой режим церковного имущества: межсистемные коллизии канонического и светского права (1917–1929) / Е. П. Гарнова, Е. В. Кискин // История государства и права. – 2007. – № 20. – С. 19–21.

6. Русская православная церковь и коммунистическое государство, 1917–1941: док. и фотоматериалы / ред. Я. Н. Щапов. – М.: Библейс.-богосл. ин-т св. ап. Андрея, 1996. – 328 с.

7. Зыбковец, В. Д. Национализация монастырских имуществ в Советской России (1917–1921 гг.) / В. Д. Зыбковец. – М.: Наука, 1975. – 205 с.

8. О введении государственной монополии на спички, свечи, рис, кофе, перец и привозные пряности и о национализации спичечных и свечных фабрик и предприятий по оптовой торговле рисом, кофе, перцем и пряностями: постановление ВСНХ, 7 марта 1918 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьян. Правительства. Отд. первый. – 1918. – № 29. – Ст. 385.

9. Корзун, М. С. Русская православная церковь, 1917–1945 годы: изменение социально-политической ориентации и научная несостоятельность вероучения / М. С. Корзун. – Минск: Беларусь, 1987. – 111 с.

10. Декрет о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния: ВЦИК и СНК, 18 дек. 1917 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьян. Правительства. Отд. первый. – 1917. – № 11. – Ст. 160.

11. Янушевич, И. И. Формирование системы насаждения атеизма в СССР / И. И. Янушевич // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитар. науки. – 2022. – № 1. – С. 82–87.

12. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти (1917–1943 гг.): [сб. в 2 ч.] / сост. М. Е. Губонин. – М.: Изд-во Православ. Свято-Тихон. богосл. ин-та, 1994. – 1063 с.

13. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 93. Оп. 1. Д. 450.

14. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 1. Д. 405.

15. Янушевич, И. И. Конфессиональная политика советского государства: уроки истории (1917–1928 гг.) / И. И. Янушевич. – Минск: Изд-во БГУ, 2005. – 143 с.

16. Цыпин, В. История Русской Церкви, 1917–1997 / В. Цыпин. – М.: Изд-во Спасо-Преображ. Валаам. монастыря, 1997. – 830 с.

17. НАРБ. – Ф. 93. Оп. 1. Д. 490.

18. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 1. Д. 560.

19. О ценностях, находящихся в церквах и монастырях: Декрет ВЦИК, 27 дек. 1921 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьян. Правительства. Отд. первый. – 1922. – № 19. – Ст. 215.

20. Архивы Кремля. Политбюро и церковь, 1922–1925 гг.: в 2 кн. / подгот.: Н. Н. Покровский, С. Г. Петров. – Новосибирск: Сиб. хронограф; М.: РОССПЭН, 1998. – Кн. 2. – 647 с.

21. Письмо В. И. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б) от 19 марта 1922 года // Изв. ЦК КПСС. – 1990. – № 4. – С. 191–193.

22. Янушевич, И. И. Политика советского государства по отношению к Русской Православной Церкви, 1917–1927 гг.: (на материалах Беларуси): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / И. И. Янушевич. – Минск, 2001. – 127 л.

23. Янушевич, И. И. Изъятие церковных ценностей из православных храмов Беларуси в 1922 г. / И. И. Янушевич // Гістарычная навука ў Белдзяржуніверсітэце на рубяжы тысячагоддзяў: матэрыялы Рэсп. навук.-практ. канф., прысвеч. 65-годдзю гіст. фак. Белдзяржуніверсітэта, Мінск, 26 ліст. 1999 г. / Беларус. дзярж. ун-т; рэдкал.: Ю. Л. Казакоў [і інш.]. – Мінск, 2000. – С. 125–137.

24. НАРБ. – Ф. 1401. Оп. 1. Д. 8.

25. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 1. Д. 559.

26. Клепікаў, М. І цэрквы абрабавалі: [антырэлігійная кампанія першых паслярэвалюц. гадоў на Беларусі, у выніку якой былі знішчаны культур.-гіст. помнікі] / М. Клепікаў // Беларус. мінуўшчына. – 1993. – № 5–6. – С. 50–51.

27. Поспеловский, Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке: [перевод] / Д. В. Поспеловский. – М.: Республика, 1995. – 511 с.

28. Протоколы комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП (б) – ВКП (б) (Антирелигиозной комиссии). 1922–1929 гг. / Православ. Свято-Тихон. гуманитар. ун-т, Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – М.: ПСТГУ, 2014. – 380 с.

29. Ящук, Т. Ф. Самообложение населения: из опыта организации местных финансов в период НЭПа / Т. Ф. Ящук // Вестн. Ом. ун-та. Сер.: Право. – 2007. – № 2 (11). – С. 21–26.

30. Марьяхин, Г. Налоговая система Советского государства / Г. Марьяхин // Финансы СССР за XXX лет. 1917–1947 / отв. ред. Н. Н. Ровинский. – М., 1947. – С. 231–292.

31. Кривонос, Ф., прот. У Бога мертвых нет: неизвестные страницы из истории Минской епархии (1917–1939 гг.) / прот. Ф. Кривонос. – Минск: МФЦП, 2007. – 239 с.

32. Протько, Т. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.) / Т. Протько. – Минск: Тесей, 2006. – 688 с.

33. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 1. Д. 5030.

34. Православная церковь на Витебщине (1918–1991): док. и материалы / Отд. по арх. и делопроизводству Витеб. облисполкома, Гос. арх. Витеб. обл., Витеб. отд-ние археогр. комис. ком. по арх. и делопроизводству при Совете Министров Респ. Беларусь; сост.: В. П. Коханко (отв. сост.) [и др.]; редкол.: М. В. Пищуленок (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Нац. арх. Респ. Беларусь, 2006. – 364 с.

35. Жиромская, В. Б. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года / В. Б. Жиромская. – М.: Наука, 1996. – 152 с.

36. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 1. Д. 12099.

37. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 1. Д. 13219.

References

1. Nikol'skii N. M. *History of the Russian Church.* Minsk, Belarus' Publ., 1990. 541 p. (in Russian).

2. On land. *Pravda* [Pravda Newspaper], 1917, October 28, p. 2 (in Russian).

3. Orlov I. B. Housing policy of the Soviet power in the first post-revolutionary decade. *Nauka – servisu: VIII Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, 21–22 aprelya 2003 g.: sbornik dokladov na plenarnom zasedanii* [Science – services: VIII International scientific and practical conference, April 21–22, 2003: collection of reports at the plenary session]. Moscow, 2003, pp. 142–149 (in Russian).

4. Meerovich M. G. *Punishment by housing: housing policy in the USSR as a means of people management (1917–1937).* Moscow, ROSSPEN Publ., 2008. 304 p. (in Russian).

5. Garanova E. P., Kiskin E. V. Legal regime of church property: intersystem collisions of canonical and secular law (1917–1929). *Istoriya gosudarstva i prava = History of State and Law*, 2007, no. 20, pp. 19–21 (in Russian).

6. Shchapov Ya. N. (ed.). *Russian Orthodox Church and the Communist State, 1917–1941: documents and photographic materials.* Moscow, Biblical and Theological Institute of St. Apostle Andrew, 1996. 328 p. (in Russian).

7. Zybkovets V. D. *Nationalization of monastic properties in Soviet Russia (1917–1921).* Moscow, Nauka Publ., 1975. 205 p. (in Russian).

8. Resolution of the All-Union Council of People's Commissars of National Economy on March 7, 1918 on the introduction of a state monopoly on matches, candles, rice, coffee, pepper and imported spices and on the nationalisation of match and candle factories and enterprises engaged in wholesale trade in rice, coffee, pepper and spices. *Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva. Otdel pervyi* [Collection of Decrees and Orders of the Workers' and Peasants' Government. Section one], 1918, no. 29, art. 385 (in Russian).

9. Korzun M. S. *Russian Orthodox Church, 1917–1945: change of social-political orientation and scientific inconsistency of the doctrine.* Minsk, Belarus' Publ., 1987. 111 p. (in Russian).

10. Decree on civil marriage, on children and on maintaining books of deeds: All-Russian Central Executive Committee and Council of People's Commissars, December 18, 1917. *Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva. Otdel pervyi* [Collection of Decrees and Orders of the Workers' and Peasants' Government. Section one], 1917, no. 11, art. 160 (in Russian).

11. Yanushevich I. I. Formation of the system of planting atheism in the USSR. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A, Gumanitarnye nauki = Vestnik of Polotsk State University. Part A. Humanities*, 2022, no. 1, pp. 82–87 (in Russian).

12. Gubonin M. E. (comp.). *Acts of His Holiness Tikhon, Patriarch of Moscow and All Russia, later documents and correspondence about the canonical succession of the highest church authority (1917–1943).* Moscow, Publishing House of the Orthodox St. Tikhon's Theological Institute, 1994. 1063 p. (in Russian).

13. *National Archives of the Republic of Belarus.* F. 93. Op. 1. D. 450. (in Russian).

14. *National Archives of the Republic of Belarus.* F. 4. Op. 1. D. 405. (in Russian).

15. Yanushevich I. I. *Confessional policy of the Soviet state: lessons of history (1917–1928).* Minsk, Publishing House of the Belarusian State University, 2005. 143 p. (in Russian).

16. Tsypin V. *History of the Russian Church, 1917–1997.* Moscow, Publishing house of the Spaso-Preobrazhensky Valaam Monastery, 1997. 830 p. (in Russian).

17. *National Archives of the Republic of Belarus.* F. 93. Op. 1. D. 490. (in Russian).

18. *National Archives of the Republic of Belarus.* F. 4. Op. 1. D. 560. (in Russian).

19. On valuables in churches and monasteries: Decree of the All-Russian Central Executive Committee, 27 December 1921. *Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii rabochego i krest'yanskogo pravitel'stva. Otdel pervyi* [Collection of Decrees and Orders of the Workers' and Peasants' Government. Section one], 1922, no. 19, art. 215 (in Russian).

20. Pokrovskii N. N., Petrov S. G. *Kremlin Archives. The Politburo and the Church, 1922–1925. Book 2*. Novosibirsk, Sibirskii khronograf Publ., Moscow, ROSSPEN Publ., 1998. 647 p. (in Russian).

21. Letter to V. I. Molotov for the members of the Politburo of the Central Committee of the RCP(b) of 19 March 1922. *Izvestiya TsK KPSS* [News of the Central Committee of the CPSU], 1990, no. 4, pp. 191–193 (in Russian).

22. Yanushevich I. I. *The policy of the Soviet state in relation to the Russian Orthodox Church 1917–1927: on the materials of Belarus*. Ph.D. Thesis. Minsk, 2001. 127 p. (in Russian).

23. Yanushevich I. I. Seizure of church valuables from the Orthodox churches of Belarus in 1922. *Gistarychnaya navuka u Beldzyarzhuniversitetse na rubyazhy tysyachagoddzyau: materyyaly Respublikanskai navukova-praktychnai kanferentsyi, prysvechanai 65-goddzyu gistarychnaga fakul'teta Beldzyarzhuniversiteta, Minsk, 26 listapada 1999 g.* [History science in Belarusian State University at the turn of the thousand years: proceedings of the Republican scientific-practical conference, marking the 65th anniversary of the history faculty of Belarusian State University, Minsk, November 26, 1999]. Minsk, 2000, pp. 125–137 (in Russian).

24. *National Archives of the Republic of Belarus.* F. 1401. Op. 1. D. 8. (in Russian).

25. *National Archives of the Republic of Belarus.* F. 4. Op. 1. D. 559. (in Russian).

26. Klepikau M. And the churches abolished: the anti-religious campaign of the first passive-alien years in Belarus, which resulted in the destruction of cultural and historical monuments. *Belaruskaya minuushchyna* [Belarusian Past], 1993, no. 5–6, pp. 50–51 (in Belarusian).

27. Pospelovskii D. V. *Russian Orthodox Church in the XX century.* Moscow, Respublika Publ., 1995. 511 p. (in Russian).

28. *Protocols of the Commission on the Separation of Church and State under the Central Committee of the RCP (b) – All-Union Communist Party of Bolsheviks (b) (Antireligious Commission). 1922–1929 gg.* Moscow, Orthodox St. Tikhonovsky University of Humanities, 2014. 380 p. (in Russian).

29. Yashchuk T. F. Self-assessment of the population: from the experience of the organisation of local finance during the NEP. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo = Herald of Omsk University. Series Law*, 2007, no. 2 (11), pp. 21–26 (in Russian).

30. Mar'yakhin G. Tax system of the Soviet state. *Finance of the USSR for XXX years. 1917–1947.* Moscow, 1947, pp. 231–292 (in Russian).

31. Krivonos F., protoierei. *God has no dead: unknown pages from the history of the Minsk diocese (1917–1939).* Minsk, MFTsP Publ., 2007. 239 p. (in Russian).

32. Prot'ko T. *Formation of the Soviet totalitarian system in Belarus (1917–1941).* Minsk, Tesei Publ., 2006. 688 p. (in Russian).

33. *National Archives of the Republic of Belarus.* F. 4. Op. 1. D. 5030. (in Russian).

34. Pishchulenok M. V. (ed,). *The Orthodox Church in Vitebshchina (1918–1991): documents and materials*. Minsk, National Archives of the Republic of Belarus, 2006. 364 p. (in Russian).

35. Zhiromskaya V. B. *Half a century under the cover of "secret": All-Union population census of 1937.* Moscow, Nauka Publ., 1996. 152 p. (in Russian).

36. *National Archives of the Republic of Belarus.* F. 4. Op. 1. D. 112099. (in Russian).

37. *National Archives of the Republic of Belarus.* F. 4. Op. 1. D. 13219. (in Russian).

Информация об авторе

Куличенко Виктор Васильевич – аспирант. Минская духовная академия (ул. Зыбицкая, 27, 220030, Минск, Республика Беларусь). E-mail: kulichenkoviktor7@gmail.com

Information about the author

Viktor V. Kulichenko – Postgraduate Student. Minsk Theological Academy (27 Zybitskaya Str., Minsk 220030, Belarus). E-mail: kulichenkoviktor7@gmail.com

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

МОВАЗНАЎСТВА

LINGUISTICS

УДК 811.162.1'282(438)(043.3)
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-3-213-220

Паступіў у рэдакцыю 08.04.2024
Received 08.04.2024

Н. А. Снігірова

Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь

ДА ПЫТАННЯ АБ ПАРАДЫГМАЛЬНАЙ УЗАЕМААБУМОЎЛЕНАСЦІ КАНТАКТНАЙ І АРЭАЛЬНАЙ ЛІНГВІСТЫКІ

Аннотация. Представлены теоретические основания парадигмальной взаимообусловленности контактной и ареальной лингвистики. Опыт научного осмысления пространственного подхода к изучению различных аспектов контактирования языков позволяет выявить тенденцию к универсализации понятийного аппарата контактной лингвистики, а также корреляцию последнего с ареальной интерпретацией диалектного ландшафта. Подчеркивается, что в иерархии дисциплин, которые анализируют процессы и результаты языкового взаимодействия, контактная лингвистика занимает более высокую позицию. В связи с этим обосновывается целесообразность интеграции отдельных терминов этой предметной области в категориальную плоскость ареальной лингвистики: мультифункциональность базовой единицы контактной лингвистики – контактемы – дает возможность, во-первых, квалифицировать более объективно и точно сложнохарактерные ареальные явления (например, когда стимул для возникновения инновации, исходящий от языка-источника, не равнозначен результату в языке-адресате), во-вторых, не сужать проблему языковых контактов до вопроса заимствований и билингвизма. Особое внимание уделяется особенностям терминосистемы описываемых научных направлений. Рассматривается ряд вопросов, касающихся определения лингвистической сущности ключевых понятий «контактная зона», «заимствование», «инфильтрация» и др. Устанавливается, что термин «контактная зона» имеет концептуальное значение не только для ареалогических исследований, в более широком контексте он включается в систему понятий контактологии.

Ключевые слова: контактная лингвистика, ареальная лингвистика, контактная зона, языковые контакты, контактема, заимствование, проникновение, пограничье

Для цитирования: Снігірова, Н. А. Да пытання аб парадыгмальнай узаемаабумоўленасці кантактнай і арэальнай лінгвістыкі / Н. А. Снігірова // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2024. – Т. 69, № 3. – С. 213–220. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-3-213-220

Natalia A. Snigiriova

Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

ON THE ISSUE OF PARADIGMATIC INTERDEPENDENCE OF CONTACT AND AREAL LINGUISTICS

Abstract. The article presents the theoretical foundations of the paradigmatic interdependence of contact and areal linguistics. The experience of scientific understanding of the spatial approach to the study of various aspects of language contact allows us to identify a tendency towards universalization of the conceptual apparatus of contact linguistics, as well as the correlation of the latter with the areal interpretation of the dialect landscape. It is emphasized that in the hierarchy of disciplines involved in the analysis of the processes and results of linguistic interaction, contact linguistics occupies a higher position. In this regard, the feasibility of integrating individual terms of this subject area into the categorical plane of areal linguistics is substantiated: the multifunctionality of the basic unit of contact linguistics – contacteme – makes it possible, firstly, to more objectively and accurately qualify complex areal phenomena (for example, when the stimulus for the emergence of innovation emanating from the source language is not equivalent to the result in the destination language), secondly, do not narrow the problem of language contacts to the issue of borrowings and bilingualism. Special attention is paid to the peculiarities of the terminological system of the described scientific fields. A number of issues are considered regarding the

© Снігірова Н. А., 2024

definition of the linguistic essence of the key concepts “contact zone”, “borrowing”, “infiltration”, etc. It is established that the term “contact zone” has conceptual significance not only for arealological studies, in a broader context it is included in the system concepts of contactology.

Keywords: contact linguistics, areal linguistics, contact zone, language contacts, contacteme, borrowing, infiltration, borderland

For citation: Snigiriova N. A. On the issue of paradigmatic interdependence of contact and areal linguistics. *Vestsi Natsyyanal’nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2024, vol. 69, no. 3, pp. 213–220 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-3-213-220

Уводзіны. У сувязі з ажыўленнем увагі да ўсіх форм існавання мовы і разнастайных моўных пераўтварэнняў, выкліканых актыўным міжэтнічным узаемадзеяннем, даследаванне працэсаў і вынікаў моўнага кантактавання з’яўляецца важным як для лінгвістаў, так і для ўсіх, хто ставіць перад сабой задачу асэнсаваць праблематыку камунікацыі наогул. Кантактная лінгвістыка – адносна малады напрамак сучаснай мовазнаўчай навукі – дынамічна развіваецца менавіта ў апошні час.

Нягледзячы на тое, што кантактная лінгвістыка сфарміравалася як асобная галіна мовазнаўства напрыканцы XX ст., да сённяшняга дня назіраецца варыятыўнасць і няпэўнасць як у тэрміналагічных вызначэннях дысцыпліны, так і ўнутры яе паняційнага апарату. Можна канстатаваць, што функцыянаванне абазначэнняў “лінгвістыка моўных кантактаў” і “лінгвістычная кантакталогія” выяўляе іх атаясамліванне большасцю вучоных з найменнем “кантактная лінгвістыка”, а спробы дыферэнцыяцыі ўказаных тэрмінаў адзначаюцца спарадычна. Разам з тым у беларускім мовазнаўстве «спалучэнне “кантактная лінгвістыка” мае абмежаванае ўжыванне, хаця працы, прысвечаныя вывучэнню моўных кантактаў, вядуцца даўно і маюць ужо значныя здабыткі» [1, с. 167]. Мяркуемыя прычыны нешырокага распаўсюджання тэрміна заключаюцца ў тым, што кантактная лінгвістыка як міждысцыплінарная галіна ведаў непасрэдна суадносіцца з сацыялінгвістыкай, кагнітывістыкай, параўнальна-гістарычным і арэальна-тыпалагічным мовазнаўствам – добра распрацаванымі сумежнымі даследчыцкімі парадыгмамі, у складзе якіх моўныя кантакты таксама займаюць галоўнае месца.

Пытанні моўных кантактаў і ўзаемадзеяння моў даўно цікавілі айчынных і замежных спецыялістаў у функцыянальным, генетычным, сінхронным і арэальным плане. Устаноўлена, што “элементы арэальнага падыходу імпліцытна прысутнічалі ў методыцы рэканструкцыі ўжо на самых ранніх этапах славянскай кампаратывістыкі” [2, с. 40]. Аднак у XX ст. тыпалагічнае даследаванне моў часта вялося ізалявана ад арэальнай лінгвістыкі, а недаацэнка ролі арэалогіі прыводзіла да суб’ектывізму і недакладнасці ў рэканструкцыі [3, с. 13]. Між тым “прасторавая характарыстыка, паводле апошніх даных, мае выключнае значэнне для разумення моўных фактаў, паколькі аб’ядноўвае ў сабе ўсе іншыя істотныя характарыстыкі слова, у тым ліку і часавую (у анталагічным плане часавая тэрміналогія ўзнікае на базе прасторавай)” [4, с. 202]. У адпаведнасці з высновамі В. У. Мартынава, прасторавае размеркаванне моўных феноменаў дыягнастуе іх генезіс [5, с. 4].

З прычыны таго, што “профіль кантактнай лінгвістыкі яшчэ канчаткова не вызначыўся” [1, с. 167], актуальныя падыходы да асэнсавання і вырашэння праблем моўнага кантактавання мэтазгодна параўнаць у кантэксце парадыгмальнага ўзаемадачынення кантактнай і арэальнай лінгвістыкі, што ў сваю чаргу дазволіць засяродзіць увагу на адметнасцях тэрмінасістэмы і канцэптуалізацыі складнікаў апісваемых навуковых сфер.

Асноўная частка. Як вядома, тэрмін “кантактная лінгвістыка” быў зацверджаны падчас I Сусветнага кангрэса па пытаннях моўных кантактаў і канфліктаў (Брусель, 1979) для абазначэння раздзела лінгвістыкі, які займаецца моўнымі кантактамі, што ўзнікаюць у сумежнай зоне паміж адстратнымі мовамі, у выніку міграцыі насельніцтва, заваяванняў і іншых з’яў [6, с. 185]. У адрозненне ад кантактнай лінгвістыкі кантакталогія (contactology), вывучаючы кантакты моў і культур, надае большае значэнне нацыянальна-культурнаму кампаненту моўных сродкаў [6, с. 186]. Заўважым, што праз адсылкі да названых раздзелаў мовазнаўства тлумачыцца, паводле “Слоўніка тэрмінаў міжкультурнай камунікацыі”, яшчэ адна тэрміналагічная адзінка – лінгвакантакталогія [6, с. 227].

Аналіз патэнцыяльных аналагаў найменняў кантактнай лінгвістыкі і ўласна яе феномена ў агульнатэарэтычным плане сведчыць, што сітуацыі моўнага кантакту разглядаюцца даследчыкамі праз прызму шэрагу сацыяльна-гуманітарных навук: філалогіі, этнаграфіі, антрапалогіі, сацыялогіі, псіхалогіі, геаграфіі, паліталогіі і інш. Зыходзячы з універсальнага характару метадалогіі згаданых дысцыплін, паўстае пытанне аб статусе кантактнай лінгвістыкі: ці з'яўляецца яна самастойным кірункам у іерархіі шматлікіх вектараў развіцця мовазнаўства? Згодна з меркаваннем Г. А. Цыхуна, кантактная лінгвістыка адносна кампаратыўнай, тыпалагічнай, арэальнай, кагнітыўнай і іншых галін лінгвістыкі займае больш высокае месца, паколькі кожная з іх асвятляе праблему моўных кантактаў [1, с. 167]; кантакталогія ж "вывучае вынікі ўзаемадзеяння розных структур, у тым ліку і арэальных утварэнняў, што ў сваю чаргу адносяцца да арэалогіі – навукі аб арэалах (пашырэнні ў прасторы) розных з'яў і іх узаемадзеянні" [7, с. 175]. Звужаючы кантакталогію да ўласна лінгвістычнай кантакталогіі, Й. Айдуковіч трактуе апошнюю як "раздзел мовазнаўства, які даследуе механізмы моўнага кантакту дзвюх або некалькіх моў пры пэўных сацыяльна-гістарычных умовах і выпрацоўвае мадэлі функцыянавання гэтых механізмаў" [8, с. 445]. У рамках канцэпцыі лінгвістычнай кантакталогіі Й. Айдуковіч прапаноўвае ўвесці ў навуковы ўжытак назву базавай адзінкі кантактнай лінгвістыкі – кантактэму – элемент мовы-крыніцы ў мове-адрасаце [9, с. 1–2]. У залежнасці ад моўнага ўзроўню сербскі вучоны таксама вылучае кантактафанемы, кантактаграмемы, словаўтваральныя і лексічныя кантактэмы і г. д. і ацэньвае іх з пазіцыі адаптацыі ў мове-рэцыпіенце. Відавочна, што семантыка-прагматычны патэнцыял паняцця "кантактэма" дазваляе вырашаць праблемы моўных кантактаў якасна іншым чынам, не абмяжоўваючыся аспектамі білінгвізму і лексічных запазычанняў. Шырокае і працяглае арэальнае ўзаемадзеянне прыводзіць да развіцця падобных рыс глыбокага структурнага характару [10, с. 26–27].

Паняцце арэальная лінгвістыка ў "Лінгвістычным энцыклапедычным слоўніку" вызначаецца як "раздзел мовазнаўства, які даследуе пры дапамозе метадаў лінгвістычнай геаграфіі распаўсюджванне моўных з'яў у прасторавай працягласці і міжмоўным (міждыялектным) узаемадзеянні" [11, с. 43]. Сапраўды, арэальная лінгвістыка цесна звязана з лінгвістычнай геаграфіяй і дыялекталогіяй, і часам такое словазлучэнне выкарыстоўваецца як іх аналаг, што прыводзіць да некарэктнага разумення прадметаў даследавання і змяшэння метадаў. На наш погляд, варта размяжоўваць дадзеныя тэрміны. Асноўная задача арэальнай лінгвістыкі – характарыстыка тэрытарыяльнага размеркавання моўных асаблівасцей і інтэрпрэтацыя ізаглос [11, с. 43]. Найважнейшае паняцце гэтай даследчыцкай парадыгмы – *моўны арэал*, пад якім разумеецца "акрэсленая прастора распаўсюджання пэўных моўных утварэнняў" [12, с. 19], межы, дакладныя контуры пашырэння той ці іншай з'явы. Лінія на лінгвагеаграфічнай карце як вынік праецыравання на яе меж (крайніх пунктаў) тэрыторыі распаўсюджання асобнай моўнай з'явы называецца ізаглосай [13, с. 206]. Арэал і ізаглоса могуць быць супастаўлены знешнім формам праяўлення ўнутраных заканамернасцей структуры і развіцця мовы [14, с. 22]. У пэўным сэнсе сінанімічным да тэрміна "ізаглоса" з'яўляецца яшчэ адно паняцце арэальнай лінгвістыкі – "моўная сувязь", якое побач з галоўнымі для канструявання парадыгмы паняццямі "цэнтр" і "перыферыя" дае ўяўленне аб найпрасцейшай універсальнай канструкцыі пэўнай моўнай прасторы, уласцівай для арэальнага ўтварэння. У сучаснай славістыцы прыняты арэальны падыход да лінгвістычнага падзелу тэрыторыі Славіі, згодна з якім уся славянская моўная прастора трактуецца як супрацьпастаўленне цэнтра і перыферыі, прычым, як адзначана раней, зыходным канцэптам выступае не мова, а моўны арэал або зоны.

Адметнай рысай лінгвістычнай геаграфіі з'яўляецца ў першую чаргу прымяненне методыкі лінгвістычнага картаграфавання дыялектаў. Лінгвістычная геаграфія аперыруе картаграфічнымі метадамі для падрабязнай візуалізацыі адрозненняў і падабенстваў паміж моўнымі варыяцыямі ў рэгіёнах. Вызначальным прынцыпам пры арэальным апісанні фактаў тых моў, якія ўзаемадзейнічаюць, з'яўляецца іх франтальны ахоп, які не прадугледжвае аднаўлення дэталёвай лінгвагеаграфічнай карціны даследуемых з'яў [11, с. 43]. Пры гэтым мае значэнне суаднясенне арэальных масіваў, акрэсленых па крайніх пунктах, у якіх прысутнічае пэўная з'ява, а не выяўленне ўсіх месцаў, дзе яна зафіксавана (чым цікавіцца лінгвагеаграфія). У дачыненні да аб'ектаў вы-

вучэння арэальная лінгвістыка мае магчымасць іх адлюстравання на картах-схемах (спрошчаных, часта безмаштабных картах для ілюстрацыі арэальнага малюнка). Арэалагічныя даследаванні прысвечаны высвятленню шляхоў фарміравання моўных арэалаў і асаблівасцей іх узаемных адносін, у адпаведнасці з чым "арэальная лінгвістыка займаецца *інтэрпрэтацыяй* моўных фактаў, здабытых дыялекталогіяй і лінгвагеаграфіяй, і ў параўнанні з імі вырашае не апісальныя (фактаграфічныя), а тэарэтычныя задачы" [12, с. 19].

У сувязі з вышэйадзначаным трэба падкрэсліць розніцу ў дыялектным чляненні мовы, якое паказвае яе генетычную дыферэнцыяцыю, і арэальнай структуры, што "адлюстроўвае пераважна інтэграцыйныя працэсы, якія праходзяць у гэтай моўнай супольнасці" [2, с. 40]. Калі "генетычная блізкасць – гэта спадчына далёкага мінулага роднасных моў, якая паступова страчваецца, то арэальныя збліжэнні маглі адбывацца ў самы апошні час. У выпадку канвергентнага развіцця пэўных моў рысы арэальнай блізкасці могуць узмацняцца", – адзначае Н. Б. Мячкоўская [10, с. 28]. Пры этымалагізацыі міжмоўных сыходжанняў арэальны крытэрый з'яўляецца адным з вядучых і істотных, паколькі дазваляе заўважыць дыягнастуючыя асаблівасці, якія могуць не адпавядаць традыцыйнай генеалагічнай класіфікацыі. Грунтуючыся на ўяўленні пра норму арэала, можна абмежаваць да мінімуму колькасць магчымых рашэнняў, якія прапануе генетычны падыход, ці дапускаць цалкам іншае рашэнне [15, с. 4].

Пры генетычнай і арэальнай інтэрпрэтацыі міжмоўных кантактаў таксама важна размяжоўваць дзве формы лексічнага ўплыву: *запазычанне* і *пранікненне* (*інфільтрацыя*). Размежаванне гэтых паняццяў дае магчымасць браць семантычны крытэрый у якасці аднаго з асноўных пры вызначэнні характару лексічнага ўзаемадзеяння паміж кантактуючымі мовамі [16, с. 33].

Тэрмін "запазычанне", які ўкаранёны ў традыцыйным мовазнаўстве, належыць да сістэмы паняццяў генетычнай лінгвістыкі і абазначае элемент чужой мовы (слова, марфема, іншыя канструкцыі), перанесены з адной мовы ў другую ў выніку моўных кантактаў [11, с. 158] (лексічнага ўплыву іншай мовы або звароту да яе лексічных фондаў для выражэння новых паняццяў ці далейшай дыферэнцыяцыі наяўных, якія выкарыстоўваюцца для абазначэння невядомых раней рэалій), а таксама сам працэс пераходу элементаў адной мовы ў іншую. Запазычванне слоў звязана з узаемадзеяннем народаў, іх культурнымі, сацыяльна-эканамічнымі, гаспадарчымі і іншымі сувязямі і дэтэрмінавана гістарычна як знешнімі, экстралінгвістычнымі фактарамі, так і патрэбай развіцця самой мовы. Магчыма, зыходзячы з практычных мэт, большасць мовазнаўцаў аддаюць перавагу тэрміну "запазычанне", але ўсведамленне неадназначнасці такога выбару выклікае спробы актуалізацыі семантыка-прагматычнага патэнцыялу паняцця моўных кантактаў у тэрміналагічных спалучэннях "некантактныя" і "кантактныя" запазычанні. Дадзены прынцып рэалізаваны, да прыкладу, пры ўкладанні "Новага этымалагічнага слоўніка славенскай мовы" [17, с. 14]. Не адмаўляючы важнасці прасторавых крытэрыяў, неабходна падкрэсліць, што асноўная прычына запазычвання – культурны ўплыў, тэрытарыяльная сумежнасць не з'яўляецца абавязковай умовай [16, с. 31].

Пранікненне ж пэўных адзінак або элементаў кантактуючых паміж сабою моў на суседнюю моўную тэрыторыю адбываецца ў выніку абавязковай тэрытарыяльнай сумежнасці і двухмоўя ў прыгранічным раёне [16, с. 31]. Заслуга ўвядзення ў шырокі мовазнаўчы ўжытак, у тым ліку ў кантактную лінгвістыку, паралельнага ўжывання тэрмінаў "пранікненне" і "інфільтрацыя" ў проціпастаўленні тэрміну "запазычанне" належыць В. У. Мартынаву, які сцвярджаў, што "запазычанні выклікаюцца сацыяльным і культурным уплывам, пранікненні – кантактамі, якія вызначаюцца геаграфічнай сумежнасцю" [18, с. 9]. Паводле працытаванага тэзіса, пранікненне магчыма толькі пры ўмове тэрытарыяльнага кантакту паміж арэальнымі масівамі, у той час як для запазычання такі кантакт не абавязковы. Пранікненне матывавана больш складанымі акалічнасцямі, мае ўнутраныя, структурныя прычыны экспансіі. Гэта значыць, што паняццем "запазычанне" немагчыма ахапіць тыя выпадкі ўзаемадзеяння моў, што з'яўляюцца прадметам арэальных даследаванняў.

Тэрмін "пранікненне", які "несумненна належыць кантактнай лінгвістыцы" [1, с. 170], падаецца больш прыдатным для адлюстравання сутнасці арэальных сыходжанняў, аднак і ён не можа быць універсальным, паколькі не ўлічвае ўсе нюансы кантактавання суседніх моў, у пры-

ватнасці, калі «з'ява-стымул зусім "не пранікае" праз кантактную зону, а толькі ўздзейнічае пэўным чынам, стымулюе зараджэнне інавацыі, якая распаўсюджваецца на суседняй моўнай тэрыторыі» [19, с. 76]. Акрамя таго, падчас кантактавання моў можа адбывацца ўзаемапранікненне моўных элементаў – інтэрферэнцыя [11, с. 197]. У кантактных зонах славянскага моўнага кантынуума адзначаюцца з'явы інтэрферэнцыі і інфільтрацыі, нераўназначныя непасрэдным або ўскосным запазычанням. Як падкрэслівае Г. А. Цыхун, кантакт паміж моўнымі сістэмамі можа быць толькі штуршком да змен, вынікам якіх бывае з'ява, зусім не падобная да той, што стымулявала яе з'яўленне [4, с. 202–203]. Таму праблемы моўных кантактаў знаходзяцца ў фокусе асаблівай увагі арэальнай лінгвістыкі.

Выраз "кантактная зона" мае канцэптуальнае значэнне не толькі для арэалагічных даследаванняў, у больш шырокім кантэксце тэрмін "уключаецца ў сістэму паняццяў кантакталогіі" [7, с. 175]. Прынцыпова важна, што ў рамках арэальнай лінгвістыкі зона кантактнага ўзаемадзеяння двух арэальных масіваў, у выніку якога на частцы тэрыторыі пашырэння кожнай з моў, прылеглай да суседняй моўнай тэрыторыі, назіраецца дыфузія пэўнай колькасці з'яў ці стымуляваных імі інавацый, не атаясамліваецца з пераходнымі і(ці) змешанымі гаворкамі [20, с. 5]. Названыя тэрміны ўласцівы для генетычнай класіфікацыі моўнага сумежжа. Арэальны падыход канцэнтруецца на асвятленні ўзаемных пранікненняў асобных з'яў адной мовы ці групы моў на суседнія тэрыторыі. Паласа гаворак, дзе фіксуецца дыфузія, выкліканая такім узаемапранікненнем, складае кантактную зону. Натуральна, што выразнасць дыфузіі па меры аддалення ад кантактнай мяжы будзе змяншацца. Разважаючы над "расплывістым" абліччам кантактнай зоны, Г. А. Цыхун прыходзіць да наступных высноў: "Чым бліжэй па паходжанні кантактуючыя мовы, тым больш інтэнсіўны характар узаемнай дыфузіі і тым больш шырокую тэрыторыю ахоплівае кантактная зона" і "чым даўжэй узаемадзейнічаюць розныя мовы, тым шырэйшая паласа кантактнай зоны, якую ўтварае сукупная тэрыторыя распаўсюджання большай колькасці з'яў па абодва бакі кантактнай мяжы" [7, с. 176].

Вылучаныя заканамернасці датычаць генетычнай блізкасці моў і працягласці часу іх узаемадзеяння. Беручы пад увагу гэтыя фактары, можна вырашаць пытанне прасторавых параметраў кантактнай зоны. Калі на сумежжы ў кантакт уступаюць гаворкі народнасных моў, то памеры кантактнай зоны будуць адносна абмежаванымі. У выпадку, калі суседзяць блізкароднасныя мовы, разуменне якіх звычайна не патрабуе перакладу, кантактная зона можа мець значны аб'ём, а таксама набываць асіметрычную форму размеркавання паабапал сумежжа. Нераўнамернасць долей кантактнай зоны тлумачыцца часцей за ўсё "рознай прэстыжнасцю кантактуючых моў" [1, с. 169]. Характэрным прыкладам такой асіметрычнасці з'яўляецца беларуска-расійская кантактная зона, дзе "двухмоўнасць пераважае амаль на ўсёй тэрыторыі Беларусі, а разуменне (без перакладу) беларускай мовы ў расійскай частцы кантактуючых моў абмежавана" [1, с. 169]. Акрамя таго, межы кантактных зон могуць змяняцца пад уплывам гістарычных падзей і грамадскіх пераўтварэнняў. На дыялекталагічных картах адлюстраваны з'явы, якія дазваляюць прасачыць межы кантактнай зоны ў дыяхранічнай перспектыве. Вядома, што ў мінулым беларуска-балтыйская кантактная зона займала вялікую частку Паўночна-Заходняй Беларусі, большую частку тэрыторыі цяперашняй Літвы і Латгалію, аднак сёння названая кантактная зона не выяўляе былога маштабу.

Такім чынам, кантакная зона як прасторавая структура абавязкова фарміруецца пры моўным кантакце і мае прынцыповае значэнне для моўнага ландшафту пэўнай тэрыторыі пражывання двухмоўнага насельніцтва. Паколькі двухмоўе не існуе ў маўленні жыхароў у чыстым выглядзе, у кантактнай зоне акумулююцца спрыяльныя ўмовы для нараджэння інавацый: неаднолькавы ўзровень валодання кантактнымі мовамі абумоўлівае ўзнікненне фармальных аналогій, падобных, але не ідэнтычных моўным адзінкам кантактных моў. Іх нараджэнне, на думку З. Шціберa, выклікаецца няпоўным усведамленнем білінгвамі розніцы паміж дзвюма сістэмамі [21, с. 39]. Разам з тым адметныя сістэмныя адрозненні паміж усходне- і заходнеславянскім моўным масівам захоўваюць прыярытэтную важнасць для білінгваў, бо «некаторыя вельмі яркія асаблівасці адной з кантактуючых моў свабодна праходзяць праз фільтр двухмоўнай кантактнай зоны, утвараючы інавацыйныя "ўрэзкі" на суседняй моўнай тэрыторыі, іншыя ж надзейна за-

трымліваюцца гэтым фільтрам. Зразумела, што пры гэтым і сама з'ява, якая сталася прычынай інавацыі ці, дакладней, стымулам для яе, церпіць значныя змены, у выніку якіх інавацыя ў адной мове і яе "стымулятар" на суседняй моўнай тэрыторыі могуць не ідэнтыфікавацца» [22, с. 44]. Менавіта таму механізмы генерыравання інавацый у межах кантактнай зоны характарызуюцца беспрэцэдэнтнай эўрыстычнай вартасцю.

Заключэнне. На кожным новым этапе развіцця лінгвістычнай навукі напрамкі даследавання моўных кантактаў вызначаюцца патрэбамі часу і профілем дысцыплін, у рамках якіх асэнсоўваюцца працэсы ўзаемадзеяння моў і этнасаў. Прадстаўленыя ў артыкуле актуальныя навуковыя погляды на розныя аспекты моўнага кантактавання засведчылі імкненне да ўніверсалізацыі паняційнага апарату кантактнай лінгвістыкі і выявілі яго карэляцыю з канцэпцыяй арэальнага мовазнаўства. Заканамерна, што кантактнае суіснаванне моўных сістэм, пры якім назіраюцца тыпалагічныя сувязі паміж імі, можа быць аб'ектам апісання як арэальнай тыпалогіі, так і агульнай тэорыі кантактаў. Альтэрнатыўнай назвай гэтага тэрміналагічнага вызначэння з'яўляецца кантакталогія. З улікам таго, што кантактная лінгвістыка факусіруе ўвагу на канкрэтных выніках моўнага ўзаемадзеяння пры кантактах, варта адрозніваць больш шырокі профіль кантакталогіі ад спецыяльных задач кантактнай лінгвістыкі. Уніфікацыя тэрміналогіі ўяўляецца ў дадзеным выпадку немэтазгоднай. Падобным чынам суадносяцца арэалогія і арэальная лінгвістыка, што ў сваю чаргу не павінна атаясамліваццa з лінгвістычнай геаграфіяй.

Разам з тым відавочна, што мультыфункцыянальнасць тэрміна "кантактэма", дае магчымасць, па-першае, кваліфікаваць больш дакладна і аб'ектыўна складаныя выпадкі арэальнага ўзаемадзеяння, калі стымул для ўтварэння інавацый, што зыходзіць з мовы-крыніцы, не раўназначны выніку ў мове-адрасаце, па-другое, не звужаць праблему моўных кантактаў да пытання запазычанняў і білінгвізму. У адзначаным кантэксце інтэграцыя тэрміналагічнай адзінкі кантактнай лінгвістыкі ў катэгарыяльную плоскасць арэальнай лінгвістыкі прыводзіць да арганічнага сінтэзу двух напрамкаў, што дазваляе ажыццяўляць класіфікацыю міжмоўных сыходжанняў згодна з сучаснымі тэндэнцыямі развіцця тэорыі моўных кантактаў і практыкай ужывання рэлевантных тэрмінаў і паняццяў у навуковых працах. Як уяўляецца, адлюстраваны вектар эвалюцыі прасторавага падыходу да разгляду моўных фактаў указвае на перыяд актыўнага самавызначэння даследчыцкай парадыгмы кантактнай лінгвістыкі.

Тэрытарыяльнае кантактаванне блізкароднасных моў, пры якім інавацыі інтэнсіўна распаўсюджваюцца на суседнюю тэрыторыю, спрыяе таму, што ў сумежных мовах могуць пераважаць інавацыйныя з'явы. Генетычная блізкасць кантактуючых моў і дыялектаў у значнай ступені стымулюе пашырэнне арэальных інавацый, з-за чаго адбываецца яшчэ большае збліжэнне суседніх моў. Асабліва актуальна гэта для ўсебаковага вывучэння моўнага сумежжа Славіі, якое выяўляе вялікую колькасць канвергентных ізаглос, рознаўзроўневых і рознамаштабных праяў арэальнай супольнасці. Безумоўна, пры ідэнтыфікацыі і інтэрпрэтацыі такіх з'яў славянскага дыялектнага кантынуума неабходна адначасова ўлічваць комплекс крытэрыяў, якія характарызуюць іх фармальную, структурную і тэрытарыяльную блізкасць, што, адпаведна, прадугледжвае выкарыстанне прыёмаў генетычнага, тыпалагічнага і арэальнага аналізу.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Цыхун, Г. А. Некаторыя праблемы кантактнай лінгвістыкі (адносна тэрміна і паняцця «кантактная зона») / Г. А. Цыхун // Прастора мовы. Моўныя сувязі. Гісторыя слоў: выбр. працы / Г. Цыхун; уклад. Я. В. Волкава. – Мінск, 2018. – С. 167–171.

2. Цыхун, Г. А. Арэальная тыпалогія славянскіх моў: прынцыпы і напрамкі даследавання / Г. А. Цыхун // Выбраныя працы: беларусістыка, славістыка, арэальная лінгвістыка / Г. Цыхун; склад., уступ. арт. М. В. Супрунчука; рэдкал.: С. А. Важнік (навук. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2012. – С. 39–66.

3. Судник, Т. М. К характеристике южной части балтийско-славянского языкового союза (БСлЯзС) / Т. М. Судник, В. Н. Топоров, С. М. Шур // Проблемы лингво- и этногеографии и ареальной диалектологии: тез. докл. / Ин-т славяноведения АН СССР; отв. ред. Н. И. Толстой. – М., 1964. – С. 13–19.

4. Цыхун, Г. А. Арэальныя аспекты семантычнай рэканструкцыі / Г. А. Цыхун // Studia etymologica Brunensia 1 / ed.: I. Janiškova, H. Karlikova. – Praha, 2000. – S. 201–207.

5. Мартынов, В. В. Становление праславянского языка по данным славяно-иноязычных контактов / В. В. Мартынов. – Минск: Наука и техника, 1982. – 44 с. – (IX Международный съезд славистов: доклады).

6. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И. Н. Жукова [и др.]; под ред. М. Г. Лебедько, З. Г. Прошиной. – М.: Флинта; Наука, 2013. – 632 с.

7. Цыхун, Г. А. Паўночны фрагмент заходнеславянска-ўсходнеславянскай кантактнай зоны / Г. А. Цыхун // Прастора мовы. Моўныя сувязі. Гісторыя слоў: выбр. працы / Г. Цыхун; уклад. Я. В. Волкава. – Мінск, 2018. – С. 175–179.

8. Айдукович, Й. О некоторых понятиях лексической контактологии / Й. Айдукович // Русский язык: исторические судьбы и современность = Russian language: its historical destiny and present state: II Междунар. конгр. исследователей рус. яз., 18–21 марта 2004 г., Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филол. фак.: труды и материалы / Моск. гос. ун-т; сост.: М. Л. Ремнёва [и др.]. – М., 2004. – С. 445–447.

9. Ајдуковић, Ј. Контактема – основна јединица лингвистичке контактологије / Ј. Ајдуковић // Славистика. – 2003. – Кн. 7. – С. 74–84.

10. Мечковская, Н. Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков: учеб. пособие / Н. Б. Мечковская. – Минск: Амалфея, 2000. – 368 с.

11. Языкознание: большой энцикл. слов. / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. (репр.). – М.: Большая Рос. Энцикл., 1998. – 683 с.

12. Цыхун, Г. А. Аспекты славянскай арэальнай лінгвістыкі / Г. А. Цыхун // Прастора мовы. Моўныя сувязі. Гісторыя слоў: выбр. працы / Г. Цыхун; уклад. Я. В. Волкава. – Мінск, 2018. – С. 19–35.

13. Стариченок, В. Д. Большой лингвистический словарь / В. Д. Стариченок. – Ростов н/Д: Феникс, 2008. – 811 с.

14. Взаимодействие лингвистических ареалов: теория, методика и источники исследований / М. А. Бородина [и др.]; отв. ред. М. А. Бородина. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1980. – 272 с.

15. Міжславянскія ізалексы ў беларускіх этымалагічных слоўніках / М. Абрагімовіч [і інш.]. – Мінск: [б. в.], 1998. – 16 с. – (XII Міжнародны з'езд славістаў: даклады).

16. Мартынов, В. В. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры: к проблеме прародины славян / В. В. Мартынов. – Минск: Изд-во Акад. наук БССР, 1963. – 250 с.

17. Furlan, M. Novi etimološki slovar slovenskega jezika. Poskusni zvezek / M. Furlan. – Ljubljana: Založba ZRC, 2013. – 221 s. https://doi.org/10.3986/9789612546656

18. Мартынов, В. В. Балто-славяно-италийские изоглоссы: лексическая синонимия / В. В. Мартынов. – Минск: Наука и техника, 1978. – 48 с. – (VIII Международный съезд славистов: доклады).

19. Цыхун, Г. А. Паўднёваславянска-ўсходнеславянскія моўныя сувязі / Г. А. Цыхун // Прастора мовы. Моўныя сувязі. Гісторыя слоў: выбр. працы / Г. Цыхун; уклад. Я. В. Волкава. – Мінск, 2018. – С. 74–101.

20. Снігірова, Н. А. Паўночна-ўсходнія арэальныя інавацыі ў польскай мове: дыс. ... канд. філал. навук: 10.02.03 / Н. А. Снігірова. – Мінск, 2009. – 175 л.

21. Stieber, Z. Sposoby powstania słowiańskich gwar przejściowych / Z. Stieber // Świat językowy Słowian / Z. Stieber; red.: A. Obrębska-Jabłońska [et al.]. – Warszawa, 1974. – S. 33–64.

22. Цыхун, Г. А. Інавацыі славянскіх кантактных зон / Г. А. Цыхун // Прастора мовы. Моўныя сувязі. Гісторыя слоў: выбр. працы / Г. Цыхун; уклад. Я. В. Волкава. – Мінск, 2018. – С. 42–46.

References

1. Tsykhun G. A. Some problems of contact linguistics (regarding the term and concept of "contact zone"). *Language space. Linguistic ties. History of words: selected works.* Minsk, 2018, pp. 167–171 (in Belarusian).

2. Tsykhun G. A. Areal typology of Slavic languages: principles and directions of research. *Selected works: Belarusian studies, Slavic studies, areal linguistics.* Minsk, 2012, pp. 39–66 (in Belarusian).

3. Sudnik T. M., Toporov V. N., Shur S. M. To the characteristics of the southern part of the Baltic-Slavic language union (BSLU). *Problemy lingvo- i etnogeografii i areal'noi dialektologii: tezisy dokladov* [Problems of linguistic and ethnogeography and areal dialectology: abstracts of reports]. Moscow, 1964, pp. 13–19 (in Russian).

4. Tsykhun G. A. Areal aspects of semantic reconstruction. *Studia etymologica Brunensia 1.* Praha*,* 2000, pp. 201–207 (in Belarusian).

5. Martynov V. V. *The formation of the Proto-Slavic language according to the data of Slavic-foreign language contacts*. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1982. 44 p. (in Russian).

6. Zhukova I. N., Lebed'ko M. G., Proshina Z. G., Yuzefovich N. G. *Dictionary of terms of intercultural communication*. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2013. 632 p. (in Russian).

7. Tsykhun G. A. The northern fragment of the West Slavic-East Slavic contact zone. *Language space. Linguistic ties. History of words: selected works*. Minsk, 2018, pp. 175–179 (in Belarusian).

8. Aidukovich I. On some concepts of lexical contactology. *Russian language: its historical destiny and present state: II International congress of Russian language researchers, Moscow, Moscow State University, March 18–21, 2004*. Moscow, 2004, pp. 445–447 (in Russian).

9. Ајдуковић J. Contacteme is the basic unit of linguistic contactology. *Slavistika = Slavic studies,* 2003, no. 7, pp. 74–84 (in Serbian).

10. Mechkovskaya N. B. *General linguistics. Structural and social typology of languages*. Minsk, Amalfeya Publ., 2000. 368 p. (in Russian).

11. Yartseva V. N. (ed.). *Linguistics: big encyclopedic dictionary.* 2nd ed. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya Entsiklodegiya Publ., 1998. 683 p. (in Russian).

12. Tsykhun G. A. Aspects of Slavic areal linguistics. *Language space. Linguistic ties. History of words: selected works*. Minsk, 2018, pp. 19–35 (in Belarusian).

13. Starichenok V. D. *Big linguistic dictionary*. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2008. 811 p. (in Russian).

14. Borodina M. A. (ed.). *Interaction of linguistic areas: theory, methodology and sources of research*. Leningrad, Nauka Publ., 1980. 272 p. (in Russian).

15. Abragimovich M., Voilkava Ya., Kazlouskaya-Doda Ya., Luchyts-Fedarets I., Mal'ko R., Osipchyk A., Tsykhun G. *Interslavic isolexes in Belarusian etymological dictionaries*. Minsk, 1998. 16 p. (in Belarusian).

16. Martynov V. V. *Slavic-Germanic lexical interaction of the most ancient times: to the problem of the ancestral homeland of the Slavs*. Minsk, Publishing House Academian Sciences of the BSSR, 1963. 250 p. (in Russian).

17. Furlan M. *Novi etimološki slovar slovenskega jezika. Poskusni zvezek.* Ljubljana, Založba ZRC, 2013. 221 p. (in Slovenian). https://doi.org/10.3986/9789612546656

18. Martynov V. V. *Balto-Slavic-Italic isoglosses: lexical synonymy.* Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1978. 48 p. (in Russian).

19. Tsykhun G. A. South Slavic-East Slavic language connections. *Language space. Linguistic ties. History of words: selected works*. Minsk, 2018, pp. 74–101 (in Belarusian).

20. Snigirova N. A. *North-Eastern areal innovations in the Polish language.* Ph.D. Thesis. Minsk, 2009. 175 p. (in Belarusian).

21. Stieber Z. Sposoby powstania słowiańskich gwar przejściowych. *Świat językowy Słowian*. Warszawa, 1974, pp. 33–64 (in Polish).

22. Tsykhun G. A. Innovations of the Slavic contact zones. *Language space. Linguistic ties. History of words: selected works*. Minsk, 2018, pp. 42–46 (in Belarusian).

Информация об авторе

Снигирёва Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: nataliasnigiriova@gmail.com

Information about the author

Natalia A. Snigiriova – Ph. D. (Philol.), Associate Professor. Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: nataliasnigiriova@gmail.com

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

УДК 78.037
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-3-221-229

Поступила в редакцию 29.04.2024
Received 29.04.2024

Т. Г. Мдивани

Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В МУЗЫКАЛЬНОМ АВАНГАРДЕ

Аннотация. На основе музыковедческого анализа композиторского текста рассматриваются важнейшие стилевые репрезентанты авангардной музыки XX века: додекафония, коллаж, сонорика. При характеристике додекафонии отмечаются ее новые, неклассические черты, связанные с равноправностью 12 тонов, опорой на принцип ряда, означающий линейную концепцию музыки, строгий детерминизм и эстетический инфантилизм. Объясняются причины исчерпания ресурсов додекафонии как творческого метода и его преемственная связь с музыкальной классикой. При характеристике коллажа раскрываются его опора на принцип казуальности и тесная связь с феноменом цитирования, представленного в постнеклассической музыкальной парадигме в гиперболизированной форме. Особое внимание уделяется сонорике, содержащей интенцию к красоте и чувственности. Рассматриваются различные типы сонорного текста, где выделены такие параметры, как пространственность, гипермногоголосие, тембрика. Указывается, что акцентуация красочной звучности привела к "монотонии роскоши", принципа повторяемости – к излишней конструктивной простоте, тембровой стороны музыки – к однообразию стилевого рисунка. Обозначен генезис явления – стереофоническая звучность храмовой музыки. Цель статьи – раскрыть линии преемственных связей авангардных новаций, задачи – показать пути адаптации классических принципов музыки в музыкальном авангарде XX века, представленном неклассическим и постнеклассическим стилем музыкального мышления. Главным выводом работы является теза *Littĕra scripta manet.*

Ключевые слова: музыкальный авангард, додекафония, коллаж, сонорика, неклассичность, постнеклассичность

Для цитирования: Мдивани, Т. Г. О преемственности в музыкальном авангарде / Т. Г. Мдивани // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2024. – Т. 69, № 3. – С. 221–229. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-3-221-229

Tatyana G. Mdivani

Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

ON CONTINUITY IN THE MUSICAL AVANT-GARDE

Abstract. On the basis of musicological analysis of the composer's text, the most important style representatives of avant-garde music of the twentieth century are considered: dodecaphony, collage and sonorica. When characterizing dodecaphony, we note its new, non-classical features associated with the equality of 12 tones, reliance on the principle of series, meaning a linear concept of music, rigidus determinism and aesthetic infantilism. The reasons for the exhaustion of the resources of dodecaphony as a creative method and its continuity with the musical classics are explained. When characterizing collage, its reliance on the principle of casualness and its close connection with the phenomenon of quotation, presented in the postnon-classical musical paradigm in a hyperbolized form, are revealed. Particular attention is paid to sonorics, containing the intension to beauty and sensuality. Different types of sonoric text are considered, where such parameters as spatiality, hypermultiplicity, and timbricity are emphasized. It is pointed out that the accentuation of colorful sonority led to "monotony of luxury", the principle of repetition – to excessive constructive simplicity, the timbre side of music – to dull /boring/ sameness of style pattern. The genesis of the phenomenon and its connection with the stereophonicity of sound in temple music is outlined. The aim of the work is to reveal the genesis of avant-garde innovations, the tasks are to show the ways of adaptation of classical principles of music in the musical avant-garde of the twentieth century, represented by non-classical and postnon-classical style of musical thinking. The main conclusion of the work is the thesis – *Littĕra scripta manet.*

© Мдивани Т. Г., 2024

Keywords: musical avant-garde, dodecaphony, collage, sonorics, non-classicality, postnon-classicality

For citation: Mdivani T. G. On continuity in the musical avant-garde. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2024, vol. 69, no. 3, pp. 221–229 (in Russian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-3-221-229

Введение. Известно, что искусство есть умение выразить себя по признакам красоты, что художественное произведение обусловлено мировоззрением и чувством прекрасного, что содержанием композиторского творчества выступают не только музыкальный материал, но и мироощущение, мировосприятие автора и что новизна музыкального произведения определяется его отношением к традиции и существующему творческому опыту. Во второй половине XX в. в ранг ведущей идеи творчества была возведена постнеклассическая парадигма, отрицающая неклассическую парадигму музыки первой половины XX в. – додекафонию, серийность и сериальность. Между тем исторически сложилось так, что развитие и эволюция музыки всегда основывались на системе норм, конкретных художественно-эстетических идей и творческих принципов, которые передавалась из поколения в поколение. Линия преемственных связей обнаруживает себя и в неклассической, и в постнеклассической музыкальной реальности.

Основная часть. Неклассическая музыкальная парадигма заявила о себе в начале XX в. В 1905 г. А. фон Веберн апробирует принцип серии (вступление к Струнному квартету), в 1913 г. он пишет первое законченное додекафонное сочинение – «Оркестровая пьеса № 1». Одновременно А. Шенбергом создаются три додекафонные композиции оп. 11, в том числе знаменитая «Lockung», Б. Бартоком – «14 багателей», С. Прокофьевым – «Наваждение». В 1909–1910 гг. появляется скрябинский «Прометей», в 1911 г. – «Петрушка» И. Стравинского [1, с. 35], в 1912 г. – техника 12-тоновых рядов А. Берга (Пять песен на тексты П. Альтенберга). Таким образом, в течение 5–10 лет сочиняются знаковые произведения, в которых властвует не тональность, одноцентрие, консонанс, а совершенно иная система организации музыкальной материи и новая звуковая эстетика – 12-тоновость, или додекафония, и диссонансная звуковысотная реалия.

Конструктивным принципом додекафонной системы выступили равноправие тонов и децентрализованная тональность. Кроме того, в додекафонии аккордовая концепция музыки (вертикальная; гомофонный стиль) сменилась на линеарную (полифония, горизонталь), где законами логики управлял не квинтовый, аккордовогармонический принцип связи, а полутоновый, линеарный, опирающийся на динамическую идею – вперед и вверх. Отсюда неизбежна актуализация звукового ряда или ряда тонов как выразителя новой логики – логики ряда и линейной логики.

Закон 12 тонов, ставший репрезентантом неклассического способа конструирования музыкальной материи, обладал столь же сильными организующими качествами, как и классическая тональность: это – всеобъемлемость высот (12 тонов), упорядоченность (серия и ее 4 формы; транспозиции), единство (ряд), организационная логика (строгое и определенное соотношение тонов серии и порядок следования самих рядов). С позиций представлений о границах музыкальной целостности критерием выступили количество тонов – только 12, их неповторяемость, как и неповторяемость самого ряда (первое проведение ряда, за ним другое, или второе, и т. д. без перерыва). Принцип неповторяемости, проявивший себя на всех уровнях и во всех аспектах музыкальной композиции (звуковысотности, ритма, агогики, системы длительностей и т. п.), был положен в основу додекафонной формы, уводящей от стандартов классического конструирования.

Открытие «закона двенадцати тонов» (выражение А. Шенберга) стало определенным рубежом в эволюции музыки академической традиции, поскольку предлагало альтернативный классическому путь развития музыкальной целостности. Классическая (функциональная) тонально-гармоническая логика, сводимая к закону иерархии и подчинения Единому (тонике как центральному элементу системы, главному тону), символизировала прочность человеческого существования, авторитетность разума. Неклассическая, додекафонная форма претендовала на такую же прочность связей и смысловых оснований, но на новых условиях – на условиях функционального равенства всех 12 звуков и эстетики диссонанса (хроматики). Новый тип порядка, базирующийся на элементах математического метода, по существу, зиждился на безусловной вере в жесткий детерминизм и идею непрерывности, игнорируя необходимую дискретность в развитии музыкального процесса и серьёзно преувеличивая самодовлеющий механицизм.

Додекафония стала кульминацией в поиске новой формы организации музыкальной материи, основанной на темперации. Обретение системой статуса нового основания музыкальной композиции свидетельствовало о «конце» тональной музыки, с присущими ей типами конструирования и эстетикой консонанса, и одновременно о «начале» нового стиля музыкального мышления, базирующегося на идее порядка и эстетике диссонанса. В целом, додекафония означала «исчерпание линии подъема от (абсолютного) консонанса к крайним диссонансам» [1, с. 86], после начался обратный ход истории музыки.

Между тем в своих общих чертах 12-тоновость оказывалась преемственно связанной с системой доклассических ладов и с вариационной формой. Линия преемственности проявилась в прямой реминисценции доклассической композиционной техники и музыки Анонимов. В XIV–XVI вв. господствовали 12-звуковой ряд, слабая выраженность центра, отсутствие функциональных связей и тональной опоры, а также ориентация на количественный аспект композиции – на сумму звуков, ладов и звукоступеней, а также преобладание коррелята «музыкальная – текстомузыкальная форма» (диктовался каноническим текстом).

Кроме организующего начала в додекафонии – на уровне произведения – сохранила своё значение жанровая система музыки: оратория, концерт, сюита, квартет, симфония, песня, пьеса, хор – у А. Шенберга; опера, концерт, сюита, пьеса, песня, квартет – у А. Берга; симфония, квартет, пьеса, песня – у А. фон Веберна; симфония, концерт, квартет, соната, пьеса, кантата, опера, песня – у П. Хиндемита; симфония, опера, балет, кантата, песня, пьеса, концерт – у И. Стравинского и т. д. Не изменились и типы форм (например, песенная, вариационная у Шенберга и Веберна, канон у Берга), а также темперированный высотно-определенный звук и способ записи музыки традиционными нотными знаками. Однако поиски А. Веберна, Ф.-Х. Кляйна, А. Шенберга, а также Н. Рославца, Е. Голышева, Н. Обухова и др., направленные на создание и воплощение в музыке нового мира и нового музыкального порядка, все же находились во власти чарующей своей новизной конструктивной идеи. Поэтому додекафония – это не столько *реминисценция* «образа» старинной эпохи, сколько репрезентант неклассического стиля музыкального мышления, находящийся в преемственной связи со старинной музыкой. В связи с додекафонией правомерно говорить и о её исторической роли в эволюции музыкального мышления, которую следует понимать как *перелом* в творческом сознании и поворот от классического музыкального мышления к новому, неклассическому. Как выяснилось уже в послевоенное время, традиция в качестве линии преемственных связей сохранилась только за серийностью, притом в контексте других композиторских техник.

Постнеклассическая музыкальная парадигма, сформировавшаяся в послевоенный период как реакция на засилье порядка, игнорирующего творческое начало, проявила себя в трех аспектах – сонорике, алеаторике (коллаже, эвентуальности) и Новом звуке. Каждый из них имеет преемственную связь с традициями академической музыки. Первоначально остановимся на коллаже, который продемонстрировал противоположный додекафонии творческий эдикт – творческую свободу, выразившуюся в непредсказуемости, казуальности. Коллажная техника была основана на сочетании несочетаемого, т. е. на включении в музыкальную ткань (произведения) неавторского материала. Инкрустация создавала некоторую иллюзию алогизма, однако в целом базировалась на взвешенности каждой детали музыкального текста. Так, например, в Симфонии (1969) Л. Берио суть коллажа заключается в сочетании музыки и говора (отрывки из романа «Неназываемый» С. Беккета), сама же конструкция сочинения вполне классична. По словам Л. Кириллиной, ценность музыки Берио заключалась в том, что на фоне «тотального техницизма» [2, с. 96] композитор сделал попытку вернуть музыке эмоцию и реконструировать классический тип и симфонического жанра, и музыкальной формы. Ключевым моментом сочетания традиционного и нового выступил синтез нового музыкального содержания и старинной формы. Впоследствии идея коллажа была развита Л. Ноно (опера «Нетерпимость») и А. Шнитке (его полистилистическая концепция основана на компиляции авторского и разнообразного неавторского материала)[1].

[1] Коллажную технику использовали и белорусские композиторы, в том числе Д. Смольский, О. Ходоско.

Главной целью коллажа было введение элемента непредсказуемости в процесс развития, что ассоциировалось с представлениями о творческой свободе и давало возможность выйти за пределы серийного стереотипа формы. Органично вписавшись в формирующееся новое представление о мире, согласно которому природа пишется «языком противоположностей», коллаж стал олицетворением нелинейности как непериодичности, уводящей от устойчивого плана формы и сквозного алгоритма музыкальной структуры.

Мерой такой архитектонической концепции была фрактальность, которая разрывала форму инкрустациями, «чужим» материалом, в результате чего её очертания были уже не плавными, правильными, заранее «заданными», но напротив – зигзагообразными, «неправильными» и непредсказуемыми. В этом проявилась нелинейность коллажного принципа, ибо в результате намеренного разрыва в цепи причинностей форма вытягивалась не по прямой, а выглядела зигзагообразной, фрактальной, «неправильной». Такая «алогичность» задумывалась композитором, восставшим против тотального детерминизма, и являла собою разумный, творческий эдикт.

Примером фрактальной композиции является «Картридж-музик» для амплифицированных звуков (1960) Д. Кейджа, где нотный текст представляет собою геометрические фигуры (музыкальная графика вместо нотных знаков), которые распределены по листкам партитуры и развиваются в процессе прикосновения катриджей к виниловой пластинке согласно нелинейной логике. Первоначальная графическая фигура, т. е. нотный знак и конфигурация звуков (своего рода иероглиф), постепенно дробится на уменьшенные в масштабе самоподобные фрагменты, которые затем повторяются и останавливаются без предварительной подготовки – согласно времени, указанному на секундомере. Музыкальный процесс включает в себя музыкальные и внемузыкальные звуки, которые вводятся исполнителем по собственному усмотрению (отсюда коллажность). Сочинение примечательно еще и тем, что фракталы повторяются нерегулярно, произвольно, предполагая бесчисленное множество звуковых воплощений в импровизациях исполнителя. Масштабная инвариантность придает формообразованию произведения новые черты: нестабильность структуры, отсутствие границы, множественность трактовок, что хотя и указывает на отсутствие традиционного порядка, но в силу наличия начальных условий характеризует композицию как систему, обладающую потенциалом упорядочения. Таким образом, композитором был создан новый метод формообразования, вбирающей в себя не только традиционный звукотоновый материал, но и все звучания мира («Все, что мы делаем, – это музыка») – тишину, молчание, немузыкальные звуки (звук катриджа), визуалистику (в виде музыкальной графики).

Другим примером коллажа является инкрустация авторского материала чужим, неавторским текстом в контексте стилевого рисунка произведения. Таковы цитаты, аллюзии, реминисценции, например, в «Гимнах К. Штокхаузена, где музыкальный материал словно соткан из интонаций гимнов (в виде фрагментов) народов мира. Иной коллаж «Коллаж на тему B-A-C-H» (1969) А. Пярта, где монограмма bach «скрыта» в голосах оркестровой ткани. «Скрытая» логика сильнее явной (явных симметрий, пропорций) и потому по определению несет в себе некий новый эстетический критерий. Отсюда, собственно, способ организации элементов, ориентированный на исполнительский волюнтаризм, как и материал музыки, является новым как по отношению к классике, так и по отношению к неклассике – довоенному авангарду. Вместе с тем инкрустации, создающие эффект алогизма и неожиданности (казуальности), неожиданны лишь для слушателя: композитор выстраивает форму до мелочей, регулируя и исполнительскую ситуацию.

Коллаж не стал панацеей от засилья серийности, поскольку проигрывал в эстетическом плане, в какой-то степени снижая значение авторского, индивидуального начала. В целом же значение коллажа в движении к новой целостности и укреплении позиций новой, казуальной логики, можно сказать, позитивно. Во-первых, коллаж подготовил почву для алеаторической формы и стал промежуточным звеном между строго высчитанной структурой и структурой, допускающей «свободу». Во-вторых, специфика коллажа заключала в себе новый смысл функционирования музыкальной структуры, центрированной на идее импровизации, которая гармонизовалась мерой в виде вероятности. В-третьих, коллажная «логика» демонстрировала недостаточность додекафонии, в том числе и для выражения внутреннего, творческого начала.

Вместе с тем у коллажа есть и исторические корни: во-первых, в феномене цитирования (Н. А. Римский-Корсаков, П. И. Чайковский, А. Дворжак), представленном в музыкальном авангарде в гипертрофированном виде, – во-вторых, в практике сочинения в доклассическую эпоху, эпоху Анонимов, когда авторство как таковое не фиксировалось.

Наиболее ярким завоеванием музыкального авангарда в его постнеклассической фазе является сонорика – музыка звучностей. Сонорика a priori апеллирует к музыкальной пространственности, объемной стереофонической звучности и так называемым «большим числам». Суть вопроса в следующем. Если в греческой и доклассических системах звуковые формы опирались только на приму (октаву) и квинту (кварту), т. е. на совершенный консонанс, то в эпоху Возрождения и Новое время к ним добавилась терция (секста), которая получила статус несовершенного консонанса. В XX в. эволюция музыки шла сначала от дальнейшего дробления единого – на секунду (септиму), тритон и микротон, т. е. по пути легализации диссонанса, а затем начался обратный процесс – малые величины объединились в большие (сонорика, пространственная музыка, музыкальная статика), благодаря чему сформировалось разумноженное единое, связанное с понятием «множество». «Переход ко все более сложным и большим числам, – писал Ю. Холопов, – соответственно к высшему уровню отношений» есть музыкальная история с точки зрения числа, суть которой в непрерывном дроблении единого» [3, с. 84].

Лидер музыкального авангарда Д. Лигети писал о своем увлечении звуковыми пространствами: «Пусть умолкнет, наконец, фетиш западной композиции, ткацкая машина сериализма. В статических звучаниях открылись новые красоты погруженного в самое себя времени и игра звуковыми моллюсками, красоты стихийных круговращений и мифологического движения горных массивов» [4, с. 14]. Он отмечал: «Представление о “статической” музыке, которое я воплотил <…> в 1961 году в “Атмосферах”, существовало у меня уже с 1950 года. Я знал, что как-нибудь смог бы сочинить музыку без мелодии, без ритма, музыку, в которой формальные очертания – множество наполняющих ее подробностей – не будут восприниматься как отдельные моменты, но друг с другом переплетаться, связываться в музыку, где краски будут радужно переливаться...» [4, с. 42].

По существу, сонорика выступила как новая звуковая множественность, где количественное и оформляет, и формирует качественное и звуковое качество: темперированное 24-звучие (включает энгармонизм) и электронную звучность (состоит из (бесчисленно) дробных частей и частиц и т. д.). При этом и то, и другое выступает носителем красочной звучности. Отсюда следует, что красота супер- и сверхмногоголосия, звуковых «точек», «пятен», «блоков» (А. Маклыгин) есть самоценная красота, которая определяется эмансипированным тембром. Ее выразителем явился темброзвук, главным признаком которого выступил принцип множественности. Эстетической парадигмой темброзвука и темброзвучности являлась темброкрасочность – символ гармонии, вертикали, пришедшей на смену ряду, линии, т. е. горизонтали. И поскольку тембр a priori выступает репрезентантом единства множественного (звуков, призвуков и проч.), то сонорность, будучи составленной из однородных (однокачественных) множественностей, являет собой целое как множественность, т. е. разумноженное, или расширенное, целое. В этом заключается отличие сонорики от неделимой единичности и тоже множественности – одного звука или тона, объединяющих в одно некоторую совокупность призвуков. Тем самым сонорность как носитель чувственной музыкальной (звуковой) красоты и как репрезентант расширенного звукового мира на уровне его звуковой формы обеспечила высвобождение музыкальных реалий от рафинированной звуковой эстетики серийности. По словам российского композитора В. Мартынова, сонорика соприкасалась с высшей реальностью и с «трансцендентными основами цивилизации».

В восстановлении авторитета чувственного, духовного не последнюю роль сыграло и увлечение европейцами Востоком, в частности, буддизмом. Известно, что Восток не знает культивирования самости, индивидуально-субъектного содержания личности, и апеллирует к «растворению «Эго» в общем бытийственном потоке» (М. Мамонова). Интерес к неевропейскому началу был присущ Дебюсси, Стравинскому, Малеру, а в середине XX в. – Хауэру и особенно Мессиану. Поэтому актуализация чувственного как коррелята внелогичности (чувство не измеряется)

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

LITERARY SCIENCE

УДК 821.161.3’06-9
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-3-230-240

Паступіў у рэдакцыю 30.03.2023
Received 30.03.2023

Т. П. Барысюк

Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь

СПЕЦЫФІКА РУБАІ Ў БЕЛАРУСКАЙ ПАЭЗІІ КАНЦА XX – ПАЧАТКУ XXI СТ.

Аннотация. В идейно-жанровом ключе проанализировано современное состояние рубаи белорусских поэтов Евгения Миклашевского, Владимира Лебедева, Галины Загурской, Веры Буландо, Игоря Прокоповича, Эдуарда Дубенецкого, Алеся Палынского, Сержа Минскевича, Олега Грушецкого, Артёма Орешонка, Ганада Чарказяна (чаргави), Рыгора Бородулина и Змитрака Морозова, а также рубаиподобные произведения Рыгора Бородулина и Змитрака Морозова (четверостишия). В произведениях названных авторов доминируют философская тематика и афористический способ высказывания. Эта восточная форма органично прижилась на белорусской почве и вызывает повышенный интерес у современных белорусских поэтов.

Ключевые слова: современная белорусская поэзия, рубаи, твердая форма стиха, рубаиподобные произведения, четверостишие, идея

Для цитирования: Барысюк, Т. П. Спецыфіка рубаі ў беларускай паэзіі канца XX – пачатку XXI ст. / Т. П. Барысюк // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2024. – Т. 69, № 3. – С. 230–240. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-3-230-240

Tatsiana P. Barysiuk

Center for Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

THE SPECIFICS OF RUBAI IN BELARUSIAN POETRY END OF XX – BEGINNING OF XXI CENTURY

Abstract. In the ideological and genre key, the current state of the rubaies of Belarusian poets Yauhen Miklasheusky, Uladzimir Lebedzeu, Halina Zahurskaya, Vera Bulanda, Ihar Prakapovich, Ales’ Palynsky, Eduard Dubianetsky, Serge Minskevich, Aleh Hrushetsky, Artem Arashonak, Ganad Charkazian (chargavi), Ryhor Baradulin and Zmitrok Marozau, as well as rubai-like works by Ryhor Baradulin and Zmitrok Marozau (quatrains) have been studied. The works of these authors are dominated by philosophical themes and aphoristic way of speaking. This oriental form organically took root on Belarusian soil and is of great interest to modern Belarusian poets.

Keywords: modern Belarusian poetry, rubai, solid form of verse, rubai-like works, quatrain, idea

For citation: Barysyuk T. P. The specifics of rubai in Belarusian poetry end of XX – beginning of XXI century. *Vestsi Natsyyanal’nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2024, vol. 69, no. 3, pp. 230–240 (in Belarusian). https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-3-230-240

Уводзіны. За апошнія 35 гадоў у беларускай паэзіі набылі асаблівую папулярнасць усходнія формы (газель, туюг, рубаі, хоку, танка і інш.), што тлумачыцца тэндэнцыямі дыялогу і дыфузіі культур, а таксама ўплывам традыцый лірычнай шматжанравасці, якая бярэ пачатак ад спадчыны М. Багдановіча і Р. Крушыны. Творы ўсходніх форм у сучасных беларускіх паэтаў будзем лічыць стылізацыямі, паколькі, відавочна, адбываецца прыпадабненне да ўсходняй ментальнас-

© Барысюк Т. П., 2024

7. Брагинский, И. Персидская литература: крат. очерк / И. Брагинский, Д. Комиссаров. – М.: Изд-во вост. лит., 1963. – 213 с. – (Литература Востока / Акад. наук СССР, Ин-т народов Азии).

8. Рагойша, В. П. Уводзіны ў літаратуразнаўства: вучэб. дапам.: у 2 ч. / В. П. Рагойша, М. П. Кенька, Т. А. Марозава; пад рэд. В. П. Рагойшы. – Мінск: БДУ, 2012. – Ч. 2: Паэтыка. Тэорыя літаратуразнаўчага працэсу. – 239 с. – (Класічнае ўніверсітэцкае выданне).

9. Дворянков, Н. А. Строфика поэзии пашто / Н. А. Дворянков // Проблемы восточного стихосложения: сб. ст. / АН СССР, Ин-т востоковедения; редкол.: И. С. Брагинский [и др.]. – М., 1973. – С. 25–59.

10. Хаям, А. Рубаі / А. Хаям; пер. з фарсі-кабулі Р. Барадулін; [уклад. і даслоўнікі В. Я. Чамбарысава]. – Мінск: Маст. літ., 1989. – 94 с.

11. Хаям, У. Выбраныя рубаі / У. Хаям; пер. з фарсі-кабулі Р. Барадуліна. – Мінск: Зміцер Колас, 2016. – 88 с. – (Паэты планеты).

12. Хаям, А. Выбраныя старонкі / А. Хаям; [пер. Р. Барадуліна, В. Шніпа, Г. Аўласенкі]. – Мінск: Звязда, 2022. – 287 с.

13. Хаям, А. «Свет у табе, вакол цябе нічога»: [рубаі] / А. Хаям; пер. В. Шніп // Літ. і мастацтва. – 2021. – 21 мая (№ 20). – С. 10.

14. Багдановіч, М. Поўны збор твораў: у 3 т. / М. Багдановіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1991. – Т. 1: Вершы, паэмы, пераклады, наследаванні, чарнавыя накіды – 752 с.

15. Танк, М. Збор твораў: у 13 т. / М. Танк. – Мінск: Беларус. навука, 2008. – Т. 5. – 454 с.

16. Барадулін, Р. Збор твораў: у 5 т. / Р. Барадулін. – Мінск: Маст. літ., 1999. – Т. 3: Паэмы. Вершы. – 335 с.

17. Лужанін, М. Збор твораў: у 4 т. / М. Лужанін. – Мінск: Маст. літ., 1981. – Т. 3: Падарожныя нізкі; Вершы 1966–1973; Як нараджаўся новы свет; Рэпартаж з рубцом на сэрцы. – 511 с.

18. Янішчыц, Я. Дзень вечаровы: лірыка / Я. Янішчыц. – Мінск: Маст. літ., 1974. – 78 с.

19. Крупенька, Я. Юбілейныя бліны: гумар і сатыра / Я. Крупенька. – Мінск: Маст. літ., 1984. – 55 с.

20. Федарцова, Т. М. Асваенне беларускай версіфікацыяй цвёрдых вершаваных формаў: рубаі / Т. М. Федарцова // Міжнародныя Шамякінскія чытанні «Пісьменнік – Асоба – Час»: матэрыялы II Міжнар. навук.-практ. канф., Мазыр, 20–21 кастр. 2011 г. / Мазыр. дзярж. пед. ун-т; [рэдкал.: А. У. Сузько (адк. рэд.) і інш.]. – Мазыр, 2011. – С. 101–106.

21. Гоўзіч, І. М. Усходняя вершаваная форма рубаі ў творчасці М. Багдановіча і паэзіі другой паловы XX стагоддзя / І. М. Гоўзіч // Творчасць Максіма Багдановіча ў кантэксце сусветнай літаратуры: матэрыялы Міжнар. навук. канф. да 120-годдзя з дня нараджэння Максіма Багдановіча (Мінск, 25–26 лістап. 2011 г.) / НАН Беларусі, Ін-т мовы і літаратуры; [рэдкал.: А. А. Манкевіч (уклад.) і інш.]. – Мінск, 2011. – С. 100–104.

22. Міклашэўскі, Я. Вершы / Я. Міклашэўскі // Маладосць. – 2000. – № 2. – С. 190–206.

23. Пракаповіч, І. «Мой Храм – Беларусь…»: [вершы] / І. Пракаповіч // Род. слова. – 1992. – № 11. – С. 74–75.

24. Буланда, В. Мне не жыць без цябе…: вершы / В. Буланда. – Барысаў: [б. в.], 1997. – 110 с.

25. Арашонак, А. [Вершы] / А. Арашонак // Першацвет. – 2001. – № 11. – С. 45.

26. Инь и ян [Электронный ресурс] // ВикипедиЯ. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Инь_и_ян. – Дата доступа: 25.12.2022.

27. Дубянецкі, Э. Душы маёй няскончаны палёт: кніга паэзіі / Э. Дубянецкі. – Мінск: Кнігазбор, 2011. – 124 с.

28. Мінскевіч, С. Адвечны рэчытатыў: [вершы] / С. Мінскевіч // Дзеяслоў. – 2013. – № 2 (63). – С. 152–157.

29. Лебедзеў, У. Несціханае рэха: зб. паэзіі / У. Лебедзеў. – Брэст: Альтернатива, 2013. – 75 с.

30. Палынскі, А. [Рубаі] [Электронны рэсурс] / А. Палынскі. – Рэжым доступу: https://www.facebook.com/profile.php?id=1504090002. – Дата доступу: 10.03.2023.

31. Чарказян, Г. Чаргаві / Г. Чарказян; пер. з курд. М. Мятліцкага // Полымя. – 2007. – № 6. – С. 100–113.

32. Барадулін, Р. Вершатэрапія / Р. Барадулін // Дзеяслоў. – 2013. – № 2 (63). – С. 5–20.

33. Барадулін, Р. Халодная памяць вады / Р. Барадулін. – Мінск: Рым.-Катал. парафія св. Сымона і св. Алены, 2010. – 497 с.

34. Барадулін, Р. Карані цішыні… : [вершы] / Р. Барадулін // Дзеяслоў. – 2012. – № 1 (56). – С. 5–18.

35. Барадулін, Р. Шляхам бульбы: [вершы] / Р. Барадулін // Дзеяслоў. – 2013. – № 6 (67). – С. 5–15.

36. Марозаў, З. І жаўранка накцюрн у паднябессі…: вершы, санеты, вянкі санетаў / З. Марозаў. – Мінск: Чатыры чвэрці, 2021. – 187 с.

References

1. Ragoisha V. P. *Verse. Poetry: an encyclopedic guide*. Minsk, Belaruskaya Entsyklapedyya Publ., 2020. 471 p. (in Belarusian).

2. Kvyatkovskii A. P. *Poetic dictionary.* Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1966. 375 p. (in Russian).

3. Rubaʿi. *WikipediA.* Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Ruba%CA%BFi (accessed 22.12.2022).

4. *Poetry of the East.* Moscow, Slovo Publ., 2010. 645 p. (in Russian).

5. Gubaidulina S. A. "Rubaiyat". *Musical seasons*. Available at: https://musicseasons.org/sofiya-asgatovna-gubajdulina-rubajyat/ (accessed 20.12.2022) (in Russian).

6. Sadokhin A. P. *Culturology: theory and history of culture*. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 623 p. (in Russian).

7. Braginskii I., Komissarov D. *Persian literature.* Moscow, Publishing house of East literature, 1963. 213 p. (in Russian).

8. Ragoisha V. P., Ken'ka M. P., Marozava T. A. *Introduction to literary studies. Part 2. Poetics. Theory of literary research* process. Minsk, Belarusian State University, 2012. 239 p. (in Belarusian).

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ПРАВА

LAW

УДК 342.571
https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-3-241-249

Поступила в редакцию 14.11.2023
Received 14.11.2023

И. В. Шахновская

Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой, Новополоцк, Беларусь

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Рассматриваются особенности и принципы деятельности местного самоуправления в цифровую эпоху. Анализируются организационно-правовые формы деятельности местного самоуправления в Республике Беларусь и Российской Федерации. Отдельное внимание уделяется конституционной реформе местного самоуправления в Российской Федерации в 2020 г. Рассматривается содержание принципов цифровизации, транспарентности, гласности, информационной открытости в деятельности органов местного самоуправления, определяются основные задачи цифровизации местного самоуправления. Автор уделяет внимание негативным аспектам цифровизации местного самоуправления, в частности, обосновывает позицию о тенденции сближения органов местного самоуправления и государственной власти, акцентирует внимание на отсутствии критерия вовлеченности населения в управление местными делами при проведении оценки цифрового развития регионов. Анализируется типовая Концепция развития «умных городов» в Республике Беларусь, положительно оценивается контент мобильного приложения «Мой город». Рассматриваются перспективные направления развития местного самоуправления в условиях цифровизации, обосновываются предложения по совершенствованию законодательства. Высказываются идеи относительно развития института местных электронных собраний, оценки деятельности органов местного самоуправления с помощью цифровых технологий, проведения трансляций заседаний местных Советов и др.

Ключевые слова: цифровизация, местное самоуправление, «умный город», цифровое развитие, местные Советы, онлайн-трансляции, перспективы развития

Для цитирования: Шахновская, И. В. Трансформация института местного самоуправления в условиях цифровизации: опыт Республики Беларусь и Российской Федерации / И. В. Шахновская // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2024. – Т. 69, № 3. – С. 241–249. https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-3-241-249

Irina V. Shakhnovskaya

Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk, Novopolotsk, Belarus

TRANSFORMATION OF THE INSTITUTION OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN THE CONDITIONS OF DIGITIZATION: EXPERIENCE OF THE REPUBLIC OF BELARUS AND THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article discusses the features and principles of local government in the digital era. The organizational and legal forms of activity of local self-government in the Republic of Belarus and the Russian Federation are analyzed. Special attention is paid to the constitutional reform of local self-government in the Russian Federation in 2020. The content of the principles of digitalization, transparency, publicity, information openness in the activities of local government bodies is considered, and the main tasks of digitalization of local government are determined. The author pays attention to the negative aspects of digitalization of local self-government, in particular, he substantiates the position on the trend of convergence between local self-government and state authorities, and focuses on the lack of a criterion for the involvement of the population in the management of local affairs when assessing the digital development of regions. The standard Concept for the development of smart cities in the Republic of Belarus is analyzed, and the content of the "My City" mobile application is positively assessed. The article examines promising directions for the development of local self-government in the context of digitalization, and substantiates proposals for improving legislation. Ideas are expressed regarding the development of the

© Шахновская И. В., 2024

Апошняя частка «Палескага дзівасілу» «Сакрэты мастацкага стылю» – лагічнае завяршэнне разважанняў аўтараў аб мастацкім метадзе У. В. Гніламедава, што вызначаецца імі як новы рэалізм і асаблівасці яго індывідуальна-аўтарскага стылю, сярод якіх найбольш істотнымі называюцца арыгінальная наратыўная стратэгія, аўтабіяграфізм і дакументалізм, майстэрства мастацкай дэталі і выкарыстання этнаграфічнага матэрыялу. Усё гэта разам узятае дазваляе пагадзіцца з тым, што «сямейна-гістарычная хроніка У. Гніламедава, у якой глыбока асэнсоўваецца беларускі нацыянальны характар у пераломныя моманты гісторыі, ужо стала самай значнай з'явай сучаснага літаратурнага працэсу і сведчаннем таго, што імкненне да рэалістычнай эпічнай маштабнасці – істотная тэндэнцыя развіцця сучаснай беларускай прозы» (с. 179).

У пасляслоўі да кнігі В. Русілка выказвае меркаванне, што ў першую чаргу яна будзе цікавая філолагам, але дазволю сабе паспрачацца з аўтарам. Упэўненая, што «Палескі дзівасіл» будзе цікавы не толькі спецыялістам, але і далёкім ад навукі і адукацыі чытачам, тым, каго натхняе беларуская гісторыя, усім аматарам роднага слова, а таксама тым, хто проста марыць пазнаёміцца з выдатным чалавекам, нашым сучаснікам, якім, бясспрэчна, з'яўляецца У. В. Гніламедаў, няхай сабе гэтае знаёмства і будзе толькі завочным.

Пісаць пра сучаснікаў і сучаснасць складана, пісаць жа пра тых, да каго адчуваеш выразную цеплыню і глыбокую павагу, яшчэ складаней: лёгка аказацца суб'ектыўным, аднабаковым. Аднак аўтарам «Палескага дзівасілу» В. І. Локун і В. І. Русілка ўдалося ажыццявіць практычна немагчымае: распавесці пра Уладзіміра Васільевіча Гніламедава глыбока, аб'ектыўна, прачула, пераканаўча, не ўпадаючы ў славаслоўе, і распавесці так, што вобраз выдатнага вучонага і таленавітага пісьменніка не засланіў сабою вобраз цікавага, самабытнага чалавека, грамадзяніна, патрыёта, асобы, якая думае, мысліць, дзейнічае, стварае.

Информация об авторе

Развадовская Наталия Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусской и зарубежной литературы. Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка (ул. Советская, 18, 220070, Минск, Республика Беларусь). E-mail: raznat2003@yandex.by

Information about the author

Natalia A. Razvadovskaya – Ph. D. (Philol.), Associate Professor of the Department of Belarusian and Foreign Literature. Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank (18 Sovetskaya Str., Minsk 220070, Belarus). E-mail: raznat2003@yandex.by

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

Паступіў у рэдакцыю 28.02.2024
https: //doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-3-256-259 Received 28.02.2024

В. І. Русілка

Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава, Віцебск, Беларусь

КНІГА, ЯКУЮ ХОЧАЦЦА ЧЫТАЦЬ І ПЕРАЧЫТВАЦЬ[1]

Ёсць асобы, ролю якіх у развіцці айчыннай, ды і сусветнай, літаратуры нельга пераацаніць. Да іх творчасці, як да жыватворнай крыніцы, пастаянна звяртаюцца і навукоўцы, і крытыкі, і чытачы. І ёсць добрыя, нават узнагароджаныя высокімі званнямі пісьменнікі, пра якіх літаратуразнаўцы напішуць адно-два манаграфічныя даследаванні (часцей тыя, хто збіраецца абараняць кандыдацкую дысертацыю) і страчваюць сваю ўвагу да іх. А навошта, калі ўсё ясна, калі спрэчак ніякіх, калі творчая індывідуальнасць па-за дынамікай літаратурнага працэсу і кнігі не цікавяць больш чытача (хіба пад прынукай школьнага настаўніка літаратуры?). Не буду называць прозвішчаў, каб нікога не пакрыўдзіць, але ж дасведчаны чытач і сам ведае, пра каго мы ахвотна пішам (як пра У. Караткевіча, В. Быкава, А. Разанава, да прыкладу), а пра каго ветліва маўчым.

Максім Танк яўна адносіцца да тых, чыя дзейсная прысутнасць у сучаснай літаратуры неаспрэчная. Ён сцвердзіў у беларускай паэзіі магутную і найбольш перспектыўную сёння стылявую плынь, арыентаваную на агульнакультурную гуманістычную спадчыну, – інтэлектуальна-заглыбленае, асацыятыўна-ўмоўнае асэнсаванне жыцця ва ўсёй шматстайнасці яго праяў. Калі яшчэ гадоў дваццаць таму можна было пералічваць імёны наступнікаў (А. Вярцінскі, П. Макаль, А. Разанаў), то зараз большая частка паэзіі, асабліва маладой, развіваецца ў рэчышчы танкаўскай традыцыі (хоць можа, і не ўсведамляючы гэтага), падключаючыся да яе найперш праз верлібр і ўласцівую яму ўмоўную, сканцэнтраваную да знака вобразнасць, якая абуджае інтэлект чытача. Глабальныя культурныя працэсы, суцэльная і безальтэрнатыўная камп'ютарызацыя вымагаюць менавіта такой паэзіі.

Вядома, Максім Танк – гэта найперш верлібр, які, зазначым, быў уласцівы паэту яшчэ ў пачатку трыццатых гадоў мінулага стагоддзя. Аднак паэт абсалютна натуральна пачуваў сябе і ў класічным меладычным вершы, і ў "цвёрдай" форме санета, пасмейваючыся, праўда, з гэтай цвёрдасці ("Антысанет"), і ў паэтычным пераасэнсаванні фальклорных сюжэтаў, прыказак і прымавак. У вобліку паэта захапляе і ўражвае маштабнасць і суладдзе духоўнага свету, у якім на роўных дэталь і высокая ідэя ("буслянка побач з Богам"), цесная зрошчанасць умоўна-абстрактнага і канкрэтна-рэчыўнага планаў, касмічнасць і адначасова заземленасць думкі. І яшчэ вельмі імпануе мяккі, дасціпны і інтэлігентны гумар і самаіронія, якой падсвечаны ці не кожны твор паэта. Шматграннасць творчай індывідуальнасці Максіма Танка і падпітвае, сілкуе нязменную ўвагу да яго паэтычных набыткаў: пра паэта напісаны сотні артыкулаў і ажно чатырнаццаць (!) манаграфій самых аўтарытэтных ў беларускім літаратуразнаўстве аўтараў: В. Рагойшы, М. Арочкі, Дз. Бугаёва, У. Калесніка, А. Вераб'я і інш. Актуальнасць і сучаснасць танкаўскай паэзіі пацвярджаецца тым, што толькі за апошнія дзесяць гадоў пра яго выйшлі дзве змястоўныя, цікавыя і абсалютна не падобныя адна да адной кнігі С. Калядкі і Л. Дранько-Майсюка.

Асобнае месца ў пераліку даследаванняў творчасці Максіма Танка займаюць кнігі Міколы Мікуліча: "Максім Танк і сучасная беларуская лірыка" (1994), "Максім Танк: на скразняках стагоддзя" (1999), "Паэзія рэчаіснасці: у свеце Максіма Танка" (2001), "Максім Танк: талент, заручаны з небам" (2012). У кожнай з папярэдне выдадзеных кніг М. Мікулічу ўдавалася пазбегнуць паўтарэнняў, знаходзячы новы ракурс даследаванняў: у большай ступені звяртаючыся ці да тэк-

[1] Мікуліч, М. У. Максім Танк. Асоба, паэзія, лёс / М. Мікуліч; навук. рэд.: У. В. Гніламедаў. – Мінск: Беларус. навука, 2023. – 499 с. У далейшым спасылкі на гэтае выданне з указаннем у дужках старонак.

© Русілка В. І., 2024

стуальнага аналізу твораў, ці да вызначэння адметнасцей стылю паэта, ці да яго стылеўтваральнага ўплыву на творчасць сучасных беларускіх паэтаў. Як бачым, новая кніга М. Мікуліча – гэта яго пятае манаграфічнае даследаванне пра Максіма Танка, таму, ніколькі не сумняваючыся ў выключнай дасведчанасці і прафесіяналізме аўтара, адразу ж задаеш сабе пытанне: што новага можна было знайсці, што новага можна было сказаць? Уважлівае чытанне цікавай і змястоўнай кнігі пераконвае: вельмі многа новага і нават нечаканага. Але аб усім па парадку.

У першай з трох асноўных частак даследавання, названай удалай і дарэчнай цытатай з Максіма Танка “Растуць шляхі і крылы…”, М. Мікуліч з уласцівай яму глыбінёй і навуковай значнасцю аналізу прасочвае дынаміку станаўлення творчай асобы Максіма Танка, яго мастацкі вопыт на працягу розных жыццёвых этапаў у багатым кантэксце літаратурнага працэсу, уплыў паэта на развіццё нацыянальнага прыгожага пісьменства. Значнасць прадмета вызначае і аб’ём гэтай галоўнай часткі, якая дзеліцца на 12 раздзелаў, што ў храналагічнай паслядоўнасці прадстаўляюць чытачу асаблівасці фарміравання індывідуальнага стылю мастака. З першых старонак кнігі, нават яшчэ з уступу, уражваюць трапнасць, глыбіня і афарыстычнасць фармулёвак, якія тут жа хочацца цытаваць: творчасць М. Танка “вызначаецца арганічным спалучэннем маштабнасці гістарычнага мыслення, шырыні духоўна-сацыяльных абсягаў і пластыкі прадметнага аналізу, прыватнай канкрэтыкі з’яў і рэчаў… Індывідуальны стыль М. Танка сінтэзуе ў сабе адзнакі выразнага сілагічнага роздуму, аўталагічнага пісьма і яркіх умоўна-асацыятыўных карцін і малюнкаў, формаў унутрана сабранага, традыцыйнага верша і дольніка, верлібра, якія абумоўлены напружанымі пошукамі мастака ў галіне паэтычнай версіфікацыі. Яго развіццё забяспечвалі актыўны рух і абнаўленне паэтыкі, асаблівасці сімволіка-алегарычнага дыскурсу, лірыка-рамантычнай экспрэсіўнасці, насычанага рытміка-інтанацыйнага гучання верша” (с. 10).

Аднак жа высокі навуковы ўзровень даследавання ў манаграфіях М. Мікуліча не навіна, а звычная з’ява. Што для мяне было новым, дык гэта яўная асабістая прысутнасць аўтара, лірызм у спалучэнні з акадэмізмам, уласцівы новай кнізе ўвогуле, непрыхаваная шчырая любоў да паэта, якая адчуваецца і тады, калі даследчык гаворыць пра М. Танка як пра цудоўнага чалавека, і ў падрабязным далікатным тэкстуальным аналізе твораў. Літаратуразнаўцы прывыклі лоўка разрываць верш на цытаты, выбіраючы сабе зручнае і не думаючы пра тое, што парушаюць мастацкую цэласнасць твора, што вобраз сам па сабе не існуе. У дачыненні да вершаў М. Танка гэта асабліва важна. М. Мікуліч не баіцца цытаваць творы цалкам, і гэта павышае пераканальнасць аналізу, павялічваючы разам з тым аб’ём кнігі (так, гаворка пра вядомы, класічны верш “Песня кулікоў” займае тры старонкі, хоць якраз гэты тэкст, у адрозненне ад іншых, не такіх вялікіх, падаецца ўсё ж з невялікімі скарачэннямі).

А ў дачыненні да хрэстаматыйнага “Ave, Maria” што ўжо новага можна было сказаць? Вопыт М. Мікуліча пераконвае: можна, калі прааналізаваць гэты верш у параўнанні з пазнейшым “Фудзіяма”. Ад такіх унутраных паралеляў даследаванне індывідуальнага стылю М. Танка толькі выйграе, а іх у кнізе нямала.

Разам з тым у асобных выпадках цытаванне выглядае празмерным. Так, справядліва адзначаючы “голую адналінейнасць” і “ружова-рамантычную апісальнасць” (с. 125) у вершы М. Танка “Мінула дзесяць год”, даследчык мог бы і не прыводзіць твор цалкам (32 радкі слабага тэксту ўсё ж, і так паверылі б).

Акрамя арыгінальнага тэкстуальнага аналізу вершаў, дасведчанага чытача зацікавіць і той факт, што эвалюцыя пісьменніка (трыццатыя гады мінулага стагоддзя, да прыкладу) падаецца не толькі на аснове пазнейшых манаграфій слынных літаратуразнаўцаў, а з цытаваннем ацэнак, дарэчы, не заўсёды станоўчых, яго сучаснікаў. Калі б не М. Мікуліч, то я ды і многія нічога не ведалі б пра ацэнкі творчасці М. Танка ў артыкулах С. Каліны, А. Станкевіча, А. Бужанскага і інш. А такі падыход сведчыць пра вялікую архіўную працу аўтара манаграфіі, пра яго прафесіяналізм і дасведчанасць.

Надаючы немалую ўвагу станаўленню творчай індывідуальнасці М. Танка ў яго ўзаемаадносінах з польскай “Авангардай”, М. Мікуліч уступае ў навуковую палеміку з доктарам філалагічных навук Г. Тычко. Чытач сам вызначыць, які з пунктаў гледжання яму блізкі, я ж зазначу,

што аргументаваная палеміка заўсёды карысная як для абодвух бакоў, так і для літаратуразнаўства ў цэлым. Яе так не хапае нашым сучасным даследаванням.

Палемічны запал увогуле з'яўляецца адметнай рысай новай кнігі М. Мікуліча, аўтар шчыра імкнецца абараніць любімага пісьменніка ад неразумення і пустых папрокаў (палеміка з С. Хмарам, нязгода з А. Карпюком, Я. Брылём, Л. Арабей, якія папракалі М. Танка ў нерашучасці). Забягаючы наперад, скажу, што найбольш пераканальны і эмацыянальны М. Мікуліч у палеміцы з В. Адамчыкам, апублікаванай у трэцяй частцы кнігі. Як вядома, знаны празаік, лаўрэат Дзяржаўнай прэміі Беларусі ў сваіх дзённікавых запісах без ніякіх аргументацый і доказаў абвінавачваў знакамітага паэта ў тым, што ён нібыта спісаў свае "Лісткі календара", дзённікавыя нататкі заходнебеларускага перыяду, з «Цатаеўскага віленскага "Slowa"», з публіцыстычных артыкулаў вядомага польскага публіцыста, гісторыка і грамадска-палітычнага дзеяча міжваеннага перыяду С. Цата-Мацкевіча. М. Мікуліч аргументавана і доказна аспрэчвае "сфармуляваны на ўзроўні нядобразычлівага падазрэння і толькі" папрок В. Адамчыка, палемізуе з пісьменнікам па іншых яго легкадумных выказваннях і заключэннях, якія зневажаюць асобу выдатнага паэта, грамадскага і дзяржаўнага дзеяча. Даследчык слушна адзначае, што мы сёння шмат гаворым пра захаванне гістарычнай памяці беларусаў, наогул памяці пра мінулае, праўду падзей і фактаў. Гістарычная памяць – гэта не толькі аснова нацыянальна-патрыятычнай адукацыі і духоўна-маральнага выхавання моладзі, але і ўсёй жыццядзейнасці народа. Захаванне светлай памяці пра Максіма Танка і ўсё зробленае ім для Беларусі і яе народа з'яўляецца нашым святым грамадзянскім абавязкам.

Безумоўную цікавасць выклікаюць пададзеныя даследчыкам удакладненыя факты біяграфіі М. Танка, звесткі (у тым ліку і трагічныя) пра яго блізкіх і самога паэта як пра выключна сціплага і прыгожага душой чалавека. М. Мікуліч, які многія гады добра ведаў паэта і сябраваў з ім, мае права сказаць: "Думаецца, якраз сінтэз рэдкага чалавечага характару і яркага мастацкага таленту, а таксама ўнікальнай жыццёвай біяграфіі абумовіў вялікія творчыя здабыткі Максіма Танка" (с. 131).

Адзінаццаты раздзел першай часткі кнігі, "Максім Танк і сучасная беларуская паэзія", стварае пераканальную панараму жывога літаратурнага працэсу, у якім уплыў класіка на сваёй творчасці адчуў ледзь не кожны з вядомых паэтаў, хто на ўзроўні тыпалагічнай блізкасці, хто – агульных стылістычных прыёмаў. Прааналізаваўшы творчасць не аднаго дзясятка беларускіх паэтаў, ад У. Караткевіча да зусім маладых В. Смолкі і В. Нікіценкі, М. Мікуліч мае права зрабіць вывад: "М. Танк з'яўляецца заснавальнікам у нашай нацыянальнай літаратуры сваёй духоўна-філасофскай школы, заканадаўцам у шмат якіх мастацка-стылявых і ўласна паэзіятворчых адносінах" (с. 223).

Шмат цікавых звестак змяшчае і самы асабісты, апошні раздзел першай часткі, які мае назву "Падчас сумоўя з паэтам": што расказваў М. Танк пра апошні дзень жыцця Янкі Купалы, пра заходнебеларускую рэчаіснасць, развагі пра беларускую мову. Сёння гэтыя звесткі толькі павялічваюць сваю каштоўнасць.

Зусім нечаканы аспект даследаванню надае невялікая, але вельмі змястоўная другая частка, "У рускіх перакладах", якая выяўляе высокую кваліфікацыю аўтара як перакладазнаўцу. Справа ў тым, што звычайна даследчыкі абмяжоўваюцца канстатацыяй факта перакладаў, іх пералікам. М. Мікуліч кваліфікавана і тонка аналізуе адпаведнасць перакладаў арыгінала, звяртаючы ўвагу як на ідэйна-вобразныя асаблівасці твораў, так і на іх рытміку, кампазіцыю, мелодыку, падтэкст. У полі зроку аўтара кнігі было больш за 50 перакладчыкаў. Пераканальна паказаны як удалыя пераклады (А. Пракоф'ева, Б. Ірыніна, У. Раждественскага, В. Тараса і інш.), так і асобныя няўдачы такога вядомага перакладчыка, як Я. Хелемскі. І, безумоўна, цікава даведацца, як сам М. Танк ставіўся да гучання сваіх вершаў на рускай мове.

Змястоўнай і арыгінальнай атрымалася і трэцяя частка даследавання, якая мае назву "У варунках гісторыка-літаратурнага працэсу і грамадскага жыцця" і прысвечана грамадскай і прафесійнай дзейнасці М. Танка, яго ўзаемаадносінам з калегамі, настаўнікамі і школьнікамі, роднымі і блізкімі, нават выпадковымі малазнаёмымі людзьмі, якія нярэдка звярталіся да яго па дапамогу. Разнастайны фактычны матэрыял, размешчаны ў сямі раздзелах, дадае новыя цікавыя

і пазнавальныя штрыхі як да прывабнага вобліку М. Танка, які заўсёды адгукаўся на звароты да яго, так і да партрэтаў многіх вядомых беларускіх літаратараў (асабліва ўразілі мяне старонкі пра таленавітага рускамоўнага паэта Ю. Фатнева). Багатае ліставанне (некаторыя лісты М. Танка, прыведзеныя М. Мікулічам, нават не ўвайшлі ў трынаццаты том збору твораў) робіць пераканальнай неаднаразова паўтараную думку даследчыка аб чалавечнасці і ўнікальнай прыгажосці асобы паэта. Цікава, што тэксты падаюцца без скарачэнняў і з захаваннем аўтарскай, часам вельмі недасканалай, арфаграфіі, што ўзмацняе эфект гістарызму і сапраўднасці.

І на заканчэнне пра тое, пра што думаеш з першых секунд знаёмства з кнігай. Як жа прыгожа, дыхтоўна, з якой павагай да чытача і да прадмета даследавання яна выдадзена! Не часта сустрэнеш такое сярод навуковых выданняў! Выдатная вокладка, якую робяць унікальнай фатаграфіі падпісаных рукой М. Танка канвертаў з лістамі да М. Мікуліча, шматлікія ілюстрацыі, фотаздымкі з асабістых архіваў і з фондаў шматлікіх музеяў і сховішчаў, аўтограф завяшчання, малюнак рукі паэта, якая своеасабліва благаслаўляе кнігу ў свет… Нават за іменны паказчык, які робіць чытанне вялікай кнігі зручнейшым, чытач будзе аўтару ўдзячны. Похапкам гэтую манаграфію не прачытаеш: 500 старонак вялікага фармату і якаснай паперы, таму трэба абавязкова сесці за рабочы стол, прывесці ў парадак думкі, уключыць камп'ютар ці ўзяць у рукі кнігу і атрымаць асалоду ад годнага твора таленавітага, выдатнага даследчыка пра вялікага нацыянальнага паэта, з якім ён сябраваў, якога глыбока паважае і любіць.

Информация об авторе

Русилко Ольга Ивановна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры литературы. Витебский государственный университет имени П. М. Машерова (Московский пр., 33, 210038, Витебск, Республика Беларусь). E-mail: rusilka@tut.by

Information about the author

Volga I. Rusilka – Ph. D. (Philol.), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Literature. Vitebsk State University named after P. M. Masherov (33 Maskouski Ave., Vitebsk 210038, Belarus). E-mail: rusilka@tut.by

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ВУЧОНЫЯ БЕЛАРУСІ

SCIENTISTS OF BELARUS

Паступіў у рэдакцыю 23.04.2024
https: //doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-3-260-264 Received 23.04.2024

СЦЯПАН СЦЯПАНАВІЧ ЛАЎШУК
(Да 80-годдзя з дня нараджэння)

Кожны раз, калі прыходзіш у кабінет да Сцяпана Сцяпанавіча Лаўшука, у яго пад рукой на прасторным, дыхтоўным стале, заваленым самымі рознымі матэрыяламі, ляжыць “дзяжурны” аркуш фармату А4, спісаны акуратным, роўным почыркам, які прынята называць уборыстым. Гэтае азначэнне ў нашым выпадку найбольш дарэчнае яшчэ і таму, што яно датычыцца не толькі самога почырку, але і думак, ім выкладаных: яны маюць насычаную канцэнтрацыю і чэпкасць логікі. Між тым філалогіі ў рацыянальнасці нярэдка адмаўляюць, абмяжоўваючы яе толькі эстэтычнай ацэначнасцю. Навуковыя працы С. С. Лаўшука даказваюць гарманічнае спалучэнне абодвух аспектаў – ratio і perceptio. Іх сімбіёз у выпадку сёлетняга юбіляра доўжыцца больш чым паўвека.

Нараджэнне С. С. Лаўшука прыпала на першае лета пасля нямецка-фашысцкай акупацыі яго роднага кута – 28 ліпеня 1944 г. У сям’і чыгуначнага майстра ў мястэчку Васілевічы з’явілася на свет пятае дзіця – сын, якога, як і бацьку, назвалі Сцяпанам.

Далей была школа – спярша сямігодка, затым сярэдняя школа № 2 г. Васілевічы, што цікава – рускамоўная. Хлопчыку вучылася лёгка. Ужо тады ён раскрыў свае шматгранныя задаткі. Разам з тым праявілася і цяга да прыгожага пісьменства. У вучнёўскай сценгазеце час ад часу сталі з’яўляцца яго вершы. Тым не менш навучанне на рускай мове не адвярнула ад роднай. Таму на парозе самастойнага жыцця (атэстат сталасці быў атрыманы ў 1961 г.) асаблівых ваганняў хіба не было – толькі філалагічны факультэт.

У 1962 г. Сцяпан Сцяпанавіч становіцца студэнтам вядучай вышэйшай установы БССР – Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Не апошняй кропляй пры выбары філалогіі стала сустрэча на старонках адносна новага літаратурнага часопіса “Маладосць” з прозаю тады пачынаючага пісьменніка-земляка, будучага акадэміка і народнага пісьменніка Івана Навуменкі. Гэты выпадак задаў пэўную лёсавызначальную арыенціроўку. Абраная спецыяльнасць – журналістыка. Неўзабаве студэнт асвойтаўся і адчуў, што яму больш па душы. У выніку ён перавёўся на аддзяленне беларускай мовы і літаратуры.

Заканчэнне Сцяпанам Сцяпанавічам БДУ прыпала на 1967 г. Выпускнік не пазарыўся на магчымасць лягчэйшага шляху працаўладкавання (напрыклад, у сталіцы, што для лепшых выпускнікоў, да якіх адносіўся і С. С. Лаўшук, не сталася б вялікай праблемай) і паехаў у глыбінку. Ён быў накіраваны на Палессе. Але не зусім у свой бок – трохі заходней, у Лунінецкі раён. Такая неабходнасць мелася на дзяржаўным узроўні. Але тое не пярэчыла тагачасным трэндам сярод моладзі, запачаткаваным Лабановічамі першай паловы XX ст. Там для настаўніка беларускай мовы і літаратуры роднымі сталі вёскі Лахва, Дзятлавічы і Бродніца.

Нягледзячы на тое, што маладому чалавеку вельмі палюбіліся мясціны, тым больш яго заўважылі і ён пачаў імкліва прасоўвацца па службовай лесвіцы (стаў намеснікам дырэктара

© Трафімчык А. В., 2024

школы, пасля дырэктарам, рос па камсамольскай лініі), усё ж пераважылі ўнутранае жаданне да творчай самарэалізацыі і перадусім цяга да навуковых даследаванняў. Таму ў 1970 г. С. С. Лаўшук паступае ў аспірантуру Інстытута літаратуры Акадэміі навук БССР. Гэтае месца працы ён ужо не пакіне ніколі: пачаўшы з пасады малодшага навуковага супрацоўніка, дарасце да галоўнага, у працэсе займаючы ў тым ліку кіруючыя пасады.

Трохі парадаксальна сёння выглядае захопленасць правінцыяльнага паляшуцкага нашчадка тэатральным дзействам. Але тое не павінна бянтэжыць: у тыя часы мастацтва Мельпамены пранікала ў самыя глухія куткі праз аматарскія (клубныя і школьныя) калектывы і – самае галоўнае – знаходзіла шчыры і гарачы водгук у сэрцах народных мас.

Таму і выбар тэмы дысертацыйнага даследавання абумоўліваўся з улікам душэўных прыярытэтаў. У выніку кандыдацкая дысертацыя пад назвай “Праблемы сучаснай беларускай драматургіі (канфлікты і характары)” была паспяхова абаронена ў 1974 г. – ужо на наступны год пасля заканчэння навучання ў аспірантуры, што з’яўляецца вельмі высокім паказчыкам.

Наколькі складана было праводзіць названае даследаванне, сведчыць факт адсутнасці ў беларускай літаратуразнаўчай навуцы даследчыкаў, якія б удзялялі сістэмную ўвагу такому сінкрэтычнаму роду мастацкай літаратуры, як драматургія. Але роля першапраходца не толькі не палохала даследчыка, а, напэўна, падштурхоўвала, каталізавала, клікала ісці наперад. Адсюль і няўрымслівасць, імпэт і валявая ўпартасць – рысы, якія адчуваюцца пры вывучэнні творчасці ўжо самога С. С. Лаўшука.

З першага артыкула (1972) малады даследчык абазначыў, што пайшоў шляхам вырашэння вострых праблем. Пра гэта сведчыць яго назва – «Большая проблема “малых театров”». Аўтар ставіў пытанне пра забеспячэне самадзейных і правінцыяльных тэатральных калектываў рэпертуарам – і ў колькасным, і ў якасным аспектах.

Першы крок у навуковых выданнях быў зроблены на старонках акадэмічнага часопіса “Весці АН БССР” (1973, № 4). Знамянальна, што датычылася публікацыя (“Узмужненне жанру”) тэорыі бесканфліктнасці, рэшткі якой часам выяўляліся “ў творчай практыцы асобных драматургаў”. У артыкуле аналізуецца няпростая эвалюцыя камедыйнага жанру ў беларускай літаратуры, лепшыя здабыткі якой, як высвятляе аўтар, паставілі айчынную драматургію на сусветны ўзровень.

У далейшым даследчыцкія тэматычныя далягляды толькі пашыраліся. У поле зроку трапілі праблемы жанру, характараў і канфлікту, тэматыка і, натуральна, ідэйная інтэнцыянальнасць п’ес. Прычым як літаратуры класічнай (у першую чаргу творы Янкі Купалы і Кандрата Крапівы), так і актуальнага для пэўнага гістарычнага моманту мастацкага працэсу (п’есы Андрэя Макаёнка, Івана Мележа, Міколы Матукоўскага, Валянціна Зуба, Алеся Петрашкевіча і многіх іншых), драматургіі як прыгожага пісьменства, так і ўжо ўвасобленай на сцэне. Прычым праз аналітыку нават газетных публікацый С. С. Лаўшука праступае навуковая глыбіня, схільнасць да фундаментальных абагульненняў.

Галоўнае ж месца ў шэрагу некалькіх сот публікацый Сцяпана Сцяпанавіча займаюць, несумненна, яго навуковыя манаграфіі. Першай стала кніга на аснове дысертацыйнага даследавання “Сучасная беларуская драматургія”, якая ўбачыла свет у 1977 г. У той час і драматургія, і тэатр атрымалі вельмі інтэнсіўнае развіццё. Таму названая тэма стала запатрабаванай не толькі ў гуманітарных колах, але і грамадствам. Чаго варты тыраж – 2100 экземпляраў!

Такім чынам, станаўленне драматургазнаўца адбылося даволі імкліва і сведчыла ўжо тады пра з’яўленне ў гуманітарнай навуцы асобы таленавітай і неардынарнай, першыя працы кніжнага фармату сталі прадвеснікамі будучых буйных дасягненняў беларускай культуры. Дзякуючы перш за ўсё названай манаграфіі літаратара прымаюць у Саюз пісьменнікаў СССР (1982).

Новая кніга С. С. Лаўшука “Станаўленне беларускай савецкай драматургіі (20-я – пачатак 30-х гг.)” (1984) адлюстроўвала міжваенны перыяд, яркі, але і няпросты ва ўсіх сферах тагачаснага жыцця. Спецыялісты падкрэсліваюць, што даследаванне праведзена на вялікім фактычным матэрыяле, дзе побач з вядомымі імёнамі і творамі прысутнічаюць папулярныя, але да таго часу прызабытыя ці зусім не заўважаныя. Такі шырокі кантэкст дапамог даследчыку прасачыць сувязь з папярэднім этапам развіцця айчыннай драматургіі і прадвызначыць шляхі яе далейшай эвалюцыі. Акрамя таго, паралельна разглядалася станаўленне нацыянальнага тэатра.

Прынцыпы, закладзеныя вучоным у першых фундаментальных манаграфіях, далей толькі развіваліся і разгортваліся, што адкрывала перспектыўныя шляхі да далейшых адкрыццяў і поспехаў.

Неўзабаве ў грамадскім жыцці насталі перамены. Натуральна, і для навукі адкрыліся новыя далягляды. Плён працы ў гэтым кірунку выліўся ў напісанне аглядавых і прысвечаных творчасці аднаго аўтара артыкулаў па гісторыі беларускай драматургіі для шматкніжнай "Гісторыі беларускай літаратуры XX стагоддзя" ў 4 тамах (6 кнігах) – фундаментальнага даследавання літаратурнага працэсу Беларусі мінулага стагоддзя (1999–2015). Дарэчы, ідэйным натхняльнікам і арганізатарам праекта, па ўнікальнасці якому няма аналагаў у культурных дыскурсах суседзяў, з'яўляўся таксама Сцяпан Сцяпанавіч.

На такім трывалым падмурку была падрыхтавана доктарская дысертацыя пад назвай "Беларуская драматургія XX стагоддзя: асноўныя праблемы развіцця", паспяхова абароненая ў 1997 г.

Вынікам шматгадовай працы над гісторыяй беларускай драматургіі стала капітальная манаграфія "Гарызонты беларускай драматургіі" (2010). С. С. Лаўшук, пачынаючы ад самых вытокаў і заканчваючы пачаткам XXI ст., сістэматызаваў і канцэптуалізаваў станаўленне і развіццё айчынных п'ес. Іх абсяг дазваляе прадукаваць новыя ідэі і даследчыцкія адгалінаванні. Многія з іх знайшлі рэалізацыю ў дысертацыйных работах вучняў Сцяпана Сцяпанавіча і шматлікіх публікацыях.

Акрамя падагульняючых работ, С. С. Лаўшук рабіў адступленні ў творчасць паасобных аўтараў п'ес. Найбольшую ўвагу атрымаў Кандрат Крапіва. Яго п'есам прысвечана манаграфічнае даследаванне, якое перажыло тры выданні (1986, 2002, 2016) і ўрэшце пад назвай "Праз церніі да брамы неўміручасці" стала галоўнай падставай для прысуджэння прэміі Федэрацыі прафсаюзаў Беларусі (2017).

За гады працы над гісторыяй беларускай драматургіі назапашваўся і тэарэтычны багаж. І. Штэйнер адзначае, што С. С. Лаўшук упершыню ў беларускім літаратуразнаўстве звяртаецца да тэорыі драмы, пры гэтым "імкнецца пазбегнуць (хоць гэта не заўсёды ўдаецца) сацыялагізацыі аналізу, у цэнтры ўвагі заўсёды пакідае феномен эстэтычнага выяўлення жыццёвых канфліктаў і асэнсаванне спецыфікі драматургічнага ўвасаблення індывідуальных характараў, спалучаючы ў адзінае цэлае праблемы і агульна-крытычны разгляд матэрыялу". У выніку сістэматызацыі тэарэтычных роздумаў літаратуразнаўца таксама нарадзілася манаграфія "На драматургічных скрыжаваннях" (1989), дзе разглядаецца праблема спецыфікі эстэтычнага ўспрымання драматычных твораў чытачом і гледачом. С. С. Лаўшук аналізуе самыя розныя грані драматургічна-тэатральнага працэсу, не грэбуючы пры гэтым сацыялагічнымі падыходамі, дзе знаходзіцца месца як агульным даным, так і канкрэтным прыкладам. Несумненна, гэта работа адыграла важнейшую ролю ў свой час. Але яна па-ранейшаму застаецца прыкладам для пераймання, бо сёння падобных даследаванняў, відавочна, бракуе, што, зрэшты, і прадракалася самім аўтарам.

Калі ж апрача аднаасобна выкананых кніжных выданняў нагадаць зробленае С. С. Лаўшуком у рамках калектыўнай працы, дык толькі частковы пералік выкліча і здзіўленне, і, адпаведна, павагу. Прычым праблемны абсяг выходзіць за рамкі беларускай праблематыкі і не абмяжоўваецца літаратуразнаўствам. Пералічым асноўныя выданні: "История белорусской советской литературы" (1977), "Беларуская літаратура і праблемы сучаснасці" (1978), "Гісторыя беларускай савецкай літаратуры" (у 2 ч., 1981–1982), "На парозе 1990-х" (1993), "Нарысы па гісторыі беларуска-рускіх літаратурных сувязей" (у 4 кн., 1993–1995), "Гісторыя беларускай літаратуры, XIX – пачатак XX ст." (2-е выд., 1998), "Гісторыя беларускай літаратуры XI–XIX стагоддзяў" (т. 2, 2007), «Тэатральная Беларусь» (т. 2, 2003), «Беларусы» (т. 13, «Тэатральнае мастацтва», 2012) і інш.

Як ацэнены вынікі літаратуразнаўча-даследчыцкай дзейнасці Сцяпана Сцяпанавіча? А гэта больш чым 300 навуковых публікацый, у тым ліку двухзначная лічба манаграфій. Зразумела, прынятымі ў навукова-адукацыйнай сферы рэгаліямі: у 1998 г. яму прысвоена званне прафесара, у 2004 г. – члена-карэспандэнта НАН Беларусі. У 2003 г. С. С. Лаўшук быў узнагароджаны знакам «Выдатнік друку Беларусі». Яшчэ праз год за вялікі ўклад у развіццё навукі і тэхнікі, паглыбленне даследаванняў у галіне фундаментальнай і прыкладной навукі, актыўную навукова-

арганізацыйную дзейнасць узнагароджаны ордэнам Францыска Скарыны. Не аднойчы вучоны быў узнагароджаны кіраўніцтвам Акадэміі навук за навуковую працу. Хаця Сцяпан Сцяпанавіч да падобнага ўшанавання адносіцца даволі спакойна, некаторымі ўзнагародамі ганарыцца і даражыць (ордэнам Францыска Скарыны, нагрудным знакам адрознення імя У. М. Ігнатоўскага Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, які быў прысуджаны ў 2021 г.). І гэта калі не лічыць паўтара дзясятка медалёў за грамадскую дзейнасць.

Пішучы пра навуковую і грамадскую дзейнасць С. С. Лаўшука, аўтары справядліва не прамінаюць вылучыць яго іпастась як арганізатара навукі і тэкстолага. За дзясяткі гадоў прафесійнага жыцця ён працяглы час кіраваў калектывамі, якія стварылі фундаментальныя даследаванні, важныя для беларускай гуманітарнай навукі.

Такія здольнасці заўважаліся кіраўніцтвам Акадэміі навук. З 1995 па 2007 г. Сцяпан Сцяпанавіч працаваў загадчыкам аддзела сучаснай беларускай літаратуры і крытыкі, пры гэтым з 1998 г. паралельна займаў яшчэ пасаду намесніка дырэктара інстытута па навуковай рабоце Інстытута літаратуры імя Янкі Купалы.

Калегі ведаюць, што Сцяпан Сцяпанавіч лічыць найлепшым помнікам для кожнага пісьменніка яго збор твораў. Таму і тут зроблена нямала. Дастаткова згадаць пералік шматтомных збораў твораў: А. Макаёнка (у 5 т., 1987–1990); Кандрата Крапівы (у 6 т., 1997–2004); Івана Навуменкі (у 10 т., 2012–2017). Акрамя таго, С. С. Лаўшуком быў падрыхтаваны ладны томік твораў У. Галубка (1983). Трэба адзначыць, што такім жа чынам быў узнагароджаны Міхайла Грамыка, “Родную пушчу” якога (1987) ніхто б іншы не ўзгадаў. Факт наяўнасці багатай драматургіі ў дакастрычнікі час яскрава адлюстраваны ў манаграфіі “Беларуская дакастрычніцкая драматургія” (1978). Тут асобна адзначым заслугу С. С. Лаўшука ў вяртанні з нябыту і больш даўніх імён і твораў (напрыклад, п’есы Міхала Цяцерскага “Доктар па прымусу”, поўнага варыянта “Камедыі” Каятана Марашэўскага). Нельга не назваць выданні, адрасаваныя дзецям. Менавіта праз іх адкрылася наяўнасць у беларускай літаратуры багатай дзіцячай драматургіі: “П’есы” (1984), “Хлопчык у лесе” (1992), “Казкі для сцэны” (1995), “Цудоўная дудка” (1997) і інш. Шлях у друк п’ес для падрастаючага пакалення быў пракладзены: з 1990-х гг. кнігі з імі сталі выдавацца рэгулярна. Тыя, хто вывучаў прафесійны шлях Сцяпана Сцяпанавіча, адзначаюць не толькі колькасць зробленага ў галіне тэксталогіі, але і шчырую любоў вучонага да роднай літаратуры, нацыянальнай драматургіі і яе творцаў, імкненне захаваць, зберагчы ўсё лепшае, створанае майстрамі мастацкага слова, незвычайныя энтузіязм і самаадданасць.

З працы Сцяпана Сцяпанавіча як арганізатара навукі асобна можна вылучыць адгалінаванне мемарыялізацыі жыцця і дзейнасці выдатных вучоных, перадусім сваіх настаўнікаў і сяброў. Спачатку з’яўляліся асобныя артыкулы (пра Уладзіміра Няфёда, Васіля Івашына, Міхася Скрыпку, Івана Навуменку і інш.). Затым ініцыяваліся, укладаліся і часцей за ўсё рэдагаваліся самім С. С. Лаўшуком наступныя зборнікі ўспамінаў: “Жыццё не песціла мяне: успаміны пра Васіля Уладзіміравіча Івашына” (2013), “Дарыў святло сваёй душы людзям і Айчыне: успаміны пра Юльяна Сяргеевіча Пшыркова” (2015), “Летуценнасць і вялікія здзяйсненні: успаміны пра Івана Навуменку” (2017), “Скарбаў падземных шчаслівы шукальнік: успаміны пра Пятра Фёдаравіча Лысенку” (2023).

Пра дзейнасць Сцяпана Сцяпанавіча з нагоды яго ранейшых юбілеяў напісана ўжо нямала. Але толькі зрэдку нехта згадае пра такі важнейшы бок яго навуковага жыцця, як папулярызацыя дасягненняў беларускай навукі і культуры. У выніку ствараліся матэрыялы, якія пашыраліся па ўсёй Беларусі. Гэта, у прыватнасці, брашуры “З думкай пра сучасніка: Агляд сучаснай беларускай драматургіі” (1977), “Першы народны артыст БССР” (пра У. Галубка, 1982) і “Высокія арбіты грамадзянскасці” (пра А. Макаёнка, 1984). Важнай старонкай у біяграфіі С. Лаўшука з’яўляецца штогадовы ўдзел у навукова-асветніцкай экспедыцыі “Дарога да Святыняў”.

Адной з самых важных граней сацыяльнага жыцця Сцяпана Сцяпанавіча, несумненна, з’яўляецца педагагічная. Падрыхтоўку кадраў С. С. Лаўшук лічыць адным з прыярытэтных напрамкаў: кіраўніцтва кандыдацкімі дысертацыямі, работа намеснікам старшыні экспертнага савета № 7 ВАК Беларусі, членства ў савеце па абароне дысертацый пры Інстытуце літаратуразнаўства імя Янкі Купалы, прыём іспытаў у дзяржаўных экзаменацыйных камісіях. Многім

даследчыкам Сцяпан Сцяпанавіч даў пуцёўку ў навуковае жыццё. Толькі кандыдатаў філалагічных навук пры падтрымцы мэтра беларускай гуманітарыстыкі было падрыхтавана больш чым паўтара дзясятка.

Шмат часу на працягу 1990-х гг. С. С. Лаўшук прысвячаў студэнцкай аўдыторыі, перш за ўсё у alma mater. Акрамя таго, ён чытаў лекцыі па прадметах і вёў спецкурсы на малой радзіме – у ГДУ імя Францыска Скарыны, дзе таксама кіраваў дыпломнымі работамі, падрыхтаваў толькі для ГДУ трох кандыдатаў навук, у 1980-я гг. узначальваў кафедру беларускай літаратуры. Сёлетні юбіляр таксама прыклаў шмат намаганняў па стварэнні падручнікаў і навучальных дапаможнікаў па гісторыі беларускай літаратуры для філалагічных факультэтаў.

Адзначаючы грамадска-палітычную іпастась вучонага, дырэктар Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі акадэмік А. І. Лакотка падкрэсліў, што С. С. Лаўшук шырока вядомы сваёй грамадскай дзейнасцю, у якой заўсёды праяўляў сябе чалавекам справядлівым, адказным, абавязковым і патрабавальным.

Сёння вучоны знаходзіцца ў выдатнай творчай форме. На падыходзе чарговыя навуковыя выданні і новыя абароны вучняў. Усё зробленае дазваляе казаць пра літаратуразнаўчую школу, сфраміраваную і ўзгадаваную С. С. Лаўшуком, школу, якая будзе мець працяг у наступных дзесяцігоддзях і стагоддзях, даследчыках і пакаленнях. Таму пажадаем чым даўжэйшага разгортвання ланцуга ўборыстага почырку Сцяпана Сцяпанавіча, а таксама яго зямнога чалавечага і даследчыцкага веку.

А. В. Трафімчык

Інформация об авторе

Трофимчик Анатолий Викторович – кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: anatol1976@gmail.com

Information about the author

Anatolii V. Trophimchik – Ph. D. (Philol.), Associate Professor, Leading Researcher. Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: anatol1976@gmail.com